

СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

№ 1, 2024

Научный журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» является постоянным периодическим изданием Института Китая и современной Азии РАН, призванным открыть окно в большую академическую науку молодым ученым. Журнал создан на базе постоянной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Миссия журнала — представить читателям многообразие исторических, культурологических отношений стран Восточной и Юго-Восточной Азии, наднациональных интеграционных объединений (ШОС, ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН, ОДКБ и др.), региональные особенности. Журнал выступает динамично развивающейся площадкой и дает ответы на вопросы текущей повестки дня.

Научные специальности: 5.2. Экономика, 5.4. Социология, 5.5. Политология, 5.6. История

Учредитель/Издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН)

Председатель редакционного совета:

Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН

Члены редакционного совета:

1. Боровой Виталий Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
2. Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН
3. Иноятова Диларам Маниглиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)
4. Карпиленя Николай Васильевич, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры (социально-гуманитарных дисциплин) ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
5. Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
6. Свилас Светлана Францевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
7. Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры Истории и психологии Социально-гуманитарного факультета НОУ «Университет Мамуна» (г. Хива, Узбекистан), заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
8. Шевцов Юрий Вячеславович, PhD in Political Sciences, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
9. Ян Сумэй, доктор исторических наук, профессор Института иностранных языков Аньхойского педагогического университета, руководитель магистратуры русского языка и литературы и докторантуры мировой истории, главный эксперт и исполнительный директор Центра исследования регионов «Волга—Днепр» при Министерстве образования КНР Аньхойского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы, эксперт по оценке проектов Национального фонда социальных наук (г. Уху, КНР)

Редакция:

А.В. Бредихин (главный редактор), Е.О. Заклязьминская (заместитель главного редактора), А.Ч. Мокрецкий (заведующий редакцией), Т.М. Мамахатов (ответственный по работе с молодыми учеными), А.Д. Александрова (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (917) 510-23-12

E-mail: ca-journal@yandex.ru

Сайт журнала: <https://ca-journal.ru/>

**Современная Азия:
политика, экономика, общество**

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-85221 от 27.04.2023

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-3366

DOI: 10.48647/ICCA.2024.15.96.001

Подписано в печать 20.03.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО

<i>Морозова В.С., Золоторева А.А.</i> Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи	9
<i>Лецкая А.С.</i> Кросс-культурные барьеры во взаимодействии России и Китая	25
<i>Сюй Хайюэ.</i> Культурный суверенитет в Восточной Азии: пересечение, конфликты и разрешение	41
<i>Останина К.А.</i> Становление жанра Кихэн-каса в корейской поэзии	50

ЭКОНОМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

<i>Мамаева Ю.А.</i> Цифровой юань e-CNY: перспективы развития государственной цифровой валюты Китая	57
<i>Николаевский Н.Н.</i> Дедолларизация экономики Китая: современные тенденции и перспективы	65
<i>Попов А.А.</i> Горнодобывающая промышленность Индонезии: перспективы российских инвестиций в сфере добычи и переработки	74

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Давыдова А.О., Павленко А.Б.</i> Демографический кризис Республики Корея и Японии: анализ и перспективы	86
--	----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Мамыкин И.К.</i> Экономические интересы Китая в сфере японских технологий и электроники	97
--	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Ильинский А.А. Индийско-китайский территориальный спор:
история, современность и перспективы 105

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч. 11-я международная конференция
молодых востоковедов в ИКСа РАН 118

TABLE OF CONTENTS

The word of the editor-in-chief	7
---------------------------------------	---

ORIENTAL SOCIETY

<i>Morozova V.S., Zolotareva A.A.</i> 躺平 (“lying flat”) and 摆烂 (“put your hands down”) internet-phenomena as a reflection of Chinese youth contemporary values	9
<i>Letskaia A.S.</i> Cross-cultural barriers in the interaction of Russian and Chinese entrepreneurs	25
<i>Xu Haiyue.</i> Cultural sovereignty in East Asia: intersection, conflict and resolution	41
<i>Ostanina K.A.</i> The rise of the Kihaeng-kasa genre in Korean poetry	50

THE INTERNAL ECONOMY OF THE COUNTRY

<i>Mamaeva Y.A.</i> Digital yuan e-CNY: China's state digital currency development perspectives	57
<i>Nikolaevskiy D.D.</i> De-dollarization of China's economy: current trends and prospects	65
<i>Popov A.A.</i> Mining industry in Indonesia: prospects for Russian investment in mining and processing	74

DEMOGRAPHIC PROCESSES

<i>Davydova A.O., Pavlenko A.B.</i> Demographic crisis of the Republic of Korea and Japan: analysis and prospects	86
---	----

WORLD ECONOMY

<i>Mamykin I.K.</i> China's economic interests in the field of Japanese technology and electronics	97
--	----

INTERNATIONAL CONFLICTS

Ilyinsky A.A. The Indian-Chinese Territorial Dispute:
history, modernity and prospects 105

SCIENTIFIC REVIEW

Mamakhatov T.M., Mokretskii A. Ch. The 11th International Conference
of Young Orientalists in ICCA RAS 118

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели, авторы, коллеги!

2024 год Зеленого деревянного Дракона обещает удачу и благополучие в развитии науки. А наш журнал способствует этому, привлекая новых молодых ученых, аспирантов, студентов. В этом выпуске читателю предстоит окунуться в мир Восточной Азии, наполненный красками и событиями, трендами экономики и международными противостояниями.

В очередной раз выражаем поддержку и признательность доктору филологических наук, директору Института Китая и современной Азии Российской академии наук Кириллу Владимировичу Бабаеву за возможность реализовывать столь интересный и глубокомысленный проект.

Немного расскажем о содержании. Доктор философских наук, профессор кафедры китайской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, приглашенный профессор Высшей школы экономики В.С. Морозова совместно со студентом Института востоковедения и африканистики НИУ-ВШЭ А.А. Золотаревой представили работу **«Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи»**, вынося на суд читателей текущие тренды китайской цифровой коммуникационной среды.

Тему вопросов коммуникации, но уже в международном формате продолжила преподаватель Мумандарин А.С. Лецкая в статье **«Кросс-культурные барьеры во взаимодействии России и Китая»**, что соответствует профилю научных исследований Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН.

Актуальные аспекты культурной идентичности выделяет магистрант Пекинского университета иностранных языков Сюй Хайюэ в работе **«Культурный суверенитет в Восточной Азии: пересечение, конфликты и разрешение»**. Рассматривая культурную схожесть азиатских государств, он указывает на наличие существенных конфликтов в межкультурном сотрудничестве, потому приводит пути их решения.

Век цифровых технологий диктует свои тренды и в финансовой сфере. О них размышляет младший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН Ю.А. Мамаева в исследовании **«Цифровой юань e-CNY: перспективы развития государственной цифровой валюты Китая»**. Денежную проблематику, а именно деолларизацию в рамках перезагрузки мира в формат многополярности продолжает молодой ученый из Московского государственного лингвистического университета Д.Д. Николаевский в публикации **«Деолларизация экономики Китая: современные тенденции и перспективы»**.

В рамках политики разворота Российской Федерации на Восток, особое внимание привлекают инвестиции в Азии. **«Горнодобывающая промышленность Индонезии: перспективы российских инвестиций в сфере добычи и переработки»** с таким названием была представлена глубокая исследовательская работа аспиранта Института Китая и современной Азии РАН А.А. Попова. По его мнению, российские компании способны заменить в Индонезии уходящие западные фирмы.

Проблема численности населения в странах Азии занимает одну из наиболее высоких строк. Статью **«Демографический кризис Республики Корея и Японии: анализ и перспективы»** опубликовали студенты по специальности востоковедение и африканистика Московского городского педагогического университета А.О. Давыдова и А.Б. Павленко. Они приходят к выводам о необходимости восстановления рабочей силы за счет привлечения иностранных специалистов в эти страны.

Экономическое сотрудничество сохраняет за собой право называться наиболее динамично развивающимся аспектом международных отношений. Младший научный сотрудник лаборатории внешнеполитической экспертизы Института Китая и современной Азии РАН И.К. Мамыкин в статье **«Экономические интересы Китая в сфере японских технологий и электроники»** указывает на Японию как на альтернативный источник высоких технологий для китайской стороны, что актуализировалось в связи с позицией по переносу производств американских компаний.

Не только корейское кино, но и корейская поэзия приобретает глобальное распространение. Статья на тему **«Становление жанра кихэн-каса в корейской поэзии»** была представлена студентом Восточного института — Школы международных и региональных исследований Дальневосточного федерального университета К.А. Останиной. В ней автор указывает на то, что чувства, переживания и опасения делают их уникальными произведениями Дальнего Востока.

Завершает выпуск работа студента МГИМО МИД России А.А. Ильинского **«Индийско-китайский территориальный спор: история, современность и перспективы»**. Автор приходит к неутешительным выводам, что вопрос вряд ли будет урегулирован дипломатическим путем в ближайшем будущем.

Представлен обзор **11-й международной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее»**, которая состоялась 23—24 ноября 2023 г. в ИКСА РАН. Конференция прошла в рамках 5 пленарных сессий и 1 студенческой секции в смешанном очно-дистанционном формате.

Номер получился ярким, разносторонним и насыщенным. Будем сохранять эту тенденцию и в будущем. Надеемся на конструктивную критику и расширение нашего уже ставшего международным авторского коллектива!

*С уважением,
кандидат исторических наук,
главный редактор научного журнала
«Современная Азия: политика, экономика, общество»,
ведущий научный сотрудник ИКСА РАН
Бредихин Антон Викторович*

В.С. Морозова, А.А. Золотарева

Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи

Аннотация. Молодежь занимает существенную долю в демографической структуре населения Китая и представляет ключевую социальную категорию, влияющую на формирование перспектив развития общества. В последние годы, особенно после пандемии COVID-19, молодое поколение Китая сталкивается с быстрыми темпами глобализации и цифровизации, что приводит к значительным социокультурным изменениям и переоценке традиционных ценностей. С одной стороны, рост экономики и доступность современных технологий сделали западный образ жизни более привлекательным, с другой — высокие требования и ожидания общества создают ощущение стресса и неуверенности в будущем, что способствует более пессимистическому отношению к жизни и вызывает у молодых людей отчуждение от традиционных ценностей. В этом контексте, анализ ценностных ориентаций молодежи является критически важным для прогнозирования потенциальных трансформаций и их влияния на развитие страны в долгосрочной перспективе.

Новизной в реализации данного исследования становится комплексная методология, включающая анализ процессов генезиса рассматриваемых явлений на основе социокультурного подхода, контент-анализ китайских цифровых платформ (微信/WeChat) и 小红书/Little Red Book) на предмет ключевых слов «躺平» и «摆烂» и авторский опрос китайской молодежи на предмет значимых ценностей и степени удовлетворенностью жизнью. В целом это представляет собой перспективный подход к исследованию общественных явлений, подкрепленный также релевантными статистическими показателями.

Основное внимание авторы уделяют репрезентации явлений «躺平» и «摆烂» в интернет-пространстве, реализуя их качественное и количественное исследование, в рамках которого выделены ключевые термины и выражения, связанные с этими феноменами, а также различные их контексты. Для достижения основной цели исследования был проведен предварительный анализ текстовых материалов, включая научные публикации китайских авторов и публикации платформ 微信/WeChat (включая мини-программу 微信指数/WeChat Index) и 小红书/Little Red Book. Для подкрепления полученных данных был проведен авторский опрос

китайской молодежи на предмет значимых ценностей и степени удовлетворенностью жизнью, что также отражено релевантными статистическими показателями и позволяет выявить общие тенденции, связанные с изменением ценностей современной китайской молодежи.

Авторская методология сделала возможным установить факторы, влияющие на трансформацию ценностных ориентаций молодого поколения Китая, определить как эти процессы представлены в онлайн-пространстве, а также утверждать, что важным аспектом для устойчивого развития страны в быстро меняющихся общественных реалиях становятся государственные меры поддержки и воспитание оптимистических настроений в молодежной среде.

Вклад авторов в работу равноценен (разработка идеи и дизайна исследования, сбор и анализ данных, интерпретация результатов, написание текста статьи, формулировка выводов).

Ключевые слова: молодежь Китая, ценности и ценностные ориентации, социальные сети, социокультурная трансформация, «лежать плашмя», «опустить руки».

Авторы: Морозова Валентина Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры китайской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; приглашенный профессор кафедры китайской филологии, Институт востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0001-9928-4530.

E-mail: morozova1550@mail.ru, vmorozova@hse.ru

Золотарева Анна Алексеевна, студент (бакалаврская программа «Востоковедение»), Институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. E-mail: aazolotareva_1@edu.hse.ru

Для цитирования: Морозова В.С., Золотарева А.А. Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 9—24. DOI: 10.48647/ICCA.2024.95.89.002.

Morozova V.S., Zolotareva A.A.

躺平 (“lying flat”) and 摆烂 (“put your hands down”) internet-phenomena as a reflection of Chinese youth contemporary values

Abstract. Youth constitutes a significant portion of China's demographic structure and represents a key social category influencing the formation of the society's developmental prospects. In recent years, especially after the COVID-19 pandemic, China's young generation has been confronted with rapid globalization and digitalization, leading to significant sociocultural changes and a reevaluation of traditional values. On one hand, economic growth and access to modern technologies have made the Western lifestyle more appealing, while on the other hand, high societal demands and expectations create feelings of stress and uncertainty about the future, contributing to a more pessimistic outlook on life and alienation from traditional values among young people. In this context, analyzing the value orientations of the youth becomes critically important for forecasting potential transformations and their impact on the country's long-term development.

The novelty in implementing this research lies in its comprehensive methodology, which includes an analysis of the researched phenomena genesis processes based on

sociocultural approach, content analysis of the Chinese digital platforms (WeChat, Little Red Book) regarding the key terms «躺平» and «摆烂» and conducting an original survey of Chinese youth regarding significant values and their level of life satisfaction. This approach represents a promising method for studying societal phenomena, further supported by relevant statistics.

Analysis. The authors primarily focus on the representation of the phenomena of «躺平» and «摆烂» in the online space, conducting qualitative and quantitative research to identify key terms and expressions associated with these phenomena, as well as their various contexts. To achieve the main goal of the research, a preliminary analysis of textual materials was conducted, including scientific publications by Chinese authors and content from the WeChat (including the use of the WeChat Index mini-program) and Little Red Book platforms. To support the obtained data, an original survey of Chinese youth was conducted regarding significant values and the degree of life satisfaction. The interpretation of the data was supported by relevant statistics, allowing for the identification of general trends related to the changes in values among contemporary Chinese youth.

The author's methodology allowed to identify the factors influencing the transformation of value orientations among the young generation in China, to determine how these processes are represented in the online space. It also asserts that an important aspect for the country's sustainable development in rapidly changing societal realities lies in the implementation of government support measures and fostering optimistic attitudes among the youth community.

Authors contribution (if more than 1 author). The authors' contributions to the work are equal (developing the research idea and design, data collection and analysis, interpreting the results, writing the article, formulating conclusions).

Keywords: Chinese youth, values and value orientations, social media, sociocultural transformation, “lying flat”/躺平, “give up”/摆烂.

Authors: *Morozova Valentina Sergeevna*, Doctor of Sciences (Philosophy), professor department of Chinese Philology Institute of Foreign Languages, Herzen University, Saint Petersburg, Russia; associate professor, The Department of Asian and African Studies Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9928-4530. E-mail: morozova1550@mail.ru, vmorozova@hse.ru

Zolotareva Anna Alekseevna, student (bachelor's program «Asian and African Studies»), Institute of Asian and African Studies, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia. E-mail: aazolotareva_1@edu.hse.ru

For citation: Morozova V.S., Zolotareva A.A. 躺平 (“lying flat”) and 摆烂 (“put your hands down”) internet-phenomena as a reflection of Chinese youth contemporary values. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 9–24. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.95.89.002.

Введение

Трансформационные процессы, затрагивающие ценности и ценностные ориентации современной китайской молодежи, являются важным предметом исследования в свете изменений, происходящих в китайском обществе после 2020 г., когда пандемия COVID-19 стала катализатором многих трансформаций, в том числе — ускорения процессов цифровизации. Обладая высоким уровнем цифровой грамотности, молодежь представляет собой наиболее активную группу

в интернет-пространстве, что дает ей возможность активно репрезентовать в этом пространстве свои интересы, ценности, поведенческие особенности, что в свою очередь представляет собой ценный источник информации для исследователей в контексте анализа и прогнозирования развития социокультурных тенденций общества.

Так, феномен 躺平 («лежать плашмя») впервые появился в апреле 2021 г. на онлайн-форуме китайского веб-сервиса 百度贴吧 (Baidu Post Bar), когда пользователь с ником «好心的旅行家» («добрый путешественник») поделился своим «правильным» образом жизни — очень экономным, с двумя приемами вегетарианской пищи в день, обходящегося ему в 200 юаней в месяц. Этот пост вызвал оживленные дискуссии и был распространен на других социальных платформах, включая 微博 (Weibo), став широко обсуждаемой темой. Сегодня можно говорить о формировании своеобразного интернет-феномена — 躺平文化 (культуры «лежать плашмя»), который воспринимается как некая жизненная философия, когда молодые люди отказываются от участия в конкуренции за различные ресурсы и минимизируют свои желания для облегчения общественного давления. В июне 2021 г. китайский сервис микроблогов 微博 (Weibo) провел опрос с участием более 240 000 человек, который показал, что 60 % опрошенных выбрали философию 躺平 («лежать плашмя») [10].

Мнение общественности относительно данного явления разделилось. Одни (в основном молодые пользователи Интернета) считают, что 躺平 («лежать плашмя») — это правильная стратегия для избежания внутренних конфликтов. Другие (преимущественно общественные деятели и представители СМИ) рассматривают философию 躺平 («лежать плашмя») как постыдное явление, отражающее уклонение молодежи от ответственности [1]. Несмотря на то что эти дискуссии представляют собой противоположные точки зрения, обе из них не совсем верны, так как любое обвинение может вызвать у молодежи сопротивление, а упорное отстаивание самой молодежью позиции 躺平 («лежать плашмя») не способствует решению коренных проблем, с которыми она сталкивается.

С 2022 г. в китайских соцсетях наблюдается усиление пессимистических настроений молодежи, что может иметь серьезные последствия для общества в целом. Так, контент-анализ показывает, что популяризировалось еще одно сленговое выражение — 摆烂 («опустить руки»), которое также имеет более резкий перевод как «загнивать/разлагаться». Философия 摆烂 («опустить руки») подразумевает активное принятие негативной ситуации без попыток изменить ее к лучшему. Смысл этого выражения схож с китайской идиомой «разбивать треснутые горшки» (破罐破摔), означающей, что если что-то нельзя исправить, то лучше сразу опустить руки и сдаться. Происхождение слова 摆烂 («опустить руки»), предположительно, связано с намеренно проигрываемыми матчами NBA (Национальной баскетбольной ассоциацией), и можно сказать, что феномен 摆烂 («опустить руки») — закономерное продолжение общей пессимистической тенденции китайской молодежи.

В эпоху цифровых технологий молодежные субкультуры принимают сложные, разнообразные формы. Феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») отражают идентичность и систему ценностей китайской молодежи, их ре-

презентация в сети Интернет выступает ключевым способом понимания взаимоотношений между представителями молодого поколения и обществом. Исследование этих процессов является крайне актуальным для осознания современной китайской общественной динамики и формирования будущего развития Китая. В исследовании применяется комплексная методология на основе социокультурного подхода, синтезирующая методы контент-анализа, авторского опроса и аналитику релевантных статистических данных, что опосредует решение следующих исследовательских задач: определить основные факторы трансформации ценностных ориентаций молодого поколения Китая, проанализировать репрезентацию феноменов 躺平 и 摆烂 в китайском интернет-пространстве, показать динамику пессимистических настроений современной китайской молодежи, а также сделать акцент на внимании государства к этим проблемам.

Методы и материалы

Новизной в реализации данного исследования становится применение комплексной методологии на основе социокультурного подхода, включающей, помимо компаративистского анализа аутентичных научных публикаций по теме исследования, также:

- метод контент-анализа китайских цифровых платформ 微信/WeChat и 小红书/Little Red Book, в том числе с использованием мини-программы 微信指数/WeChat Index, на предмет ключевых слов 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки»);
- специально разработанный авторский опрос представителей современной китайской молодежи на предмет удовлетворения уровнем жизни в целом.

Использование онлайн-площадок для анализа социокультурных характеристик представляет собой новый и перспективный подход к исследованию общественных явлений, а применение комплексной методологии позволяет получить более глубокое понимание исследуемого феномена, подкрепленное опросом и статистическими данными.

Выбор хронологических рамок — период после 2020 г. по н.в. — опосредован пандемией COVID-19, которая стала катализатором ряда изменений, среди которых наиболее близкое к нашему исследованию — переход большинства компаний на удаленную работу и стремительное ускорение процессов цифровизации, что привело к увеличению продолжительности рабочего времени и не могло не повлиять на изменения в межличностных отношениях, трансформацию социокультурных норм, обычаев, ценностей. Все это повлекло за собой психологический эффект, выражающийся в повышении уровня стресса и тревожности, отраженном трансформационными тенденциями в ценностных ориентациях молодежи и зафиксированным контентом цифровых платформ.

Для достижения основной цели исследования, прежде всего, был проведен анализ аутентичных публикаций китайских авторов на платформе CNKI как крупнейшей в Китае базы научных публикаций, прошедших рецензирование, а значит — соответствующих академическим стандартам. Отдельно отметим до-

ступность данных — владение китайским языком позволило авторам работать с оригинальными источниками. Далее были проанализированы работы российских синологов на платформе E-library, точнее — ее ядра как основной, наиболее авторитетной и актуальной части этой базы научных публикаций. Работа с двумя платформами позволила провести компаративистский анализ подходов и методов исследования изучаемого феномена, что дает более полное представление об исследуемой проблеме, возможность объективно оценить гипотезу исследования, усилить аргументацию и обосновать выводы.

Далее акцент был сделан на анализе представления феноменов 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражении современных ценностей китайской молодежи в китайском интернет-пространстве, а именно на цифровых платформах 微信/WeChat и 小红书/Little Red Book, были выделены ключевые слова и фразы, связанные с данными явлениями, и проведено их качественное и количественное исследование. Объясним, почему именно эти платформы выступили в качестве основных источников:

- 微信/WeChat — это самая популярная китайская социальная медийная платформа. Она является релевантным источником исследования, так как, во-первых, включает 1,2 млрд активных пользователей ежедневно, а во-вторых, разнообразие контента (обмен сообщениями, голосовые и видеозвонки, публикация постов, создание мини-программ, оплата товаров и услуг, чтение новостей и многое другое) делает возможным отслеживание актуальных для обсуждения событий, новостей и трендов. Так, инструмент 微信指数/WeChat Index позволил отследить интерес к интернет-феноменам 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки»), проанализировать тренды и различные контексты поисковых запросов, связанных с ними;

- 小红书/Little Red Book — это платформа, ориентированная на молодежь, позволяющая пользователям делиться отзывами, рекомендациями и советами о продуктах, путешествиях, моде, красоте и других темах, что делает ее релевантным источником нашего исследования. Данная платформа содержит широкий спектр контента, созданный молодыми пользователями и предоставляющий возможность анализа на предмет социокультурных трендов и интересов молодежи в Китае, информации о ее ценностях, мнениях и взглядах, уровня вовлеченности в интернет-культуру и воздействия цифровой среды на ее поведение.

В данном исследовании использовано определение «молодежь» по классификации Организации Объединенных Наций, т. е. молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет (включительно) [5], применены количественные методы сбора информации онлайн в виде опроса в период с июня по август 2023 г. Всего было опрошено более 20 человек, проанализированы причинно-следственные связи между вопросами и полученными ответами. Дальнейшая интерпретация данных была подкреплена релевантными показателями Государственного статистического управления Китая, главной китайской рекрутинговой платформы Zhaopin.com, опросов газеты 中国青年 («Китайская молодежь»), что позволило увидеть общие тенденции и особенности, связанные с изменением ценностей современной китайской молодежи и сформулировать основные выводы и дальнейшие направления исследований.

Анализ

Сегодня китайская молодежь нередко обладает пессимистическим настроением и активно репрезентует его посредством популярных интернет-платформ. Данное явление — закономерное продолжение уже некоторое время существовавшей общей тенденции. Начальным ее этапом можно считать возникновение в 2011 г. социального явления 屌丝 («неудачник»). Хотя изначально этот термин использовался для высмеивания молодых мужчин посредственной внешности и низкого социального положения, постепенно он избавился от социальной и гендерной коннотации и приобрел определенный протестный оттенок, который можно оценивать как социальный пессимизм [8, с. 27]. Следующим этапом стало становление в 2016 г. 丧文化 («культуры траура») — тенденции, связанной с чувствами пораженчества, самоуничтожения и упадничества китайской молодежи среднего класса. «Культура траура» зародилась в ответ на господствующую в политическом дискурсе эпохи Си Цзиньпина 正能量 («культуру позитивной энергии») [13, с. 86]. В 2017 г. в Китае возникло движение 佛系青年 («буддийской молодежи»), последователи которого отвергали ожесточенную конкуренцию и постоянную спешку современного китайского общества в пользу апатичной жизни [7, с. 125].

Важным этапом стало появление в 2021 г. феномена 躺平 («лежать плашмя»), основывающегося на идеях минимализма, антипотребительства, отказа от тяжелой работы и всех видов конкуренции. Однако, хотя и многие молодые китайцы разделяют идеи 躺平 («лежать плашмя»), в действительности же они редко практикуют 100-процентное «лежание плашмя» [6], а скорее занимают «полулежачее положение» 45度人生 («жизнь на 45 градусов»), отражающее стремление найти баланс между работой и отдыхом.

В 2022 г. возникло новое движение 摆烂 («опустить руки»), подразумевающее активное принятие негативной ситуации без попыток изменить ее к лучшему. Более того, в этой концепции наблюдается достаточно тревожный подтекст: тогда как 躺平 («лежать плашмя») предполагает использование усилий по минимуму, 摆烂 («опустить руки») означает полное безразличие и отказ от прикладывания усилий в принципе.

К основным факторам пессимизма китайской молодежи можно отнести возрастающую конкуренцию в сфере образования и на рынке труда, которая характеризуется понятием 内卷 («инволюция» или «движение назад»). Особенно высока конкуренция на рынке труда среди молодежи: в июле 2022 г. уровень безработицы среди городской молодежи превысил общий уровень городской безработицы почти в четыре раза и составил 19,9 % [12]. Высокая конкуренция сопровождается тяжелой рабочей нагрузкой: во многих компаниях присутствует рабочая культура «996» (с 9 утра до 9 вечера 6 дней в неделю) или «007» (удаленная работа 24 часа 7 дней в неделю). Важным фактором стала пандемия COVID-19, которая не только усложнила поиск работы для молодых китайцев, но и сказалась на ухудшении их психического здоровья в периоды постоянных карантинных локдаунов [9, с. 1].

Анализ содержания платформы 小红书/Little Red Book обращает внимание на значимость концепции 躺平 («лежать плашмя») среди китайской молодежи и от-

Рис. 1. Пример практики пассивного отношения к стремлениям и вызовам современности

ражает ее влияние на их ценностные ориентации. Данная концепция активно обсуждается в тысячах публикаций, призывая к практике пассивного отношения к стремлениям и вызовам современности (рис. 1).

Рассмотрим ряд показательных кейсов. Так, например, шанхайский йога-центр «Creative Shelter» (более 500 тыс. пользователей) затрагивает важный вопрос о ценностных ориентациях современной китайской молодежи. Путем размещения серии постов подчеркивается нормативность и допустимость принятия концепции 躺平 («лежать плашмя»), однако авторы подобного контента предупреждают от крайностей и подчеркивают необходимость поиска баланса, что свидетельствует о

стремлении к гармонии между активностью и пассивностью в рамках современных реалий. Визуализация демонстрирует молодую девушку, которая, лежа на кровати, тем самым символизирует стремление к внутренней гармонии в условиях быстрого темпа современной жизни и признание молодежью ценности пассивного отдыха.

Ряд пользователей платформы 小红书/Little Red Book выражает свое отношение к явлению 躺平 («лежать плашмя») через визуализированный контент:

- искусствовед и художник с ником 十只山 (Четыре горы, *шичжи шань*) представил аудитории набор иллюстраций, включающий шесть изображений животных, каждое из которых пассивно лежит на полу, укрывая свое лицо книгой, на обложке которой написано следующее: «закон зарабатывания денег», «дорога к богатству», «большая мечта». Все изображения демонстрируют животных, полностью углубленных в чтение, лишенных возможности видеть мир вокруг. Сопровождающая надпись просит замедлиться и задуматься, найти время для простого созерцания окружающей действительности;

- пользователь с ником 十元尼美 (*шиюань нимэй*) является художницей и посредством своих картин выражает отношение к исследуемому явлению. Так, один из ее постов содержит изображение молодой женщины, упавшей на край дивана и находящейся в состоянии невозмутимой бездейственности. Множество подобного контента в ее профиле отражает суть явления 躺平 («лежать плашмя»), а более 500 комментариев молодых пользователей свидетельствует о том, что они узнают себя в данной художественной композиции, интерпретируя ее как отражение собственных жизненных ситуаций;

- пользователь с ником 邻光 (*лин гуан*) разработал серию иллюстраций, включающих иероглифические символы, выполненные в технике чернил. Все они имеют отсылки к рассматриваемому явлению. Так, помимо иероглифов 躺平 («лежать плашмя»), он использует 瘫 («упасть без сознания»), 不动 («не шевелиться») и 为啥 («почему»/«за что»), которые раскрывают дополнительные аспекты данной концепции. Весьма саркастичный стиль автора привлекает внимание к

сложившейся ситуации и демонстрирует интерес к этому феномену со стороны более чем 700 пользователей.

Такие примеры отражают попытки их авторов выразить глубокий смысл, заключающийся в соотношении стремлений современной китайской молодежи к постоянной работе, достижению материальных благ и восприятию окружающей действительности, упуская важные моменты в жизни, вызывая размышления о балансе между стремлением к успеху и потребностью в отдыхе. В целом, на платформе 小红书/Little Red Book доступно большое количество ироничных анимационных иллюстраций, включающих сцены, в которых животные и люди изображены в состоянии усталости и пассивности, что находит отражение в комментариях пользователей, которые делятся своими жизненными ситуациями и поддерживают друг друга. Кроме того, здесь представлено множество информативных руководств в отношении молодежи о том, как правильно совмещать работу, учебу и семейные обязанности, не забывая при этом о реальных ценностях.

Примерно такой же контент можно обнаружить и при анализе публикаций платформы 微信/WeChat. Однако учитывая, что эта платформа делает возможным покупку информационных и развлекательных материалов, приведем в качестве примера стикерпак (наборы различных изображений, объединенных одной тематикой, используемые как формы быстрого выражения эмоций). Проанализируем один из самых популярных в 2022 г. наборов, найденных по хэштегу #躺平 — это коллекция изображений, переосмысляющих различные повседневные сценарии с главным героем котом Томом, изображенным в состоянии сна, сопровождаемым надписями вроде «это моя текущая реальность», «позвольте мне элегантно лечь на бок», «без лишних хлопот» и т. п. Также в стикерпаке встречаются изображения, иронично затрагивающие тему смерти. Среди них стикер с изображением собаки с нимбом в раю и надписью «обрети вечный покой» — также нашел отклик среди молодежи. Важно подчеркнуть, что подобные изображения не подразумевают суицидальных намерений, а скорее представляют особую форму сарказма по отношению к текущей реальности. Кроме того, набор включает в себя ряд гиперболических изображений, таких как счастливый человек, устало устроившийся на мусорных пакетах с надписью «всегда найдется тот, кто станет мусором, почему бы им не стать мне?» Этот образ символизирует борьбу с жизненными вызовами и стремление 摆烂 («разложиться») как форму отказа от негативных восприятий.

Далее от качественного анализа контента социальных платформ авторы переходят к количественному исследованию, а именно — анализу ключевых слов 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») на платформе 微信/WeChat. В ходе исследования с помощью мини-программы 微信指数/WeChat Index было подсчитано количество их упоминаний в период с августа 2022 г. по июль 2023 г. (табл. 1).

Что касается термина 躺平 («лежать плашмя»), то за весь исследуемый период 51,6 % употреблений приходилось на видеоконтент, 47 % — на официальные аккаунты, при этом использование этого выражения на веб-страницах и для поисковых запросов составило не более 1 %. Термин 摆烂 («опустить руки») чаще встречался в видеоконтенте — 86 % употреблений, реже в официальных аккаун-

Таблица 1. Количество упоминаний терминов 躺平 и 摆烂 на платформе 微信 (август 2022 — июль 2023)

躺平 («лежать плашмя»)		摆烂 («опустить руки»)	
Дата	Количество упоминаний (млн)	Дата	Количество упоминаний (млн)
18.08.22	17,7	08.08.22	150,6
25.09.22	16,1	17.09.22	46,5
12.10.22	420,1	24.10.22	86,9
15.11.22	233,6	10.11.22	40,4
07.12.22	450	18.12.22	54,8
23.01.23	231,4	31.01.23	43,2
17.02.23	11,1	06.02.23	42,3
10.03.23	120,6	22.03.23	108,8
05.04.23	31,4	22.04.23	69,6
11.05.23	34,4	27.05.23	60,1
01.06.23	43,2	29.06.23	63,3
29.07.23	9,9	09.07.23	90,4

тах — 7,9 %, однако количество поисковых запросов относительно него гораздо больше — 5,2 %. Таким образом, очевидна явная переориентация китайской молодежи от концепции 躺平 («лежать плашмя») к концепции 摆烂 («опустить руки»), представляющей собой более радикальное выражение пессимистических настроений китайской молодежи, когда события приводят к таким негативным последствиям, что принимать какие-то меры уже бессмысленно.

Чтобы подтвердить и усилить результаты исследования, был проведен опрос представителей китайской молодежи на китайском языке, его результаты приводятся в авторском переводе. Исходя из результатов опроса становится очевидно, что с феноменами 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») знакомы более 80 % респондентов, что свидетельствует не только об их эмоциональном состоянии, но и о вовлеченности в популярную интернет-культуру. Анализируя их ответы, можно выделить следующие ключевые тенденции:

- 43 % опрошенных испытывают беспокойство относительно своего здоровья, 38 % не удовлетворены работой, а межличностные отношения тревожат 17 %. Процентные данные отражают неодинаковую степень восприятия различных аспектов жизни молодежью Китая. Вопросы здоровья оказывают крайне негативное влияние на общее отношение к жизни, чувство неудовлетворенности от рабочих процессов указывает на высокий уровень карьерных ожиданий (несоответствие между ожиданиями и реальностью), а проблемы в межличностных отношениях отражают значимость таких коммуникаций (рис. 2);

- более половины опрошенных испытывают стресс несколько раз в неделю (из них значимая часть — ежедневно). Процентные данные отражают разнообразие стратегий, которые молодежь Китая использует для борьбы с негативными эмоциями, что дает нам некоторое представление о том, каким образом оказыва-

В каких сферах жизни Вы чувствуете наибольшую степень неудовлетворенности?

Рис. 2. Оценка степени неудовлетворенности в различных сферах

ется позитивное воздействие на их эмоциональное состояние. Так, 33 % молодых людей считают просмотр интересного фильма важным источником отдыха, 28 % пытаются найти поддержку в соцсетях, что говорит о потребности молодежи в социальных контактах, хобби (как отмечает 22 % опрошенных) является источником самореализации и, как правило, связано со стремлением к самовыражению через отдых и творчество, что очень близко к позиции 17 % респондентов, отметивших попытку создать положительные эмоции через ощущение вкуса и удовольствия от еды (рис. 3);

- сложнее интерпретировать отношение китайской молодежи к действиям государства по реализации молодежной политики. Опрос показал существенное различие во взглядах и мнениях относительно эффективности действий государства в решении молодежных проблем. Так, 28 % опрошенных оценивают действия государства по поддержке молодежи как «посредственные», что интерпрети-

Какие методы для борьбы со стрессом Вы используете?

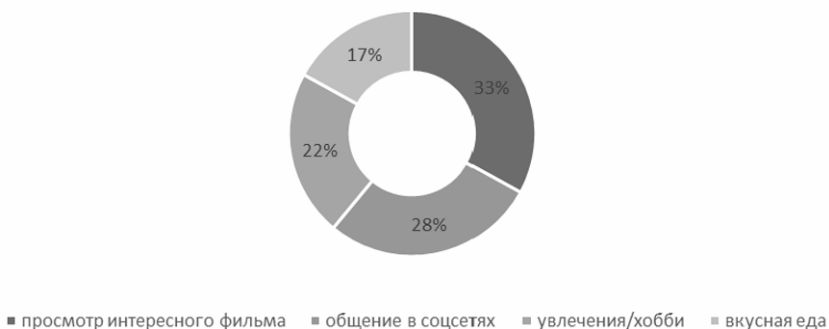

Рис. 3. Использование методов борьбы со стрессом

Как по Вашему мнению государство справляется с решением проблем молодежи?

Рис. 4. Решение проблем молодежи государством

руется как наличие определенных попыток помочь молодым людям, однако эти меры не всегда достаточно эффективны. Такое же количество опрошенных (28 %) считают, что государство не справляется с решением молодежных проблем. А 22 % респондентов и вовсе затруднились дать ответ на этот вопрос, однако такое же процентное соотношение (22 %) оценивает государственную молодежную политику положительно. Разнополярные мнения относительно эффективности государственных мероприятий в решении проблем молодежи могут быть связаны с двумя факторами: особенностями политической системы и контроля (в Китае государство имеет значительный контроль над информацией), системой социокультурных ценностей (уважение и почитание авторитета старших, выражение публичного недовольства может рассматриваться как нарушение социальной нормы) (рис. 4);

- также интересна позиция опрошенных по наличию современных ценностных ориентиров — только около 40 % респондентов смогли их сформулировать (среди них половина отметила «почитание старших», что подтверждает предположение, высказанное в предыдущем пункте) — это традиционные социокультурные ценности личностного саморазвития (постоянство, целеустремленность, постоянное стремление вперед), моральные и этические ценности (честность, порядочность) и витальные ценности (семья, здоровье). В то же время 6 % опираются на свою собственную систему ценностей, которая не была уточнена. Можно предположить, что традиционные ценности по-прежнему играют важную роль в системе ценностных ориентаций современной китайской молодежи, но вместе с тем формируется и обновленная система, говорить о которой пока рано. Затруднение в определении собственных ценностных ориентаций среди значительной части опрошенных может быть связано с процессом формирования собственной идентичности и сомнениями в современных ценностных ориентирах.

Общий анализ процентных данных позволяет предположить, что молодежь Китая испытывает разнообразные эмоциональные и социальные переживания, связанные с различными аспектами их жизни, и это может быть обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. В целом, результаты опроса подчер-

квивают разнообразие взглядов и потребностей молодежи Китая. Неудовлетворенность рабочей сферой, состоянием здоровья опосредует множество стратегий борьбы со стрессом, а неоднозначная оценка роли государства указывает на важность его участия в поддержке молодежи в современном обществе. Анализ результатов опроса с учетом современных ценностей и общественных трендов позволяет лучше понять предпочтения, потребности и взгляды молодежи Китая, что является важным фактором для государственных стратегий развития страны.

Обратимся к официальным статистическим данным, которые играют важную роль в социокультурных исследованиях, подтверждая или опровергая выдвинутые теории, а также помогая контекстуализировать суть исследования. Наша работа акцентирует внимание на тенденциях усиления пессимистичных настроений среди китайской молодежи, а также частично анализирует эффективность государственных политик и программ в этой сфере. Вот несколько примеров, подтверждающих результаты исследования:

- по данным Государственного статистического управления Китая уровень безработицы среди молодежи (16—24 лет) в городских районах составил 21,3 % [11], что является рекордным показателем, отражающим тенденцию к его росту. Десятки миллионов молодых людей с высшим образованием сталкиваются с невозможностью быть трудоустроенными согласно приобретенным знаниям и навыкам;

- главная китайская рекрутинговая платформа Zhaopin.com в своем недавнем опросе выяснила что 85 % офисных работников считают возраст 35 лет критическим порогом для трудоустройства, а 18 % признали, что после этого рубежа им сложнее устроиться на работу (ООН также отмечает, что общепризнанного возрастного определения группы молодежи нет, а Госсовет Китая определяет «молодежь» как категорию людей в возрасте от 14 до 35 лет [3]);

- особо показателен опрос китайской газеты 中国青年 («Китайская молодежь») — из более чем 2000 респондентов более 70 % считают жизнь в деревне более привлекательной, что заключается главным образом в медленном темпе жизни (64 %) и низкой интенсивности конкуренции (61,8 %) [2].

Таким образом, комбинирование официальных статистических данных с вышеуказанными источниками информации и методами исследования позволило получить более глубокое и всестороннее понимание изучаемой проблемы, выводы по которой будут детализированы в следующем разделе.

Результаты

В данном исследовании мы рассмотрели феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение ценностей и ценностных ориентаций современной китайской молодежи в интернет-пространстве. Для этого мы проанализировали работы китайских и российских авторов по теме исследования и выяснили, что процесс генезиса данных явлений берет свое начало в 2011 г. с появления социального явления 屌丝 («неудачник»), эволюционируя впоследствии до указанных феноменов. Далее метод контент-анализа китайских цифровых плат-

форм 微信/WeChat и 小红书/Little Red Book (в том числе с использованием мини-программы 微信指数/WeChat Index) на предмет ключевых слов 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») позволил выяснить, что феномен 躺平 («лежать плашмя») сегодня имеет тенденцию перерасти в следующую, более негативную стадию, 摆烂 («опустить руки»). О нарастании пессимистических тенденций говорят и результаты авторского опроса представителей современной китайской молодежи на тему степени удовлетворенности уровнем жизни, что подкреплено также данными официальной статистики (Государственное статистическое управление Китая, агентство Zhaopin.com, газета 中国青年 («Китайская молодежь»)).

Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») сегодня представляют собой особую молодежную субкультуру, широко представленную в интернет-пространстве. Однако отметим, что проникновение этих явлений в онлайн-пространство связано с его оффлайн-практикой, обусловленной стремительным темпом жизни современного Китая. Феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») охарактеризованы с трех позиций: активное отрицание общепринятых ценностей, уход от суеты и компромиссное примирение с существующим порядком, хотя некоторые представители современной китайской молодежи говорят и о том, что не считают рассматриваемые явления чем-то масштабным, так как социально-экономическая среда находится в постоянном развитии и бездействие в ней в принципе невозможно [4, с. 70].

Вместе с тем мы не можем отрицать того факта, что сторонников концепции 摆烂 («опустить руки») с каждым днем становится все больше. Многие представители этой субкультуры указывают на то, что на самом деле этот феномен является показателем смены ценностей и ценностных ориентаций и отражает осознание молодежью общественных проблем, которое приобретает терминологическое выражение в интернет-пространстве. Когда пессимистичные настроения достигают определенного уровня, они становятся интернет-мемами, используя которые у молодых людей возникает чувство сопричастности. Развитие интернет-коммуникаций делает феномен 摆烂 («опустить руки») достаточно заметным, что и создает впечатление его масштабности, однако Китай — страна, которая поощряет активные действия, культурные ценности страны не позволяют просто пассивно лежать [4, с. 70].

Подводя итоги, отметим, что усиление пессимистического настроения китайской молодежи следует рассматривать как ответную реакцию на актуальные проблемы современного китайского общества, которое сегодня находится в активной фазе трансформаций. Феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») многогранны: они отражают стремление современной молодежи к освобождению от стандартов успеха, принятых в современном обществе, показывая стремление к формированию собственных ценностей и ценностных ориентаций. Невозможность молодых китайцев оправдать семейные и общественные ожидания заставляет их пересматривать существующие жизненные ценности, избирая путь пораженчества. В ответ на эти процессы государственная молодежная политика должна сконцентрировать свои усилия на помощи в решении социальных проблем молодежи, ведь такая пораженческая стратегия

опасна дальнейшим усугублением социальных и экономических проблем. Поиск новых путей мотивации китайской молодежи определяет актуальную сферу будущих исследований.

Список литературы / References

1. Бао Нань. Шоуцо цзю танпин суань шэньмэ чжэньи? [Можно ли считать правильным при разочаровании «лежать плашмя»?]. URL: <https://ie.bjd.com.cn/5b165687a010550e5ddc0e6a/contentApp/5b16573ae4b02a9fe2d558fb/AP60a39429e4b08be503077e09.html?isshare=1> (дата обращения: 04.08.2023). (На кит.).

Bao Nan. Shoucuo jiu “tangping” suan shenme zhengyi? [What kind of justice is “lying flat” when you are frustrated?]. Beijing ribao, 2021. URL: <https://ie.bjd.com.cn/5b165687a010550e5ddc0e6a/contentApp/5b16573ae4b02a9fe2d558fb/AP60a39429e4b08be503077e09.html?isshare=1> (accessed: 04.08.2023). (In Chinese).

2. Более 70 % молодежи в Китае считают деревенскую жизнь привлекательной. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0926/c31516-10151811.html> (дата обращения: 26.06.2023).

Bolee 70 % molodezhi v Kitae schitaiut derevenskuiu zhizn privlekatelnoi [More than 70 % of young people in China find rural life attractive] URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0926/c31516-10151811.html> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.).

3. Китай обнародовал 10-летний план развития молодежи. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-04/14/content_40622969.htm (дата обращения: 26.07.2023).

Kitai obnarodoval 10-letnii plan razvitiia molodezhi [China has unveiled a 10-year youth development plan.] URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-04/14/content_40622969.htm (accessed: 26.07.2023). (In Russ.).

4. Лу Вэньтин. Шуцзы шидай танпин вэньхуадэ цзяньгоу: цзиюй циннянь явэньхуа шицзяо [Формирование культуры «лежать плашмя» в эпоху цифровой эры: контекст молодежной субкультуры] // Shanghai Journalism Review. 2023. № 6. С. 70—85. (На кит.). DOI:10.16057/j.cnki.31-1171/g2.2023.06.004.

Lu Wenting. Shuzi shidai tangping wenhuade jiangou: ji yu qingnian yawenhua shijiao [The construction of lying flat culture in the digital age: based on the perspective of youth subculture]. Shanghai Journalism Review, 2023, № 6, pp. 70—85. (In Chinese). DOI:10.16057/j.cnki.31-1171/g2.2023.06.004.

5. ООН. Существует ли определение молодежи? URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (дата обращения: 21.06.2023).

OON. Sushchestvuet li opredelenie molodezhi? [UN. Is there a definition of youth?]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (accessed: 21.06.2023). (In Russ.).

6. Отчет об исследовании социального менталитета китайских молодых пользователей сети (2009—2021) // Фудань дасюе чуаньбо юй гоцзя чжили яньцзю чжунсинь. URL: https://fddi.fudan.edu.cn/_t2515/c0/06/c18985a442374/page.htm (дата обращения: 16.06.2023). (На кит.).

Otchet ob issledovanii sotsialnogo mentaliteta kitaiskikh molodykh polzovatelei seti (2009—2021) [Report on the study of the social mentality of Chinese young netizens]. Fudan daxue chuanbo yu gonggong guanli yanjiu zhongxin. URL: https://fddi.fudan.edu.cn/_t2515/c0/06/c18985a442374/page.htm (accessed: 16.06.2023). (In Chinese).

7. Оу Янчжао, Чжао Янян. Цун “фоси” люсин таньси дандай цинняньдэ шэхуй цзиньюй юй синьтай [Анализ социального положения и менталитета современной молодежи с позиции популярности «буддизма»] // Чжунцин юянь дасюе сюебао (шэхуй кэсюе бань). 2019. № 31. С. 125—132. (На кит.). DOI: 10.3969/j.issn.1673-8268.2019.04.015.

Ou Yangzhao, ZhaoYangyang. Cong “fuxi” liuxing tanxi dangdai qingniande shehui jingyu yu xintai [Analyzing the social situation and mentality of contemporary youth from the perspective of the popularity of “Buddhism”]. *Chongqing youdian daxue xuebao (shehui kexue ban)*, 2019, vol. 31, pp. 125—132. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1673-8268.2019.04.015.

8. Почагина О.В. «Маленькие императоры» и «клубничное поколение»: психосоциальные особенности // *Человек и культура Востока. Исследования и переводы*. 2014. № 4. С. 27—51.

Pochagina O.V. «Malen'kie imperatory» i «klubnichnoe pokolenie»: psihosocial'nye osobennosti [“Little Emperors” and “Strawberry Generation”: Psychosocial Features]. *Chelovek i kul'tura Vostoka. Issledovaniya i perevody* [The man and culture of the East. Research and translations], 2014, vol. 4, pp. 27—51. (In Russ.).

9. Chi, X., Liang, K., Chen, S., Huang, Q., Huang, L., Yu, Q., Jiao, C., Guo, T., Stubbs, B., Hossain, M. M., Yeung, A., Kong, Z., Zou, L. Mental health problems among Chinese adolescents during the COVID-19: The importance of nutrition and physical activity. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 1—10. DOI: 10.1016/j.ijchp.2020.100218.

10. China Urges Its People to Struggle. Some Say No. *The Economist*, 2021. URL: <https://www.economist.com/china/2021/07/03/china-urges-its-people-to-struggle-some-say-no> (accessed: 04.08.2023).

11. China's youth unemployment rate just hit a new high and its GDP growth missed analysts' expectations. URL: <https://www.businessinsider.com/china-gdp-economy-second-quarter-growth-retail-industrial-production-unemployment-2023-7> (accessed: 10.08.2023).

12. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=A01> (дата обращения: 20.08.2022).

13. Tan K., Cheng S. Sang subculture in post-reform China. *Global Media and China*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 86—99. DOI: 10.1177/2059436420904459.

А.С. Лецкая

Кросс-культурные барьеры во взаимодействии России и Китая

Аннотация. Исследовательская работа «Кросс-культурные барьеры во взаимодействии России и Китая» посвящена влиянию кросс-культурных различий на ведение бизнеса между российскими и китайскими предпринимателями. В работе, основанной на культурной модели Герта Хофстеде, проводится анализ культурных особенностей обеих стран, выявляются факторы, которые могут препятствовать сотрудничеству на стыке культур. Кроме того, проводится анализ факторов, влияющих на становление культур (не только национальных, но и деловых) в обеих странах. В заключительной части работы выявлены конкретные кросс-культурные барьеры во взаимодействии представителей РФ и КНР, принимается попытка выдвижения рекомендаций по избеганию возникновения ситуации недопонимания, которая вызвана различиями культур.

Ключевые слова: кросс-культурный менеджмент, кросс-культурный диалог, культурная модель, Герт Хофстеде, сотрудничество.

Автор: *Лецкая Анастасия Сергеевна*, бакалавр, преподаватель китайского языка, Mandarin School, Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-6842-0189.
E-mail: L.A.S.98@yandex.ru

Для цитирования: Лецкая А.С. Кросс-культурные барьеры во взаимодействии России и Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 25—40. DOI: 10.48647/ICCA.2024.61.43.003.

Letskaia A.S.

Cross-cultural barriers in the interaction of Russian and Chinese entrepreneurs

Abstract. research “Cross-culture barriers in the Interaction of Russian and Chinese Entrepreneurs” is devoted to the influence of the cross-culture differences on doing business between businesspersons of Russia and China. Based on the model created by Gert Hofstede, the work analyses the cultural characteristics of both countries, identifies factors that may impede cooperation at the intersection of cultures. Moreover, the analysis of factors influencing the formation of cultures (not only national, but also business) in both countries is carried out. In the final part of the work, particular cross-culture barriers in communication of representatives of the Russian Federation and the PRC are underlined. In addition, there is an attempt to put forward recommendations to avoid a situation of misunderstanding caused by differences in cultures.

Keywords: cross-cultural management, intersection of cultures, cultural model, Gert Hofstede, collaboration.

Author: *Letskaia Anastasiia Sergeevna*, Bachelor, teacher of Chinese, Mandarin School, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-6842-0189. E-mail: L.A.S.98@yandex.ru

For citation: Letskaia A.S. Cross-cultural barriers in the interaction of Russian and Chinese entrepreneurs. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 25—40. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.61.43.003.

Введение

Одно из самых быстро развивающихся государств в мире, предприятия и проекты которого привлекают инвесторов и предпринимателей, — именно так большинство людей представляют себе Китайскую Народную Республику. Каждый год можно наблюдать укрепление позиций Китая как на международной арене, так и в сфере бизнеса, благодаря совместной работе с представителями деловых обществ из разных стран, в особенности с коллегами из России. Упоминая о сотрудничестве России и Китая, необходимо отметить факт того, что обе страны являются ключевыми партнерами друг для друга во многих сферах.

Беря во внимание рост товарооборота, увеличение сфер потенциального сотрудничества и постоянно трансформирующуюся деловую среду, сейчас как никогда необходимы знания и понимание тактики ведения бизнеса, что является одним из факторов успеха международного сотрудничества.

Знание иностранного языка предоставляет возможность погрузиться в культурную жизнь страны, но в недостаточной степени [14]. Традиции, исторический контекст, устои, менталитет влияют на становление как национальной, так и деловой культуры.

Для того, чтобы четко оценивать возможности дальнейшего сотрудничества и устранить риск возможных барьеров, вызванных культурным недопониманием, которые могут негативно на нем отразиться, необходимо более подробно остановиться на признаках, по которым культуры отличаются друг от друга. Именно по этой причине изучение деловых культур стран и основ кросс-культурного менеджмента можно отнести к довольно востребованным знаниям современного предпринимателя.

Актуальность темы исследования обусловлена активным ростом и развитием российско-китайского сотрудничества и расширением его масштабов [5]. Рассматривая азиатский рынок в качестве перспективного направления для своей деятельности, российские предприятия в первую очередь обращают внимание на Китайскую Народную Республику. На подобный выбор оказали влияние несколько факторов:

- географическая близость стран (выстраивать отношения с соседними государствами является одним из самых простых способов выхода на международный рынок);
- активное сотрудничество в гуманитарной, военно-технической, политической, торгово-экономической областях;
- высокий уровень доверия в политических отношениях в настоящем;
- некоторые общие черты в экономических моделях двух стран.

Исходя из вышесказанного актуальность исследования заключается не только в анализе кросс-культурных различий, влияющих на плодотворность сотрудничества, но и в выявлении некоторых современных черт бизнес-культур двух государств.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- 1) анализ теоретической базы феномена кросс-культурного менеджмента, определение его роли в международном бизнесе;

- 2) выявление основных кросс-культурных различий двух стран с помощью культурной модели классика кросс-культурного менеджмента Герта Хофстеде [16];
- 3) выявление концепций, влияющих на становление деловой культуры Китая;
- 4) разработка возможных рекомендаций по преодолению кросс-культурных барьеров с целью упрощения процесса выстраивания деловых отношений с коллегами из Китая для российских компаний.

Методы и материалы

При написании исследовательской работы были использованы такие методы как: изучение исследовательских работ классиков кросс-культурного менеджмента и профильной литературы об основах кросс-культурного менеджмента, сравнение, синтез-анализ. Кроме того, необходимо было провести и эмпирический анализ собственного опыта работы с коллегами из Китая.

Анализ культурной модели Герта Хофстеде и профильной литературы необходимы для формирования понимания феномена кросс-культурного менеджмента, его роли в международном бизнесе. Более того, подобный анализ помогает расширить представление не только о различных способах организации своей деятельности людей из разных стран, но и о поиске индивидуального стиля управления к представителю каждой национальности для повышения эффективности работы мультикультурного коллектива. В подобной ситуации знание основ, принципов и инструментов кросс-культурного менеджмента окажет неоценимую помощь в идентификации и использовании особенностей культур для создания конкурентных преимуществ на мировом рынке и устранению ситуации больших финансовых потерь.

Несмотря на то, что вышеуказанные исследования обладают внушительными результатами и авторитетом, для подтверждения или опровержения полученных результатов было необходимо провести собственный эмпирический анализ. Также подобный метод полезен для формирования собственных выводов и разработки стратегий для более успешного межкультурного взаимодействия.

Затрагивая тему историографии кросс-культурных исследований, необходимо обозначить, что кросс-культурный менеджмент начал свою историю примерно с середины 70-х гг. XX века с началом глобализации [10, с. 4—7]. Но всплеск интереса к подобной теме в Европе и США приходится на конец 80-х — начало 90-х гг. За 50 лет своего существования эта дисциплина прошла внушающий путь, отражающий последовательность развития отношений между культурами в период глобализации. Путь развития кросс-культурного менеджмента состоит из трех этапов.

На первом этапе развития пристальное внимание уделялось изучению глобальных и транснациональных проблем. Причиной этому послужило проникновение крупных компаний на рынки других стран. Сотрудники компаний сталкивались с проблемами, решению которых способствовало проведение анализа множества факторов (а именно религиозных, историко-географических социо-экономических), которые влияют на становление и развитие тех или иных культур [11]. Результатом исследований стало понимание того, что в культурах существуют различные системы ценностей, которые закладываются в человека с

малых лет и, очевидно, не могут быть насильно изменены. Следовательно, технология «сглаживания» особенностей культур становится неактуальной.

Второй этап развития касается работы над типологиями и теориями корпоративных культур вследствие развития международного разделения труда [11]. Суть этих теорий сводится к пониманию того, что ввиду своих особенностей представители тех или иных культур привержены к разным формам хозяйственной деятельности и по-своему организуют экономическую деятельность. А также исследователи делают важный вывод — изменения в корпоративных культурах возможны, но проводить их следует с учетом особенностей национального менталитета людей.

Главные пункты исследования современного третьего этапа посвящены изучению закономерностей взаимодействия культур не только на уровне внешнеэкономической деятельности, но и внутри государства, которые становятся более поликультурными и полиэтничными [11]. Актуальность проблематики обусловлена такими факторами, как увеличение количества мигрантов, критика теории «национального государства», рост дискриминации по расовому признаку и ксенофобии как со стороны коренного населения стран, так и мигрантов. Следовательно, все острее становится проблема коррекции традиционных систем управления работой персонала и изучения неоднородности культурных особенностей [3, с. 6]. Отсюда появляются параметры оценивания культур, сгенерированные классиками кросс-культурного менеджмента Гертом Хофстеде, Ричардом Льюисом, Эдвардом и Майлдред Холл и другими. Также вместе с появлением основополагающих культурных моделей зарождается и впервые употребляется сам термин «кросс-культурный менеджмент». Проблематику межкультурных коммуникаций не оставляют без внимания такие связанные с бизнес-образованием ассоциации, как AACSB (Ассоциация школ бизнеса США), American Management Academy (Американская академия менеджмента), ACIIE (Американский совет по международным образовательным обменам), EFMD (Ассоциация европейских школ бизнеса), EAIE (Европейская ассоциация международного образования), SEEMAN (Ассоциация школ бизнеса Центральной и Восточной Европы), РАБО (Российская ассоциация бизнес образования) и другие [2, с. 3].

Россия также не отстает от изучения вопросов кросс-культурного общения, и с середины 90-х гг. данная дисциплина впервые начинает преподаваться в Академии народного хозяйства при правительстве РФ, а именно в Институте бизнеса и делового администрирования (ИБДА) и Высшей школе международного бизнеса (ВШМБ) и в настоящее время является одной из самых популярных дисциплин.

Анализ

Возвращаясь к теме исследования, сначала необходимо упомянуть об этимологии словосочетания «кросс-культура» — термин имеет английское происхождение от слов «пересекать» (cross) и «культура» (culture) [12, с. 479]. Также нужно обозначить, что в научной литературе существует множество трактовок вышеуказанного понятия. Однако можно вывести некоторую общую тенденцию: под

термином «кросс-культурный менеджмент» понимается такой тип управления, при котором учитываются культурные различия персонала, который направлен на повышение эффективности коммуникаций не только внутри организации, но и в международных отношениях. С помощью выведенного понятия также можно определить роль кросс-культурного менеджмента в международном бизнесе — результативное взаимодействие на стыке различных типов культур, преодолевающее национальные, религиозные, профессиональные, возрастные различия.

Рассматривая особенности кросс-культурного взаимодействия России и Китая, следует изучить литературные источники, которые предоставляют теоретическое обоснование такого явления, как кросс-культурный менеджмент, и феномена деловой культуры. Для исследования выбранной темы автор обратился к труду нидерландского социолога Герта Хофстеде, так как его культурная модель имеет эмпирическое подтверждение в виде обширного опроса сотрудников транснациональной компании IBM [18]. Социолог рассматривал разные национальности с точки зрения их реакции на одинаковые ситуации, влияния общества на становление индивидуальных ценностей, а также с точки зрения поведения участников анализа под воздействием ценностей своей национальности, и сформировал свою собственную классификацию.

Герт Хофстеде в своих трудах «Последствия культуры» (1980) и «Измерения национальных культур в пятидесяти странах и трех регионах» (1983) дает определение феномену культуры — «коллективное программирование ума, которое отличает членов одной группы или категории людей от других» [18], и публикует результаты своих исследований. Также Герт Хофстеде предлагает 4 параметра (позже 6 параметров) для проведения «измерения» той или иной культуры:

1) дистанция власти — степень неравенства при распределении власти в обществе и организации, которая воспринимаются членами общества как нормальная и сама собой разумеющаяся, восприятие людьми феномена власти, то есть как члены общества видят власть — как некую символическую ценность или как делового партнера [1];

2) коллективизм/индивидуализм — приоритет на достижение целей: личных или общественных;

3) феминность/маскулинность — какие ценности распространены в обществе. В «мужественном» обществе господствуют такие ценности, как успех, героизм, целеустремленность, карьера и материальное благополучие. Люди в «женственном» обществе привержены к следующим ценностям: качество жизни, выстраивание гармоничных отношений, склонность к компромиссам, гибкость, адаптивность, скромность, забота о товарищах и так далее. Существует мнение, что представители маскулинного общества готовы соблюдать все пункты заданной им инструкции/задачи, следовательно, больше настроены на массовое стандартизированное производство, в то время как представители феминных культур подходят к решению каждой из задач (пусть даже их суть весьма похожа) как к уникальному событию. В таком обществе высок потенциал развития сервисной экономики [1];

4) избегание неопределенности — допустимая обществом степень неопределенности жизни и завтрашнего дня, а также толерантность к новым идеям, людям, возможностям, соблюдению законов;

5) конфуцианский динамизм (долгосрочная/краткосрочная ориентация) — готовность к значительным жизненным переменам и смене ценностей, принятию возможности существования нескольких правильных точек зрения, временной ориентацией в жизни и поступках;

6) сдержанность/распушенность — сдерживание или свободное удовлетворение основных желаний.

После детального описания каждого из шести культурных измерений следует перейти к сравнению России и КНР по вышеуказанным параметрам (диаграмма 1).

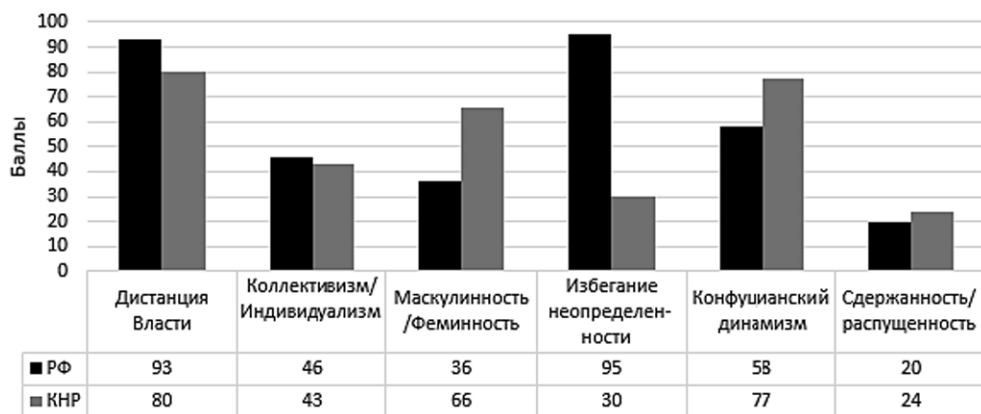

Диаграмма 1. Культурные параметры методологии Г. Хофстеде.

Источник: [6].

Диаграмма 1 составлена на основе данных, полученных из исследований консалтинговой группы по культурной аналитике The Culture Factor Group, которые публикуются на их сайте. Первоначальные оценки (основаны на ответах на одинаковые вопросы сотрудников компании из разных стран) были собраны компанией IBM в период с 1967 по 1973 г., охватывая более 70 стран, из которых Герт Хофстеде впервые использовал 40 крупнейших. Позже было расширено до 50 стран и 3 регионов. В работах Герта Хофстеде, начиная с 2001 г., указаны оценки для 76 стран и регионов, частично на основе повторения и расширения исследования IBM на различных популяциях по всему миру. В 2022 г. список стран был расширен до 102. Последняя версия оценок (дата последнего обновления — 16 октября 2023 г.) основана на исследовании Hofstede Insights Oy и рекламного агентства Mediacom под руководством доктора Минкова.

По такому критерию как «дистанция власти» и Россия, и КНР набрали довольно высокие баллы 93 и 80 соответственно, это значит, что перед нами — обе культуры с высокой дистанцией власти.

В обществе Китая неравенство между людьми считается приемлемым. Также китайцы оптимистично относятся к способности людей быть лидерами, уметь проявлять инициативу, что обуславливает позитивное отношение и доверие к власти. Но у вышестоящих не должно быть никаких устремлений, выходящих за

рамки их компетенции. В основу такого отношения к неравенству и власти могут быть положены следующие концепции:

1) культ Неба. Небо (кит. 天, *тянь*) рассматривается в качестве высшей силы, по воле которой происходят все природные процессы. Также Небо — источник императорской власти. Император до 1912 г. именовался Сыном Неба (кит. 天子, *тянь цзы*) и именно с помощью него осуществлялась связь народа с Небом [16]. Следовательно, получивший небесный мандат человек был почитаем народом;

2) одна из центральных концепций конфуцианской этики — сыновняя почитательность (кит. 孝, *сяо*) [17], в которой главе государства отводилась роль «народного родителя», а роль ребенка, подчиняющегося родителю, чиновникам и народу. Важно отметить, что нарушение добродетели «сыновняя почитательность» считалось тяжелым преступлением. Такой метод управления применяется и в современных китайских компаниях. Руководитель берет на себя роль «заботливого лидера», который относится к подчиненным как к членам своей семьи, ожидая от них такого же отношения к себе, но в то же время требуя ответственного выполнения работы.

Что касается российского общества, то этот показатель может быть вызван фактором сильной централизации крупнейшей в мире страны: 2/3 всех иностранных инвестиций поступает в Москву, где сосредоточено 80 % всего финансового потенциала [18]. Также не стоит забывать и об исторической подоплеке — сакрализация власти происходит из-за таких факторов:

1) опыт самодержавия, который повлиял на становление традиционных идеалов русского народа. Основной признак самодержавия — сосредоточение всего объема власти (без каких-либо исключений, проявлений разделения властей, представительных органов и т. д.) в руках одного человека — царя. По этой причине народ относился к представителю власти как к Отцу всей страны;

2) ситуация пространственного освоения. Ввиду внушительных масштабов страны власть может находиться далеко чисто физически, из-за чего народ относился к ней как к чему-то символическому. Казалось бы, в такой ситуации доверие к власти должно было снизиться, но люди понимали, что от далекой власти сиюминутной поддержки ждать не стоит, но в критических ситуациях Родина (в лице власти) всегда придет на помощь. Говоря об этом факторе, стоит упомянуть высказывание военнслужащих с севера: «Мы Державе служим, а она нам обеспечивает тыл» [1].

По параметру «коллективизм/индивидуализм» КНР и РФ получают низкие баллы 43 и 46 соответственно. Можно сделать вывод, что это культуры с высокой степенью коллективизма.

КНР — представитель коллективистской культуры высшей степени, в которой членам общества важна принадлежность к группе, в интересах которой можно и нужно действовать (не в интересах самих себя). На приверженность к коллективизму в случае КНР, во-первых, повлиял фактор изменчивого характера реки Хуанхэ — колыбели китайской цивилизации [19]. Реки Северо-Китайской равнины (Хуанхэ является одной из них) иногда способны резко поменять свое русло на сотни километров. «Река тысячи огорчений» заставляла ханьцев постоянно строить плотины и дамбы, чтобы их деревни и посевы не уничтожило на-

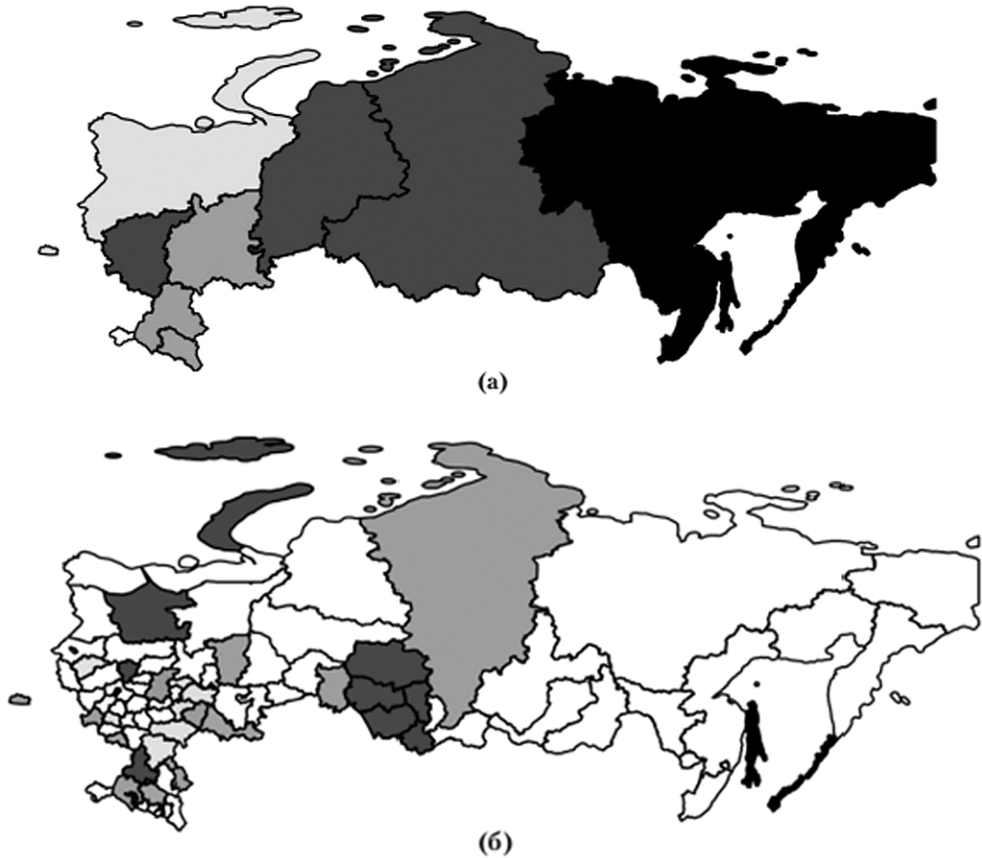

воднение. Сложность строительства таких объектов побуждала жителей региона объединяться и сотрудничать друг с другом. Во-вторых, проходимость Северо-Китайской равнины сделала возможным объединение небольших государств в Централизованное государство. Третьим аспектом, повлиявшим на становление коллективизма в Китае, является культура рисоводства, которая стала одной из ведущих после периода Династий Цинь и Хань, а не на ранних этапах истории Китая. Рис — непростая культура для выращивания, и усилий одного человека, очевидно, не хватит, поэтому с этой задачей намного легче справиться в условиях коллективной работы. В-четвертых, свое влияние на мышление китайцев оказал культ рода [8]. Суть его состоит в том, что человек воспринимает себя в качестве одного из звеньев своего рода, ради прославления которого нужно приложить немало усилий. Также вспомнить исторические события, повлиявшие на укрепление коллективистского духа. Упомянутые исторические события относятся к приходу к власти Мао Цзэдуна и проводимой им политики Большого скачка. До начала упомянутых событий Китай представлял из себя разрушенную страну, экономику которой практически на 90 % составлял аграрный сектор. Страна остро нуждалась в модернизации, осуществить которую можно было только путем сплочения и тяжелой работы. В таких условиях ценились энтузиазм, желание трудиться, а для того, чтобы получить высокую должность, нужно было быть лучшим в глазах других людей. Что касается современной ситуации, то мнение группы (например, семьи или соседей) также может повлиять на прием на работу и продвижение по службе. На рабочем месте приоритетной задачей китайцев является знакомство, выстраивание и поддержание отношений с коллегами. При высокой приверженности к своей компании и выполнению рабочих задач личные отношения, все же, выносятся на первый план. Такое положение дел на современном этапе вызвано, в первую очередь, политическим строем, во-вторых, индивидуализм (в понимании приоритетизации личных целей) критикуется в таких господствующих течениях, как буддизм, даосизм и конфуцианство. Например, в даосизме признаком некультурности является наличие индивидуального «Я». Дао — единственный возможный источник идентичности, с которым сущность человека объединялась в единое целое. Конфуцианство же постулирует перестройку личности, в ходе которой «Эго» должно быть изжито, а реализация своего потенциала и обретение настоящего себя лежит через преодоление себя.

Что касается России, то исследование показало средний индивидуализм и средний коллективизм в стране. Такой результат вовсе не демонстрирует то, что каждый россиянин наполовину коллективист и наполовину индивидуалист. Такого рода результат обусловлен географическим распространением приверженности к индивидуализму и коллективизму (рис. 1, наиболее темный цвет обозначает большую приверженность к индивидуализму).

Наиболее «индивидуалистические» места России — в основном мегаполисы и территория от Урала до Сахалина (высший показатель индивидуализма). Очень емкое и точное определение российскому индивидуализму дал советский писатель Даниил Александрович Гранин: «В России можно сделать очень многое, если не спрашивать разрешения» [1]. Следовательно, индивидуалист — человек, умеющий мыслить и действовать самостоятельно. Люди, уехавшие жить в горо-

Рис. 1. Относительная выраженность индивидуализма у респондентов из разных федеральных округов (а) и регионов (б).

Источник: [4].

да, люди, уехавшие осваивать Урал во второй половине XVI века, способны жить и развиваться, смотря только на себя самого, предпринимать рискованные шаги, договариваться, без помощи других разрабатывать план действий и следовать ему. Именно индивидуалисты являются двигателем инноваций, конкуренции.

Переходя к вопросу о коллективизме в России, в первую очередь, следует упомянуть, что коллективизм — искусственно созданное явление в России, которое пришло из Китая во времена татаро-монгольского ига. Но этот феномен достаточно хорошо внедрился в жизнь русского народа. Существует определение для русского коллективизма, которое дал советский и российский культуролог Михаил Юрьевич Лотман: «коллективизм — полное отдание себя, готовность пожертвовать и помочь» [1]. Приверженность к коллективизму доминирует в Поволжье и южных регионах России. Семья, друзья и другие люди очень нужны для того, чтобы справляться с повседневными жизненными трудностями. Отношения имеют решающее значение для получения информации, знакомства или успешных переговоров. Они должны стать доверительными, и только потом можно бу-

дет приступить к совместной работе. Расположение к такого рода ценностям отражается даже в повседневной речи. Например, если мы запланировали встретиться с кем-то, то скажем — «Мы с друзьями» или «Мы с семьей» вместо «Я и мои друзья» или «Я и моя семья». Представители коллективистского общества в России способны к быстрой кооперации, к авральности, самоотверженности, общей поддержке, что помогает создавать инкрементные инновации.

По предыдущим аспектам можно наблюдать некое сходство между культурой российского и китайского обществ. Но по параметру мужественности/женственности у рассматриваемых культур есть явные различия (Россия — 36 баллов, Китай — 66).

Основываясь на данном измерении, КНР — представитель маскулинного общества, члены которого ориентированы на успех и обеспечение материальной составляющей жизни. Данные ориентиры обусловлены крупной численностью населения страны, что порождает ожесточенную конкуренцию на любом из рынков, и историческим прошлым — постоянное состояние войны между царствами, войны с Японией, тяжелые события XX века породили в культуре образ сильного человека, который должен справиться со всеми препятствиями, встречающимися на его пути. Необходимость достижения успеха может быть проиллюстрирована тем фактом, что многие китайцы готовы пожертвовать семьей и досугом ради работы (в этом моменте сильно прослеживается влияние концепции лица и влиянием культуры 996 — работа с 9 часов утра до 9 часов вечера 6 дней в неделю). Сервисный персонал готов оказывать услуги до глубокой ночи. Также хорошим примером могут послужить китайские студенты, которые очень озабочены своими оценками на экзаменах, потому что это служит главным критерием достижения успеха. Но помимо этого в обществе немаловажную роль играют ценности феминного общества:

1) построение гармоничных отношений с внешним миром, что является одним из принципов создания гармоничного мира по версии Конфуция [7, с. 240];

2) обретение связей (кит. 关系, *гуаньси*), без которых развитие бизнеса просто невозможно. Подробная характеристика этого феномена будет дана в следующих параграфах;

3) скромность, характерная для китайской традиции: «Настойчивое и даже агрессивное утверждение скромности и бескорыстия в качестве едва ли не высших человеческих добродетелей». «Все доброе приписывать другим, все дурное брать на себя» — именно так выглядит модель благонравного поведения в представлении китайцев. Скромность находит отражение в некоторых языковых особенностях (например, в ответ на сделанный комплимент принято отвечать «不敢当», что в переводе значит «не достоин»);

4) качество жизни, выражающееся в одном из заветов Конфуция: «следовать влечениям сердца, не нарушая правил» [7, с. 280].

Относительно низкий балл, полученный Россией в этом исследовании, свидетельствует о феминности российской культуры. Такой результат может быть обоснован, во-первых, гибкостью, адаптивностью, изобретательностью и креативностью населения страны. Народ не только способен самостоятельно решать насущные проблемы, но и адаптироваться к решениям власти. Обретению таких

качеств поспособствовали условия ведения аграрного хозяйства: каждые 7 лет по причине истощения почвы крестьянин решал одну и ту же задачу освоения новой земли, но решать, казалось бы, идентичную задачу приходилось разными способами. Отсюда берет свое начало свойственный феминным обществам подход — к каждой из задач (пусть даже очень похожих) искать уникальный способ решения. В связи с высокой дистанцией власти статус человека всегда ценился в российском обществе, однако есть качество, значимость которого с древних времен доминировала в обществе больше. Это скромность. Народная мудрость в виде пословиц «скромность красит человека», «кто скромнее, тот умнее», «любому молодцу скромность к лицу» в совокупности с коллективистским прошлым (в котором мнение других людей было очень значимым, и не приветствовалось желание отличиться от остальных членов общества) помогает понять, что мудрость человека заключается в его скромности. Умение в разумных пределах гордиться своими достижениями, а также несмотря на свой высокий статус общаться и работать с другими на равных (что и называют скромностью) способно привлекать в круг общения человека все большее количество людей, связи с которыми в будущем могут оказаться чрезвычайно полезными. Говоря о нынешней ситуации, на рабочем месте, при контакте с незнакомыми людьми, россияне склонны преуменьшать свои личные достижения или способности. Но стоит узнать россиянина чуть лучше, весь его трудовой потенциал будет раскрыт.

По индексу избегания неопределенности культуры имеют сильные разногласия.

Избегание неопределенности в Китае измеряется 30 баллами, и этот факт говорит о том, что китайское общество весьма лояльно относится к неожиданным переменам в будущем, так как все непривычное является интересным (в качестве примера могут быть приведены путешествующие пенсионеры). Более того, китайцы очень предприимчивы и адаптивны к любым изменениям. Следует также отметить, что для общества с низкой степенью избегания неопределенности характерны: нелюбовь к правилам (как устным, так и письменным), нелюбовь к стандартам и формализации. И действительно, в Китае соблюдение законов и правил может быть гибким, легко адаптируемым к реальной ситуации, а прагматизм — это жизненный факт. Однако в финансовой сфере китайцы демонстрируют явную нелюбовь к неопределенности, именно поэтому в сфере инвестирования предпочитают «консервативный портфель». Кроме этого, стоит отметить, что культурам с низким индексом избегания неопределенности присуща недопустимость проявления ярких эмоций. В случае Китая это грозит «потерей лица», что является самым громким социальным падением.

Набрав 95 баллов, россияне ощущают значительный дискомфорт в неопределенных ситуациях. Именно поэтому в России существует одна из самых сложных бюрократических систем. В рабочей сфере существует эмоциональная потребность в правилах, стандартах, формализации, а также повышено доверие к разным экспертам и гуру. В обществе в непростые времена преобладает атмосфера напряженности и пессимистических ожиданий. Из наблюдения иностранных партнеров российских компаний: «Пока русские общаются с людьми, которых считают чужими, они кажутся очень официальными и отстраненными. В то же

время формальность используется как знак уважения». Причина подобного положения дел — жизнь предков и ведение предками хозяйства в зоне высококорисового земледелия в условиях малого ледникового периода, когда жизнь людей напрямую зависела от удачного урожая. Именно с тех времен зародилось старание избегать неопределенных, потенциально опасных для жизни ситуаций.

По параметру «конфуцианский динамизм» Россия и Китай набрали примерно одинаковое количество баллов, 58 и 77 соответственно. Этот факт указывает на то, что обе культуры очень прагматичны. Они демонстрируют способность легко (по сравнению с Китаем, в России чуть сложнее из-за высокой степени избегания неопределенности) приспособлять традиции к изменившимся условиям, сильную склонность к сбережениям (такую склонность можно объяснить тяжелыми экономическими кризисами и желанием людей обезопасить себя в таких ситуациях) и инвестициям (например, в России покупка недвижимости может рассматриваться не только в качестве приобретения жилья для себя, но и как способ инвестирования). Из последних актуальных тенденций можно наблюдать популярность инвестирования в собственное образование — именно этим можно объяснить популярность разнообразных онлайн-курсов (таких как Skillbox, Яндекс практикум и пр.) и программ дополнительного образования), бережливость и настойчивость в достижении результатов. А также для таких обществ характерны активные попытки перенимать опыт других стран (яркие примеры: в России — времена Петра I, в КНР — времена Дэн Сяопина — «не важно, какого цвета кошка, главное — чтобы ловила мышей» [15]). В обеих странах это связано с избытком человеческого капитала. Следовательно, склонны инвестировать в образование, что может превратиться в экономический рост.

По последнему пункту, распушенности/сдержанности, КНР и РФ также набрали примерно одинаковое количество баллов — 24 и 20 соответственно. Это значит, что это сдержанные общества. Общества с низким баллом по этому измерению склонны к цинизму и пессимизму. Кроме того, в отличие от снисходительных обществ, сдержанные общества не уделяют особого внимания досугу (стоит отметить, что такая тенденция теряет свою актуальность ввиду формирования среднего класса в КНР, изменения потребностей жителей обеих стран, а также распространения в обществе постулата — «Жизнь одна и идеи жить для себя») и контролируют удовлетворение своих желаний. Люди с такой ценностной ориентацией считают, что их действия ограничены социальными нормами, и считают, что потакать себе в чем-то неправильно. Необходимо напомнить, что в Поднебесной скромность и умение быть сдержанным в своих желаниях считаются высшими моральными качествами и добродетелями, которые обязан воспитывать в себе каждый человек. Мысль подтверждают слова автора Дао дэ цзина, философа Лао Цзы: «Скромность приносит человеку много пользы, а самодовольство — много вреда» [9, с. 250]. Что касается российской культуры, то скромность, как уже было упомянуто, также является неким моральным стандартом. Ценность скромности может быть связана с разделением народа христианских идеалов. Вот что по этому поводу написано в Библии: «Не думайте о себе выше, чем должно, но думайте о себе трезво, в соответствии с верой, которую Бог дал каждому из Вас» [13].

Результаты

На основе культурной модели Герта Хофстеде удалось выявить тот факт, что у КНР и России есть различия в трех параметрах:

- феминная Россия и маскулиный Китай;
- срединный результат России по показателю коллективизма и индивидуализма: разделение на И-Россию и К-Россию [1] и жесткий коллективистский Китай;
- избегание неопределенности. В КНР жители намного проще относятся к изменчивому характеру жизни, чем жители РФ, для которых стабильность крайне необходима.

Именно в этих областях возможны риски возникновения недопонимания и конфликтов. Но во многом представленные две культуры имеют сходства, что создает огромный потенциал для дальнейшего сотрудничества.

На основе выявленных различий были разработаны следующие рекомендации:

1) по параметру феминность/маскулинность. Напористость в погоне за результатами мужественной культуры может насторожить представителя культуры, разделяющего совсем другие ценности. В случае России и Китая «мужественность» культуры Поднебесной может быть сглажена ее стремлением к гармонизации отношений, так как построение гармоничных отношений является важнейшим постулатом конфуцианства. Более того, желание наладить контакт и построить связи будет высоко оценено прагматиками-китайцами. Для укрепления связей обе стороны должны поздравлять друг друга со значимыми в стране праздниками, в переписке вести максимально дружественную коммуникацию, как будто вы старые друзья, в идеале — дарить подарки;

2) по промежуточному аспекту России и коллективистскому Китаю. Как уже было сказано в первом параграфе второй главы, Россия может быть поделена на И-Россию и К-Россию, и в случае выбора в деловые партнеры И-России коллективистским Китаем могут возникнуть трудности во взаимопонимании. Тогда китайцы должны быть готовы к неожиданным предложениям, которые пока не одобрило руководство, должны воспринимать представителя компании как того человека, который может принимать решения, понимать, что представитель пользуется уважением и авторитетом в компании, целью представителя является быстрое выполнение порученной задачи. Россияне-индивидуалисты должны быть готовы к тому, что партнеры-китайцы обязаны находиться в постоянном контакте со своим руководством, на что следует уделить внушительное количество времени. Нужно иметь в виду, что в процессе переговоров можно добиться уступок, так как отстаиваемая позиция постоянно меняется. Также нужно быть осведомленным в том, что наличие помощников у собеседника подчеркивает его высокое положение в компании. Целью переговоров, в первую очередь, является построение долгосрочных взаимоотношений;

3) исходя из значительного различия в показателе избегания неопределенности следует определить порядок построения сообщений. По причине того, что российская сторона склонна к избеганию неопределенности, китайская сторона

должна иметь в виду, что при коммуникации лучше отказаться от использования нечетких формулировок. Российской стороне следует быть готовой к «расплывчатым» формулировкам и заранее составить список уточняющих вопросов. Также необходимо учитывать, что использовать непонятные формулировки при взаимодействии с китайской стороной не следует, так как от своего собеседника-иностранца они ждут четкого и информативного сообщения;

4) различие в демонстрации эмоций. В этом случае китайской стороне нужно быть осведомленным о том, что россияне — народ эмоциональный, и иногда им сложно управлять своими эмоциями, не жестикулировать. С этим ничего нельзя сделать, к проявлениям эмоций нужно лишь быть готовым. Что касается рекомендаций для представителей российских деловых кругов, то самой важной из них является понимание важности невербального способа коммуникации. В первую очередь, это касается зрительного контакта — прямой взгляд китайцы могут воспринять в качестве запугивания или прямого выражения враждебности. Также стоит избегать жестов, прикосновений (даже дружеского похлопывания по плечу или спине, если китаец сам этого не сделает).

Также для оптимизации взаимоотношений может быть выработана общая рекомендация, суть которой заключается в обучении сотрудников основам кросс-культурного менеджмента, тонкостям делового этикета, основным традициям стран (в особенности той, с представителями которой потенциально будет осуществляться сотрудничество), способу коммуникации. Стремление изучения культуры страны-партнера высоко ценится ее представителями, поэтому этот фактор в некоторых случаях сможет сыграть большую роль в развитии сотрудничества.

Список литературы/ References

1. Аузан А.А. Культурные коды экономики. URL: <https://arzasmas.academy/courses/90> (дата обращения: 30.04.2023).

Auzan A.A. Kulturnye kody ehkonomiki [Cultural codes of the economy]. URL: <https://arzasmas.academy/courses/90> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.).

2. Кросс- культурный менеджмент: история возникновения, предмет, задачи и методы исследования дисциплины. URL: <https://studfile.net/preview/7842387/page:3/> (дата обращения: 10.03.2023).

Kross-kulturnyj menedzhment: istoriya vozniknovenie, predmet, zadachi i metody issledovaniya discipliny [Cross- cultural management: history of origin, subject, objectives and research methods of the discipline]. URL: <https://studfile.net/preview/7842387/page:3/> (accessed: 10.03.2023). (In Russ.).

3. Бунина В.Г. Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация: учебное пособие. URL: <https://mgimo.ru/files/120188/120188.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

Bunina V. G. Kross-kulturnyj menedzhment i mezhkulturnaya kommunikaciya: uchebnoe posobie [Cross-cultural management and intercultural communication]. URL: <https://mgimo.ru/files/120188/120188.pdf>. (accessed: 09.03.2024). (In Russ.).

4. Данные опроса Института Национальных проектов и тюнинг центра в 2014—2017 годах. URL: <https://www.autostat.ru/infographics/20310/> (дата обращения: 09.03.2023).

Dannye oprosa Instituta Nacionalnykh proektov i tyuning centra v 2014—2017 godakh [Survey data from the Institute of National Projects and Tuning Center in 2014—2017]. URL: <https://www.autostat.ru/infographics/20310/> (accessed: 09.03.2024). (In Russ.).

5. Жалоб А.В., Полушкин. Т.Ю., Лихоманов. Д.А. Современное состояние и перспективы развития торгово-экономических отношений России с Китаем. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-torgovo-ekonomicheskikh-otnosheniy-rossii-s-kitaem> (дата обращения: 04.03.2023).

Zhalob A.V., Polushkin. T.YU., Likhomanov. D.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya trgovno-ehkonomicheskikh otnoshenij Rossii s Kitaem [Current state and prospects for the development of trade and economic relations between Russia and China]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-torgovo-ekonomicheskikh-otnosheniy-rossii-s-kitaem> (accessed: 04.03.2023). (In Russ.).

6. Исследование The culture Factor Group на основе методологии культурных параметров Г. Хофстеде. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/> (дата обращения: 29.01.2023).

Issledovanie The culture Factor Group na osnove metodologii kulturnykh parametrov G. Khofstede [Research by The culture Factor Group based on the methodology of cultural parameters by G. Hofstede]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/> (accessed: 29.01.2023). (In Russ.).

7. Конфуций. Суждения и беседы / пер. Л.С. Переломов. URL: <http://www.iprbookshop.ru.ezproxy.ranepa.ru:3561/73227.html> (дата обращения: 24.03.2023).

Konfucij (Perevod Perelomov L.S), Suzhdeniya i besedy [Fixtures and Chattels]. URL: <http://www.iprbookshop.ru.ezproxy.ranepa.ru:3561/73227.html> (accessed: 24.03.2023). (In Russ.).

8. Кузьмин Н.А. Культ предков в древнем Китае (период Шан и Чжоу) // Общество и государство в Китае. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-predkov-v-drevnem-kitae-period-shan-i-chzhou> (дата обращения: 30.04.2023).

Kuzmin N.A. Kult predkov v drevnem Kitae (period Shan i Chzhou) [Ancestor cult in ancient China (Shang and Zhou periods)]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and state in China]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-predkov-v-drevnem-kitae-period-shan-i-chzhou> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.).

9. Лао Цзы (Перевод Яна Хин-шуна). Дао Дэ Цзин. URL: <http://tao-te-ching.ru/> (дата обращения: 02.05.2023).

Lao Czy [Perevod Yana Khin-shuna]. Dao Deh Czin. URL: <http://tao-te-ching.ru/> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.).

10. Ломовцева А.В., Илюшина А.С., Малышева А.А. Межкультурные коммуникации и кросс-культурный менеджмент в России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 10. С. 4—7 (дата обращения: 07.03.2023).

Lomovceva A.V, Ilyushina A.S., Malysheva A.A. Mezhekulturnye kommunikacii i kross-kulturnyj menedzhment v Rossii [Intercultural communications and cross-cultural management in Russia]. Ehkonomika i menedzhment innovacionnykh tekhnologij [Economics and management of innovative technologies], 2016, no. 10, pp. 4—7 (accessed: 07.03.2023). (In Russ.).

11. Мурашов А.Д. Влияние национальных культур и языковых различий на управление человеческими ресурсами. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/menedzhment/upravlenie-personalom/kross-kulturnyj-menedzhment/?ysclid=13teyds9a4> (дата обращения: 08.03.2023).

Murashov A.D. Vliyanie nacionalnykh kultur i yazykovykh razlichij na upravlenie chelovecheskimi resursami [The Impact of National Cultures and Language Differences on Human Resource Management]. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/menedzhment/upravlenie-personalom/kross-kulturnyj-menedzhment/?ysclid=13teyds9a4> (accessed: 08.03.2023). (In Russ.).

12. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2015. 479 с. (дата обращения: 17.03.2023).

Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. Sovremennyy ehkonomicheskij slovar [Modern economic dictionary], 2-nd ed. INFRA-M. 2015. 479 p. (accessed: 17.03.2023). (In Russ.).

13. Свт. Иоанн Златоуст. Послание к Римлянам 12 стих 3. URL: <https://bible.by/verse/52/12/3/> (дата обращения: 02.03.2023).

Svt. Ioann Zlatoust. Poslanie k Rimlyanam 12 stikh 3 [Romans 12 verse 3]. URL: <https://bible.by/verse/52/12/3/> (accessed: 02.03.2023). (In Russ.).

14. Тан Хань. Специфика русско-китайского делового общения // Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 2011. URL: <http://avtoreferat.seluk.ru/at-jazykoznanie/18838-1-specifika-russko-kitayskogo-delovogo-obscheniya.php> (дата обращения: 04.03.2023).

Tan Han. Specifika russko-kitajskogo delovogo obshcheniya [Specifics of Russian-Chinese business communication]. Gos. IRYA im. A.S.Pushkina [Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin], 2011. URL: <http://avtoreferat.seluk.ru/at-jazykoznanie/18838-1-specifika-russko-kitayskogo-delovogo-obscheniya.php> (accessed:04.03.2023). (In Russ.).

15. Текст речи Дэна Сяопина на XIII съезде Компартии КНР (25 октября 1987 г.). URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-06/27/content_9700.htm (дата обращения: 30.01.2023). (In Russ.).

Tekst rechi Dehna Syaopina na XIII sezde Kompartii KNR (25 oktyabrya 1987 g.) [Text of Deng Xiaoping's speech at the XIII Congress of the Communist Party of the People's Republic of China (October 25, 1987)]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-06/27/content_9700.htm (accessed: 30.01.2023). (In Russ.).

16. Хао Цзюй. Культ Неба в социально-политической традиции Китая // Вестник БГУ. 2012. № 14а. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-neba-v-sotsialno-politicheskoy-traditsii-kitaya> (дата обращения: 01.05.2023).

Haо Czyuj. Kul't Nebа v social'no-politicheskoy tradicii Kitaya [Cult of Heaven in the socio-political tradition of China]. Vestnik BGU, 2012, no. 14a. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-neba-v-sotsialno-politicheskoy-traditsii-kitaya> (accessed: 01.05.2023). (In Russ.).

17. Чэ Тунбо. Принцип сыновней почитительности в родильной обрядности и погребальных церемониях и его особенности в Китае // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-synovney-pochtitelnosti-v-rodilnoy-obryadnosti-i-pogrebalnyh-tseremoniyah-i-ego-osobennosti-v-kitae> (дата обращения: 02.05.2023).

Cheh Tunbo. Princip synovnej pochtitelnosti v rodilnoj obryadnosti i pogrebalnykh ceremoniyakh i ego osobennosti v Kitae [The principle of filial piety in maternity rites and funeral ceremonies and its features in China]. Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2009, № 117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-synovney-pochtitelnosti-v-rodilnoy-obryadnosti-i-pogrebalnyh-tseremoniyah-i-ego-osobennosti-v-kitae> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.).

18. Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the Mind. Intercultural Cooperation and its Importance for Survival. London: Harper Collins Publishers, 1994. URL: https://e-edu.nbu.bg/pluginfile.php/900222/mod_resource/content/1/G.Hofstede_G.J.Hofstede_-M.Minkov%20-%20Cultures%20and%20Organizations%20-%20Software%20of%20the%20Mind%203rd_edition%202010.pdf (accessed: 29.01.2023).

19. Feng Xian. Why is Chinese culture so collectivist. URL: <https://www.quora.com/Why-is-Chinese-culture-so-collectivist> (accessed: 02.05.2023).

Сюй Хайюэ

Культурный суверенитет в Восточной Азии: пересечение, конфликты и разрешение

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «культурный суверенитет», которое находится в процессе формирования в Восточной Азии, а именно в Китае, Японии и Южной Корее. С целью формирования собственных уникальных культурных идентичностей и увеличения своего влияния в культурной сфере, эти страны разрабатывают разнообразные стратегии культурной политики. Однако, из-за сложившейся исторически восточноазиатской культурной системы, в этих странах существует ряд общих культурных особенностей, которые не ограничиваются только одной из стран. Эта культурная схожесть неоднократно приводит к конфликтам между странами в контексте защиты культурного наследия и культурной идентичности на неофициальном уровне. В статье выделяются возможные причины возникновения культурных конфликтов, а также обсуждается возможное решение этой проблемы.

Ключевые слова: культурный суверенитет, культурная политика, Восточная Азия, национальная идентичность, Китай, Япония, Южная Корея.

Автор: Сюй Хайюэ, магистрант, Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай. ORCID: 0009-0003-9894-7808. E-mail: viktor.p.xu@yandex.ru

Для цитирования: Сюй Хайюэ. Культурный суверенитет в Восточной Азии: пересечение, конфликты и разрешение // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 41—49. DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.84.004.

Ху Haiyue

Cultural sovereignty in East Asia: intersection, conflict and resolution

Abstract. The article examines the still emerging concept of “cultural sovereignty” in East Asia (namely in China, Japan and South Korea). In an effort to form their own special cultural identities, as well as to strengthen their influence in the cultural sphere, countries are developing various strategies of cultural policy. However, due to the historically established East Asian cultural system, a number of cultural features are observed in these countries that are not unique to one of the countries. This homogeneity of cultures has repeatedly caused conflicts between countries to protect cultural heritages and identities at an informal level. The article presents some possible reasons for cultural conflicts, and also discusses a possible solution to this problem.

Keywords: cultural sovereignty, cultural policy, East Asia, national identity, China, Japan; South Korea.

Author: Xu Haiyue, Master Student, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China ORCID: 0009-0003-9894-7808. E-mail: viktor.p.xu@yandex.ru

For citation: Xu Haiyue. Cultural sovereignty in East Asia: intersection, conflict and resolution. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 41—49. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.84.004.

Введение

Термин «культурный суверенитет» в научном контексте возник вместе с развитием современных суверенных государств. Само слово «суверенитет» обозначает независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях. В 1977 г. в ЮНЕСКО это понятие было предложено с целью продвижения прав человека и устранения колониализма и расизма [14, с. 147—152]. В документе неоднократно подчеркивается важность суверенитета культур такими словами, как «международное сотрудничество зависело от утверждения культурного суверенитета наций», «мир во всем мире и мирное существование наций непосредственно были связаны с принципами культурного суверенитета наций». В настоящее время культурный суверенитет актуален в контексте «культурного империализма». В борьбе с «империализмом» в сфере культуры в России вопрос «культурного суверенитета» уже приобрел значение национальной безопасности. Главные цели заключаются в следующем: в формировании государственной идентичности, в избегании социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, в защите от деструктивного идеологического и информационного воздействия, в сохранении исторической памяти и приверженности к традиционным духовно-нравственным ценностям.

Обзор культурных стратегий трех стран

На данный момент ни одна из стран Восточной Азии не предоставила четко определения термина «культурный суверенитет» на государственном уровне, хотя идея «культурной безопасности» упоминается в культурных стратегиях этих стран. В странах Восточной Азии не испытывают опасения потерять свою культуру. Именно поэтому в этих странах «культурный суверенитет» часто понимается следующим образом: во-первых, как право определять национальные культурные особенности во внутренних отношениях; во-вторых, как право приобретать дискурсивную власть, соразмерную с их растущей совокупной мощью в международных отношениях.

Китай не рассматривает заимствование элементов зарубежных культур как угрозу своей безопасности; наоборот, страна приветствует идею об обмене и интеграции цивилизаций. На 18-м съезде Коммунистической партии Китая (КПК) особое внимание было уделено вопросам «строительства культурной державы», что послужило отправной точкой для двух основных тенденций в развитии китайской культуры. С одной стороны, Китай активно распространяет свою культуру за пределы своих границ, с другой стороны, стремится к ее интеграции с мировыми культурами [4]. Определенные в докладе 20-го съезда цели культурной стратегии Китая включают в себя укрепление уверенности в собственной культуре и увеличение национальной мощи в сфере культуры. Однако, ключевым аспектом культурной безопасности остается идеологическая работа, которая сосредотачивается вокруг преданности марксизму и социалистическим ценностям [10]. Китай не только стремится к укреплению своего культурного присутствия в

мире, но и подчеркивает важность поддержания идеологической стойкости в сфере культуры для обеспечения своей культурной безопасности.

В отношении культурной стратегии Японии можно выделить конкретные планы и программы. Под лозунгом «Культура — опора страны» (*бунка риккоку*), в рамках культурной политики Японии, разработанной Министерством культуры в 2023 г. [6], значительное внимание уделяется сохранению культурного наследия. Основной целью является поддержание национальной идентичности в условиях глобализации [7]. Большое внимание уделяется также развитию культурной индустрии и инноваций. Например, в бюджете на 2019 г. затраты на государственную культурную инфраструктуру и инновации достигают 53,77 млн йен, что составляет почти 46 % от общего объема расходов на культуру. Культурная стратегия Японии фокусируется не только на прошлом, но и на будущем, где культурное наследие и инновации играют важную роль в формировании облика страны на мировой арене.

Культурная программа Южной Кореи в предыдущие десятилетия была в значительной степени ориентирована на экономический аспект. Основное внимание уделяется расширению влияния современной корейской моды, такой как феномен «корейской волны» (*халлю*) [8]. Начав свое развитие в 90-е годы прошлого века, корейская волна приобрела огромную популярность. Под руководством Ким Ён-сама была оказана значительная поддержка развитию массовой культуры, что привело к тому, что она стала неотъемлемой частью имиджа Южной Кореи. Эта поддержка не только способствовала росту отраслей, связанных с развлечениями и искусством, но и сделала культурные продукты страны востребованными на мировом уровне. Она свидетельствует о том, что Южная Корея стремится использовать свою культуру как инструмент мягкой силы, способствующий не только экономическому росту, но и установлению позитивного образа страны в глазах мирового сообщества.

Характеристики культурных конфликтов

Вопрос о самобытности культурных явлений остается одним из самых спорных в Восточной Азии. Несмотря на отсутствие противоречий в государственных планах этих стран, в социальных сетях возникают конфликты относительно принадлежности культурных элементов из-за желания защитить свой культурный суверенитет. Эти споры в основном обладают следующими двумя характеристиками.

Во-первых, участники подобных конфликтов часто пренебрегают связями и различиями между культурными элементами трех стран, рассматривая свои культуры как уникальные и превосходящие. Несмотря на многовековой культурный обмен, существует ряд общих культурных черт, присущих всем трем странам Восточной Азии. В этом контексте также важно учитывать, что заимствованные культурные элементы могли претерпеть локализацию, приобретая уникальные черты, отличные от их оригиналов. К примеру, в 2005 г. Республика Корея подала заявку в ЮНЕСКО о включении Каннын Дано (*Gangneung Danoje Festival*)

в список Всемирного наследия. Это вызвало некоторое недопонимание в Китае. Поскольку Дано и китайский праздник Дуанью обозначаются одними иероглифами и отмечаются в одинаковую дату, китайцы были поражены тем, что их традиционный праздник был признан как корейский. Однако следует отметить, что эти два праздника имеют свои уникальные особенности и различия, которые были четко отражены в заявке ЮНЕСКО [13]. Несмотря на это, в китайских социальных сетях распространено неверное представление о том, что Южная Корея якобы «украдала» праздник Дуанью у китайцев.

Поскольку не существует официального агентства по разграничению культурного пространства, ЮНЕСКО часто рассматривается как единственная организация, где можно официально урегулировать вопросы принадлежности культурных элементов. В СМИ особое внимание уделяется спискам культурного наследия, которые часто рассматриваются как подтверждение принадлежности тех или иных элементов к определенной стране. Такое убеждение основывается на представлении о том, что включение определенного объекта или традиции в список Всемирного наследия ЮНЕСКО подтверждает его связь с конкретной культурной общностью. Такие списки не только придают определенным элементам статус защищенного наследия, но и могут влиять на восприятие общественности относительно происхождения и принадлежности культурных явлений. Однако важно отметить, что ЮНЕСКО, будучи международной организацией, иногда сталкивается со сложными задачами в урегулировании культурных вопросов, и решения, принятые этой организацией, не всегда удовлетворяют все стороны. Культурная идентичность часто является сложным и динамичным явлением, которое трудно однозначно определить.

Во-вторых, все ссоры и конфликты в основном развиваются на неофициальном уровне, преимущественно на платформах социальных сетей среди молодежи. Одним из длительных источников противоречий между странами стали взгляды на национальные костюмы. С началом XXI века в китайском обществе, особенно среди молодежи, стало активно движение «Ханьфу» (*ханьфу юньдун*), направленное на возрождение традиционного китайского костюма (*ханьфу*) [11]. Поддерживая данное движение, его сторонники четко отделяют Ханьфу от японского Кимоно и корейского Ханбок. Однако, с другой стороны, возникает сопротивление любым попыткам «украсть» традиционные костюмы. В социальных сетях, особенно в Твиттере, хэштеги «Hanfu» и «Hanbok» часто используются параллельно, вызывая дискуссии и споры относительно стилей костюмов. В Китае для защиты своего культурного наследия была создана группа на платформе Вэйбо, получившая название «явления экспорта культуры» (*вэньхуа шучу сяньсян*), где регулярно публикуются случаи «культурной кражи», обсуждаемые в Твиттере. На момент написания данной статьи количество подписчиков группы составило 173 тыс. человек, а общее число публикаций достигло 27 тыс. Это свидетельствует о значительном внимании, уделяемом обсуждению и защите культурных аспектов национального наследия.

Однако в последнее время эти интернет-ссоры начали распространяться и в реальной жизни. Примером служат конфликты вокруг названия «праздника Весны» (кит. Чуньцзэ, кор. Соллал, буквально «начало года»). В начале 2023 г. офи-

циальный аккаунт Музея Великобритании опубликовал твит, поздравляющий с так называемым «корейским» лунным Новым годом, что вызвало негодование в Китае. В ответ на это «присвоение культуры» (англ. culture appropriation) китайцы «атаковали» аккаунт музея, иронизируя о том, как два «вора» замыслили украсть чужое культурное наследие. В тот день, когда в Музее Великобритании проходили мероприятия, посвященные корейскому лунному Новому году, китайские иностранные студенты, одетые в ханьфу, организовали митинг у ворот музея, показывая прохожим происхождение данного праздника [12].

Причины возникновения культурных конфликтов

Гомогенность восточноазиатских культур уходит своими корнями в исторически сложившуюся китаецентрическую систему. С начала VIII века Япония и Корея активно заимствовали элементы китайской культуры, приспособивая их под свои уникальные особенности. Этот культурный обмен продолжался с перерывами практически тысячу лет. Однако в XIX веке, в контексте колониционных процессов, старая система китаецентризма претерпела существенные изменения. Страны региона стали интегрироваться в мировой порядок, базирующийся на понятиях о суверенных нациях и основывающийся на влиянии Запада [15, с. 282—283]. Япония, проведя решительные реформы и осуществив ориентацию на западные идеи, стала первой модернизированной страной в регионе, что окончательно покончило с китаецентрическим строем Восточной Азии. Победа Японии в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. привела к завершению китайского культурного доминирования в регионе. Тем не менее эта победа также вызвала кризис мышления среди интеллигенции в Корее и Китае. В Китае в ответ на поражение вспыхнула 100-дневная реформа, которая, к сожалению, завершилась неудачей. В Корее прокитайская партия (*садае дан*) потеряла свою значимость в большинстве государственных дел. Эти исторические события стали ключевыми моментами, формирующими современное культурное и политическое разнообразие восточноазиатского региона.

Вместе со спадом влияния Востока на мировой арене, особенно в связи с ослаблением Китая, во всех восточноазиатских странах возник период отрицания собственного культурного наследия. Выбор между Востоком и Западом оставался актуальным вопросом в то время. Одним из наиболее ярких примеров этого процесса были отношения к китайским иероглифам, сохранившимся в письменных системах стран региона. В Китае после революции 1911 г. возникли движения по замене иероглифов буквами из западных языков, приоритет которым отдавали «радикалы» [1]. Подобные споры также возникли в Японии, где победившие в культурном плане «неоклассики» настаивали на сохранении иероглифов в письменности при их сокращении. В Корее схожие дебаты начались еще в XV веке, но окончательные решения о постепенном отказе от китайских иероглифов в корейском языке были приняты только в первой половине XX века [2].

В определенный момент истории некоторые страны отказались от своей восточной идентичности, что оставило нерешенными вопросы наследия давно

отвергнутых восточных традиций. Китай считает себя культурной державой с 5000-летней непрерывной историей своей цивилизации, но остальные страны полагают, что они все — преемники общей восточноазиатской культуры [5, с. 273], а Китай в этом отношении уже отклонился и придерживается коммунистической идеологии. С позиции Китая, Япония и Южная Корея уже превратились в страны западного типа и, соответственно, не считаются представителями типичной восточной цивилизации.

Ортодоксальность культурного наследия представляет собой важный аспект Конфуцианства, который освещает вопрос «Хуа» и «И» (*хуа и чжи бянь*, где «Хуа» обозначает Китай как центр культурности, а «И» — варварство). По мнению Конфуция, нации различаются не расовыми или региональными особенностями, а культурными. Задача «центра культурности» заключается в распространении своей передовой культуры на окружающие пространства [3, с. 3—4]. На основе этой концепции китайская цивилизация в течение веков ассимилировала соседние нации и распространяла свою культуру и образ жизни. И в этом процессе был создан единый культурный блок, который позже получил название «иероглифический культурный блок». Однако с начала XIX века процесс ассимиляции остановился и культуры под влиянием древнекитайской цивилизации начали формирование своих собственных суверенных государств. Даже сам Китай не остался в стороне от этих процессов, преобразовавшись из деспотической империи в модернизированную республику. Каждая страна, наследовавшая часть древнекитайской культуры, рассматривает себя как ортодоксального и полноценного представителя Востока, что зародило базу конфликтов и ссор в культурном отношении.

Исторические амбиции и геополитические обстоятельства становятся источником недоверия и враждебности между странами, оказывая влияние на их культурные отношения. Геополитические решения, принимаемые одной страной, могут воздействовать на культурные связи с другими нациями, усиливая напряженность и усложняя взаимопонимание. В связи с долгим периодом заимствования китайской культуры Япония и Южная Корея стремятся развивать свою собственную идентичность, отрываясь от влияния Китая. Прошлые военные конфликты, такие как нападение японских войск на территории Китая и Кореи, оставляют свои тени и продолжают создавать сложности в отношениях этих стран с Японией. Между Китаем и Южной Кореей конфликты в культурном пространстве стали нарастать с 2016 г., когда Южная Корея объявила о планах размещения системы ПРО США на своей территории [9]. Этот ход вызвал опасения со стороны Китая и России и стал причиной обострения культурных отношений между КНР и Республикой Кореей.

Выводы

Восточная Азия — это уникальное пространство, где зародились выдающиеся цивилизации. Многовековой культурный обмен в этом регионе сформировал единое культурное пространство. Однако процессы колонизации и примитивной

глобализации привели к разрыву органических культурных связей в этой китаецентрической подсистеме.

В результате каждая страна начала развиваться по своему собственному пути, а вопрос культурного суверенитета стал трудноразрешимым. Культуры этих стран переплетаются и взаимодействуют уже много веков, и на фоне современных глобальных вызовов поддержание культурной уникальности становится важным аспектом национальной идентичности.

Изучение этой сложной динамики позволяет более глубоко понять взаимосвязи и влияние культур в Восточной Азии. В условиях современного мира, где нации стремятся сохранить свою культурную самобытность, важно находить способы укрепления взаимопонимания и сотрудничества в регионе, учитывая богатое культурное наследие и общую историческую связь.

Первым шагом к решению культурных споров является осознание и признание исторических ошибок и недоразумений [16]. Понимание и признание прошлых ошибок — это не только акт честности, но и ключевой элемент процесса преодоления недопониманий и урегулирования культурных разногласий. Этот шаг способствует построению взаимного уважения и доверия, что является фундаментальным для успешного взаимодействия между нациями.

Открытый и честный диалог между историками и общественными лидерами способствует выработке общего видения прошлого и созданию основы для будущего сотрудничества [17]. Диалог, основанный на объективном анализе исторических событий, позволяет создать общую платформу понимания, избежать одностороннего искажения фактов и привести к согласию относительно прошлых событий. Это важно для того, чтобы перейти от противостояния и напряженности к взаимному сотрудничеству и пониманию.

Список литературы / References

1. Алпатов В.М. Размышления над книгой В.М. Алексеева «китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» // Общество и государство в Китае. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-nad-knigoy-v-m-alekseeva-kitayskaya-ieroglificheskaya-pismennost-i-eyo-latinizatsiya> (дата обращения: 28.12.2023).

Alpatov V.M. Razmyshleniya nad knigoy V. M. Alekseeva “kitajskaja ieroglificheskaja pis'mennost' i ejo latinizacija” [Reflections on the book by V.M. Alekseev “Chinese hieroglyphic writing and its Romanization”]. Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], 2013, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-nad-knigoy-v-m-alekseeva-kitayskaya-ieroglificheskaya-pismennost-i-eyo-latinizatsiya> (accessed: 28.12.2023). (In Russ.).

2. Ботоев И.К., Жанцанова М.Г. К вопросу об иероглифической письменности японского языка // Вестник БГУ. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ieroglificheskoy-pismennosti-yaponskogo-yazyka> (дата обращения: 28.12.2023).

Botoev I.K., Zhancanova M.G. K voprosu ob ieroglificheskoy pis'mennosti yaponskogo yazyka [On the question of the Japanese hieroglyphic script language]. Vestnik BGU [Bulletin of the BSU], 2017, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ieroglificheskoy-pismennosti-yaponskogo-yazyka> (accessed: 28.12.2023). (In Russ.).

3. Хан Син. «Хуа И Чжи Бянь» цзи ци цзиньдай чжуаньсин [обсуждение «Хуа» и «И» и его трансформация в новой истории] // Дунфан Луньтань (форум Востока). 2014. № 5. С. 1—8. (На Кит.).

Han Xing. "Hua yi zhi bian" ji qi jindai zhuanxing [Differentiating Chinese and Foreigners and Its Transition]. Dongfang Luntan [Eastern Forum], 2014, no. 5, pp. 1–8. (In Chinese).

4. Хатькова К.С., Абрамова Н.А. Культурные стратегии КНР как инструмент обеспечения культурной безопасности страны // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 102–102.

Nat'kova K.S., Abramova N.A. Kul'turnye strategii KNR kak instrument obespechenija kul'turnoj bezopasnosti strany [Cultural strategies of the People's Republic of China as a tool for ensuring the cultural security of the country]. Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija [International Journal of Experimental Education], 2014, no. 6-2, pp. 102–102. (In Russ.).

5. Ким Ю Чун. Хангук мунхоаби барамджикхан сегехоарыль уихан Чонрякджок Кочхаль [Стратегический запрос на глобализацию корейской культуры] // Comparative Korean Studies. 2009. № 17-1. С. 251–275. (На кор.).

Kim Youjoong. Hanguk munhwan baramsichan segehwarl wihan zhenryakjuck gochal [The Strategic Inquiry for Globalization of Korean Culture]. Comparative Korean Studies, 2009, no. 17-1, pp. 251–275. (In Korean).

6. Минкультуры Японии. Вагакуни но бунка сеисаку [Культурная политика нашей страны]. 2023. URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/r01_bunka_seisaku/pdf/r1421859_00.pdf (дата обращения: 28.12.2023). (На Яп.).

Minister of Culture of Japan. Wagakuni no bunka seisaky [Cultural policy of our country] 2023. URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/r01_bunka_seisaku/pdf/r1421859_00.pdf (assessed: 28.12.2023). (In Japanese).

7. Мошняга П.А. Специфика культурной политики Японии в условиях глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kulturnoy-politiki-yaponii-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 27.12.2023).

Moshnjaga P.A. Specifika kul'turnoj politiki Japonii v usloviyah globalizacii [The specifics of Japan's cultural policy in the context of globalization]. Znanie. Pонимание. Uмение, 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kulturnoy-politiki-yaponii-v-usloviyah-globalizatsii> (accessed: 27.12.2023). (In Russ.).

8. Ёнхап. Синханрю чинхыджочхьяк чхучан кехак [Политика продвижения Синханлю (Нового Ханлю)]. URL: https://mcsst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=18151 (дата обращения: 28.12.2023). (На кор.).

Yonhap. Sinhanru jinheungjeongchac chujin gehoc [Shinhan-ryu Promotion Policy]. URL: https://mcsst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=18151 (accessed: 28.12.2023). (In Korean).

9. Российская Газета. Южная Корея завершила размещение батареи ПРО США THAAD. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/iuzhnaia-koreia-zavershila-razmeshchenie-batarei-pro-ssha-thaad.html> (дата обращения: 28.12.2023).

Rossijskaja Gazeta. Juzhnaja Koreja zavershila razmeshchenie batarei PRO SShA THAAD [Rossiyskaya Gazeta. South Korea has completed the deployment of the US THAAD missile defense battery]. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/iuzhnaia-koreia-zavershila-razmeshchenie-batarei-pro-ssha-thaad.html> (accessed: 28.12.2023). (In Russ.).

10. Си Цзиньпин. Цзай Чжунго гунчаньдан дэ эршицы цюаньго дайбяо дахуэйшан дэ баогао [Доклад на XX всекитайском съезде Коммунистической партии Китая]. URL: https://gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 28.12.2023). (На Кит.).

Xi Jinping. Zai zhongguogongchandang di ershici quanguodaibiaodahui shang de baogao. [Report on the 20th National Congress of the Communist Party of China]. URL: https://gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (accessed: 28.12.2023). (In Chinese).

11. Ян Сюе, Чжан Жань, Кон Линсюй. «Чуаньтун» дэ цзайцзао юй люсин — дуй циннянь ханьфу вэньхуа яньбянь лоци дэ каоча [Переизобретение и популяризация «традиции» — исследование о логике развития культуры «Ханьфу» среди молодежи] // Дандай циннянь яньцзю

(современные исследования молодежи). 2022. № 2. С. 40—47. DOI:10.3969/j.issn.1006-1789.2022.02.005. (На Кит.).

Yang Xue, Zhang Ran, Kong Lingxu. “Chuantong” de zaizao yu liuxing — dui qingnian hanfu wenhua yanbian luoji de kaocha [Reinvention and Popularity of “Tradition”: The Development of Contemporary Youth Hanfu Culture in China]. Dangdai Qingnian Yanjiu (Contemporary Youth Research), 2022, no. 2, pp. 40—47. (In Chinese).

12. BBC. Даин боугуань «ханьго нунли синьянь» чжэнги бэйхоу дэ вэньхуа гуйшу чжи чжэн [Ссоры, вызванные Музеем Великобритании, о поздравлении с «Корейским лунным Новым годом» и конфликт о принадлежности культуры]. 2023. URL: <https://bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-64363713> (дата обращения: 28.12.2023). (На Кит.).

BBC. Dayingbowuguan “hanguo nongli xinnian” zhengyi beihou de wenhua guishu zhi zheng [The Cultural Attribution Debate Behind the British Museum’s “Korean Lunar New Year” Controversy]. URL: <https://bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-64363713> (accessed: 28.12.2023). (In Chinese).

13. CGTN. The dragon boat “race” between China and S. Korea. 2017. URL: https://news.cgtn.com/news/3d55544f3141444e/share_p.html (accessed: 28.12.2023).

14. Feindt, G., Bernhard G., Johannes P. Cultural sovereignty — A conclusion in four theses. Band 21 Cultural Sovereignty beyond the Modern State. Oldenbourg: De Gruyter. 2021. Pp. 147—167.

15. Park, Seo-Hyun. Changing definitions of sovereignty in nineteenth-century East Asia: Japan and Korea between China and the West // Journal of East Asian Studies. 2013. No. 13-2. Pp. 281—307.

16. UN. Пиньшу чжунчжихань гуаньси: Пань Цзивэнь хуюй чжэнцзюе жэньши лиши [По вопросам китайско-японско-корейских отношений: Пан Ги Мун призывает к правильному пониманию истории]. URL: <https://news.un.org/zh/story/2013/08/199802> (дата обращения: 28.12.2023). (На Кит.).

UN. Pinshu zhongrihan guanxi: Pan Jiwen huyu zhengque renshi lishi [On the issues of Sino-Japanese Korean relations: Ban Ki-moon calls for a correct understanding of history]. URL: <https://news.un.org/zh/story/2013/08/199802> (accessed: 28.12.2023). (In Chinese).

17. Trilateral Cooperation Secretariat. 2022 Progress Report of the Trilateral Cooperation. 2022. URL: https://tcs-asia.org/data/etcData/PUB_1692617325.pdf (accessed: 28.12.2023).

К.А. Останина

Становление жанра КИХЭН-КАСА в корейской поэзии

Аннотация. Данная научная статья исследует процесс становления и развития корейского поэтического жанра кихэн-каса. Кихэн-каса — это традиционный корейский лирический жанр, который возник во времена Древней Силлы и продолжает существовать до наших дней.

Статья основывается на анализе исторических и литературных источников, а также на исследовании стихотворения выдающегося писателя XVIII в. Ким Ин Гёма. В этой статье исследуются основные характеристики кихэн-каса, такие как форма, тематика и стиль, а также их эволюцию на протяжении времени.

Статья также рассматривает влияние кихэн-каса на развитие корейской поэзии в целом. Она анализирует, какие темы и мотивы были наиболее распространены в кихэн-каса, и как они повлияли на другие жанры корейской поэзии. Кроме того, в ней поднимается вопрос роли кихэн-каса в формировании национальной идентичности и культурного наследия Кореи.

К основным выводам исследования стоит отнести следующие положения.

Во-первых, возникновение жанра «кихэн-каса» было связано с утверждением познавательного «сирхакистского» подхода к миру и человеку в XVIII веке. Этот подход отразился в произведениях «кихэн-каса», которые способствовали формированию представлений о внешнем мире, включая дальневосточную ойкумену, в которую входили Япония и Китай.

Во-вторых, жанр «кихэн-каса» фокусируется на самом человеке и его реакции на новые жизненные ситуации, особенно на те, в которых он оказывается впервые как иностранец. Личный опыт автора, его чувства, переживания и опасения играют главную роль в стихотворениях «кихэн-каса», делая их уникальными произведениями Дальнего Востока.

В-третьих, кихэн-каса играет значительную роль в корейской поэтической традиции. Этот жанр не только отражает исторические и социальные аспекты корейской культуры, но и служит важным средством самовыражения для поэтов разных эпох. Эта статья предлагает углубленное понимание становления и значимости кихэн-каса в корейской литературе и культуре Дальнего Востока в целом.

Ключевые слова: Восток, Корея, литература, поэзия, кихэн-каса, юбэ-каса, движение «сирхак».

Автор: Останина Карина Акбаровна, студент, Восточный институт — Школа международных и региональных исследований, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия. ORCID: 0009-0007-4779-453X.

E-mail: Ostanina.ka@students.dvfu.ru

Для цитирования: Останина К.А. Становление жанра Кихэн-каса в корейской поэзии // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 50—56. DOI: 10.48647/ICCA.2024.98.47.005.

Ostanina K.A.

The rise of the KIHAENG-KASA genre in Korean poetry

Abstract. This scientific article explores the process of formation and development of the Korean poetic genre kihaeng-kasa. Kihaeng-kasa is a traditional Korean lyric genre that originated during Ancient Silla and continues to exist to this day.

The article is based on the analysis of historical and literary sources, as well as on the study of a poem by an outstanding writer of the 18th century. Kim In Gyum. This article explores the main characteristics of the kihaeng-kasa, such as form, theme, and style, as well as their evolution over time.

The article also examines the influence of kihaeng-kasa on the development of Korean poetry in general. It analyzes which themes and motives were most prevalent in kihaeng-kasa and how they influenced other genres of Korean poetry. In addition, it raises the question of the role of kihaeng-kasa in shaping the national identity and cultural heritage of Korea.

The main conclusions of the study include the following.

Firstly, the emergence of the “kihaeng-kasa” genre was associated with the establishment of a cognitive “sirhak” approach to the world and man in the 18th century. This approach was reflected in the works of “kihaeng-kasa”, which contributed to the formation of ideas about the outside world, including the Far Eastern ecumene, which included Japan and China.

Secondly, the “kihaeng-kasa” genre focuses on the person himself and his reaction to new life situations, especially those in which he finds himself for the first time as a foreigner. The author's personal experience, his feelings, worries and fears play a major role in the “kihaeng-kasa” poems, making them unique works of the Far East.

Thirdly, kihaeng-kasa plays a significant role in the Korean poetic tradition. This genre not only reflects the historical and social aspects of Korean culture, but also serves as an important means of self-expression for poets from different ages. This article offers an in-depth understanding of the formation and significance of kihaeng-kasa in Korean literature and the culture of the Far East in general.

Keywords: East, Korea, literature, poetry, kihaeng-kasa, yube-kasa, the Sirhak movement.

Author: *Ostanina Karina Akbarovna*, Student, The oriental institute — School of International and Regional Research, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. ORCID: 0009-0007-4779-453X. E-mail: Ostanina.ka@students.dvfu.ru

For citation: Ostanina K.A. The rise of the Kihaeng-kasa genre in Korean poetry. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 50—56. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.98.47.005.

Вся многовековая история Кореи — это, прежде всего, история создания уникальной национальной культуры. Корейская культура считается самобытной и неповторимой, однако не следует отрицать определенную общность корейских традиций с другими странами азиатского региона. Наиболее сильное влияние на формирование мировоззрения корейцев оказала китайская культура, ее следы можно встретить в музыке, живописи, архитектуре и, что не является исключением, в литературе.

Целью данного исследования выступает предоставление важности и значимости поэтического жанра «кихэн-каса» в контексте традиционной литературы Кореи.

Задачами исследования стали изучение исторического контекста «кихэн-каса», выявление его особенностей и исследование влияния на корейскую поэзию.

Теоретической базой исследования стали труды корееведов, специализирующихся в области литературы и культуры (А.Ф. Троцевич [2], И.А. Толстокулакова [1]), а также работа литературоведа широкого профиля Г.П. Бердникова [3]. Среди корейских ученых стоит отметить Ким Син Джуна [4], изучающего категории и типы жанра «кихэн-каса». Важными источниками информации стали сборники корейских стихотворений и энциклопедия корейской культуры.

В исследовании использованы методы исторического и литературного анализа, а также культурно-социального обзора.

Структура работы представлена введением, анализом культурно-исторического контекста, в рамках которого возник «кихэн-каса»; обзором одного из самых известных стихотворений данного жанра и выводами исследования.

Роль национальной письменности «хангыль» в литературе

На протяжении столетий корейский язык считался народно-разговорным языком и не имел собственной письменности, а литература на нем считалась «второсортной» и менее разнообразной, чем высокая литература на официальном письменно-литературном языке «ханмун» (кор. **한문** — литературный язык народа Хан) — кореизированная форма китайского письменного языка «вэньян»». Однако с появлением корейской национальной письменности «хангыль» (кор. **한글** — письменность народа Хан) в середине XV века, в творчестве многих писателей начали появляться произведения не только на китайском, но и на корейском языках [1].

Появление письменного национального языка особенно отразилось на поэтическом жанре периода корейского государства Чосон (1392—1910) под названием «каса» (кор. **가사** — лирика). Этот жанр наиболее ярко отражает личные впечатления и душевные переживания человека. Хотя существует ряд поджанров и различий между ними в разные периоды их существования, многие «каса» очень дискурсивны и напрямую обращаются к определенной аудитории читателей или слушателей, явно выражая проблемы, идеалы и реалии общества, для которого они были составлены. Жанр «каса» проявился в особом расцвете дневниковой прозы, в которой ведущее место занимают путевые записи, получившие самостоятельное название «кихэн-каса» (кор. **기행가사** — путевые лирические записи).

Поэтический жанр «кихэн-каса» представляет из себя записи из путешествий, которые не только описывают географические объекты, культурные обычаи и быт местных людей, но и фиксируют личные переживания и опасения, которые возникают у авторов «каса» во время поездок по различным местам как в своей стране, так и за ее пределами. «Кихэн-каса», как правило, имеют большой

объем — иногда более тысячи полустуший [5]. Их авторами часто были чиновники, которые по долгу службы совершали поездки по своей стране либо в соседние государства, обычно в Японию или Китай.

Влияние философского движения «сирхак» на расширение жанра «юбэ-каса»

Первые поэмы в жанре «каса», посвященные поездкам, появились в XVII веке и назывались «юбэ-каса» (кор. 유배가사 — песни об изгнании). Их авторами были чиновники и писатели, которые, вопреки усилившейся цензуре, критиковали государственную власть или официальную идеологию, за что изгонялись в ссылку. Для этих записей характерны описания, составленные под влиянием настроения автора, которого мучают тяготы пути и переживания из-за жизни в ссылке. Примером таких «каса» может служить «Северная застава» (кор. 북관곡, 1765 г.), написанная Сон Чусоком (1650—1692), внуком политического деятеля и философа-неоконфуцианца Сон Сирёля (1607—1689). В 1675 г. он сопровождал своего дедушку к месту ссылки в провинцию Хамгён и описал эту поездку в дневнике.

Расширение жанра «юбэ-каса» стало возможным с появлением познавательного подхода к миру, что было вызвано воздействием философского движения «сирхак» (кор. 실학 — практические знания). «Сирхак» возникло в конце XVII века как реакция на застой в конфуцианской науке, которая была сосредоточена только на вопросах этики и морали и не имела ничего общего с постановкой и решением реальных проблем, присутствующих в различных аспектах жизни государства Чосон [2, с. 106]. Талантливые сирхакисты выступали не только за развитие естественных наук, но также уделяли внимание и гуманитарным наукам, из которых литература — не исключение. Благодаря усилиям сирхакистов начали развиваться контакты Кореи с внешним миром, что дало толчок к развитию жанра путевых записок в стихах [4, с. 31—34].

Знакомство с родными и соседними землями

Безусловно, авторы жанра «кихэн-каса» в своих произведениях описывают не только иностранные земли, но и родные уголки Кореи. Поэмы-описания земель, созданные чиновниками на службе в провинциях, отличаются детальными географическими и этнографическими описаниями. Эта особенность, скорее всего, была связана с общим интересом образованного сословия к познанию собственной страны. Неслучайно в это время появляются анонимные «географии в стихах» — «каса», в которых описываются провинции. Например, «Восемь областей» (кор. 팔역가, 1727 г.), где в виде путевых заметок в стихах представлено подробное описание страны по отдельным провинциям, начиная с севера — района Пэктусан.

Большинство дошедших до нас произведений в жанре «кихэн-каса» повествуют о Китае и Японии, так как в условиях относительной изоляции Корея поддерживала тесную связь со своими соседями. Неудивительно, что самая длинная поэма рассказывает именно о путешествии в Страну восходящего солнца.

Анализ поэмы Ким Ин Гёма «Путешествие в Страну, что на восток от солнца»

Предпосылкой к зарождению путевой записи в стихах «Путешествие в Страну, что на восток от солнца» (кор. 일동장유가 — Песня о стране, где встает Солнце, 1763) послужило направление корейским двором своего посольства в Японию в 1763 г. Именно в его состав и был включен Ким Ин Гём, известный в Корее мастер изящного слова. Он должен был принять участие в стихотворном турнире, который устраивали в столице Эдо (совр. Токио), и отличиться как искусный сочинитель стихов на литературном китайском языке, что он с успехом и выполнил. Путешествие посольства по Японии длилось около года, и Ким Ин Гём описал его в стихах, которые насчитывают более двух тысяч полустиший. В этой поэме рассказывается обо всем, что привлекло его внимание — от поведения соотечественников, членов посольства, до особенностей чужой страны — природы, городов и обычаев ее народа. Например, так он описывает японскую столицу:

Посмотришь на четыре стороны —
Вид — только в обморок упасть.
Домов — и много же,
Тысячи тысяч, а то и больше, кажется.
Столицу нашего государства
С востока на запад всю пройди —
Будет разве десяток ли? Пожалуй, и не будет.
Даже знатным и богатым министрам,
И тем у нас законом запрещено иметь дома в сто кан.
А эти чертовы японцы строят дома не менее, чем в тысячу.
И среди них поганцы, что побогаче, кроют их медью вместо черепицы,
Украшают червонным золотом. Роскошь — невероятная.
А пойдя с юга на север —
Сто ли, не меньше, наберется.
Кварталы среднего сословия — без промежутков
Так сплошь и лепятся друг к другу.
А в центре города река — Нанпхаган
С севера на юг течет.
В поднебесье такую панораму
Где еще отыщешь?! [3, с. 169]
(Перевод А.Ф. Троцевич)

В этом произведении раскрылись такие черты поэта, как образованность и активный интерес к внешнему миру, столь характерные для вышеупомянутого движения «сирхак»; наблюдательность, критический склад ума, справедливость,

житейская мудрость, чувство юмора и чувство прекрасного. Во всех случаях Ким Ин Гём стремится быть точным и объективным, особенно когда речь заходит о японцах, недоброжелательность по отношению к которым усилилась в связи с Имджинской войной (кор. 임진왜란 — Имджинская война, 1592—1598 гг.). Он не заостряет внимания на враждебном отношении местного населения к посольству (например, убийство одного из чиновников посольства), для него важно зафиксировать именно личный опыт восприятия увиденного. Одним из примеров может служить фрагмент описания приема посольства пятилетним наследником престола Го-Момодзоно (1758—1779):

Место, где сидел Канхаку,
 Было далеко от меня и плохо освещено.
 Поэтому лица не разглядел.
 Но видел, что тот был в белом.
 Где сидели вассалы?
 Кто рядом, кто поодаль.
 Напряг зрение, — взгляделся —
 Лицо маленькое, подбородок острый;
 Загораясь, в движениях делается резковат.
 И, мотая головой,
 Заглядывает в складную книжку.
 Поминутно что-то записывает.
 Выглядит как-то несерьезно. [3, с. 612—613]
 (Перевод А.Ф. Троцевич)

Поэт заглядывается в человека, которого видит впервые. Он отмечает характерные штрихи внешности, манеру наследника держаться. Несколькими строчками в поэме создается облик несолидного, суетливого человека, которому как будущему правителю явно не хватает умения держаться во время ответственной церемонии.

Выводы

Рассмотрев историю возникновения кихэн-каса, мы можем прийти к выводу о том, что он берет свое начало из более ранних форм «каса». До возникновения «кихэн-каса» путевые записки в стихах XVII века существовали в виде «любэ-каса» — «записок в стихах из ссылок», где авторами приводилось описание мест Кореи, куда они были сосланы в ссылку и где мучительно тосковали по родному дому.

Помимо этого, мы выяснили, что сильное влияние на сам жанр «кихэн-каса», в частности, оказало философско-идейное движение «сирхак», возникшее в конце XVI века. Хоть это движение и выступало за реальные, естественные науки,

оно также поспособствовало снижению табуированности выражения внутренне-го мира человека, его чувств и личного восприятия внешнего мира в литературе.

Через призму личного опыта авторов «кихэн-каса» нам удалось понять, какой отпечаток оставили определенные исторические события и процессы на те или иные социальные группы в государстве Чосон. Так, автор Ким Ин Гём в своем произведении «Путешествии в Страну, что на восток от солнца» создает картину сложных, непонятных и порою неприятных отношений между жителями двух государств — Чосона и Японии, сложившихся в результате Имджинской войны.

Благодаря подробным реалистичным описаниям на родном языке многих вещей, которые авторы наблюдают в течение своей жизни, они и их произведения становятся ближе, прежде всего, современным им широким слоям населения. Люди начинают ассоциировать себя с героями произведений, и это не может не способствовать объединению многих слоев общества. Произведения кихэн-каса, отражая бытовые реалии жителей Чосона, дают нам уникальную возможность обращаться к ним за расширением наших знаний об обществе и культуре средневековой Кореи и Дальнего Востока в целом.

Список литературы / References

1. Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры / Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. 238 с.
Tolstokulakov I.A. Ocherk istorii koreyskoy kul'tury [Outline of Korean cultural history]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2002. 240 p. (In Russ.).
2. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 323 с.
Trotsevich A.F. Istoriya koreyskoy traditsionnoy literatury (do XX v.) [History of Korean Traditional Literature (pre-twentieth century)]. SPb, SPbGU, 2004. 323 p. (In Russ.).
3. История всемирной литературы: в 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького; гл. редкол.: Г.П. Бердников (гл. ред.) [и др.]; [авт. вступ. замечаний Ю.Б. Виппер]. М.: Наука, 1983. Т. 5 / редкол.: С.В. Тураев (отв. ред.) [и др.], 1988. 783 с.
Istoriya vsemirnoy literatury [History of World Literature. Set of 9 volumes]. Moscow: Nauka, 1988. 784 p. (In Russ.).
4. Shinjun Kim. Обзор категорий и типов текстов о путешествиях [김신준. 기행가사의 범주 및 유형 검토]. 학술저널. 광주광역시: 전남대학교 한국어문학회연구소, 2010. № 21. 29—44쪽. (Ha Kor.).
Shinjun Kim. Gihaeng-gasau beomju mit yuhyeong geomto [Review of categories and types of travel]. *Hagsuljeoneol* [Academic Journal]. Gwangjugwang-yeogsi: Jeonnamdaehaggyo hangug-eomunhag-yeonguso, 2010, no. 21, pp. 29—44. (In Kor.).
5. Кихэн-каса // Энциклопедия корейской культуры [기행가사 // 한국민족문화대백과사]. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0008478> (дата обращения: 09.06.2022). (Ha kor.).
Gihaeng-gasa [Travel Kasa]. Hangugminjogmunhwadaebaeggwasa [Encyclopedia of Korean National Culture]. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0008478> (accessed: 09.06.2023). (In Korean).

Ю.А. Мамаева

Цифровой юань e-CNY: перспективы развития государственной цифровой валюты Китая

Аннотация. В статье рассматриваются современное развитие цифровых технологий в КНР и интеграция новых технологических решений, таких как введение в оборот цифровой валюты Центрального Банка Китая (e-CNY). Кратко рассмотрены цели, а также существующие на данном этапе технические неопределенности развертывания e-CNY внутри страны и на международном уровне.

Ключевые слова: цифровой юань, цифровая валюта центрального банка, финансы и технологии, цифровой кошелек, трансграничные платежи.

Автор: Мамаева Юлия Александровна, младший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.
E-mail: Julia.Mamaeva@gmail.com

Для цитирования: Мамаева Ю.А. Цифровой юань e-CNY: перспективы развития государственной цифровой валюты Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 57—64. DOI: 10.48647/ICCA.2024.16.87.006.

Mamaeva Y. A.

Digital yuan e-CNY: China's state digital currency development perspectives

Abstract. The article discusses the nowadays development of digital technologies in China and the integration of new technological solutions such as the introduction of the digital currency of the Central Bank of China (e-CNY) into circulation. The objectives, as well as the technical uncertainties existing at this stage of e-CNY deployment within the country and internationally, are briefly considered.

Keywords: e-CNY, central bank digital currency, finance and technology, digital wallet, cross-border payments.

Author: Mamaeva Yuliya Aleksanrovna, Junior researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: Julia.Mamaeva@gmail.com

For citation: Mamaeva Y.A. Digital yuan e-CNY: China's state digital currency development perspectives. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 57—64. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.16.87.006.

Современное развитие цифровых технологий и активная интеграция технологических решений в области финансов способствовали появлению и бурному росту совершенно нового класса активов — криптовалют и невероятно большого числа сервисов, построенных на связанных с ними технологиях. Технологии блокчейна и цифровые криптовалюты в настоящее время уже стали полноценной частью современной финансовой системы благодаря ряду преимуществ по сравнению с основными традиционными активами.

Однако центральные банки многих стран с очевидной осторожностью относятся к этим инструментам и в значительной степени стараются ограничить бесконтрольное использование такого рода активов населением, при этом достаточно динамично развивая тему собственных цифровых проектов для национальных валют. По данным Банка международных расчетов (Bank for International Settlements, BIS), на 2021 г. центральные банки более 60 стран мира уже вели исследования в сфере цифровых валют центральных банков (CBDC — «central bank digital currency»), в том числе центральные банки таких стран, как Великобритания, Франция, Канада, Швеция, Япония, Республика Корея, Сингапур, ФРС Соединенных Штатов, а также Европейский центральный банк [1]. Особенностью цифровой валюты является то, что в распределенном реестре сохраняется вся информация от момента создания, прохождения всей цепочки оплат до настоящего момента и хранится она в зашифрованном виде. Среди наиболее динамично развиваемых инициатив центральных банков и правительств можно отметить проект цифрового юаня e-CNY в Китае, имеющего весьма существенные отличия от традиционных криптовалют, построенных на технологии блокчейн.

По мнению денежно-кредитных властей КНР, подобные биткойну криптовалюты, т. е. децентрализованные и полностью анонимные, в основном являются спекулятивными инструментами и, следовательно, несут потенциальные риски для финансовой безопасности и социальной стабильности. Как следствие этого видения, несмотря на то, что до 2021 г. большая часть майнинга криптовалют происходила на территории КНР, с сентября 2021 г. в КНР введен радикальный запрет на майнинг и использование любой криптовалюты, в том числе на хранение, реализацию и инвестиции в нее.

В конце 2019 г. Народный Банк Китая (НБК) запустил пилотные проекты e-CNY в четырех городах — Шэньчжэне, Сучжоу, Сюньане и Чэнду. Запуск цифровой валюты Китая стал итогом шестилетнего пути, который начался, когда Центральный банк Китая — НБК — объявил о своем исследовании системы «цифровая валюта/электронные платежи» в 2014 г. и анонсировал, что отныне цифровой юань e-CNY будет развернут по всему Китаю в рамках усилий Пекина по укреплению внутренней финансовой безопасности, а также для осуществления международных транзакций через платежные системы и сети, которые могут быть закрыты для китайских финансовых учреждений, обслуживающих организации, находящиеся под санкциями США. Уже в ноябре 2020 г. к пилотному проекту присоединились другие административно-территориальные единицы страны — Шанхай, Хайнань, Чанша, Сиань, Циндао и Далянь. В настоящее время пилотная программа охватывает центральные, западные, северо-восточные и северо-западные регионы Китая, а также дельту реки Янцзы, дельту реки Чжуц-

зян, регион Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй. В 2021 г. появились первые банкоматы для цифровых юаней, при помощи которых стало возможным не только совершать транзакции, но и обменивать цифровые деньги на наличные. В 2022 г. использование цифрового юаня было расширено на города Тяньцзинь, Чунцин, Гуанчжоу, Фучжоу, Сямынь, а также на шесть городов провинции Чжэцзян. В августе 2022 г. эксперимент с использованием цифрового юаня проходил уже в 23 городах Китая [2].

По состоянию на 30 июня 2021 г. e-CNY был применен более чем в 1,32 млн операций, охватывающих оплату коммунальных услуг, услуги общественного питания, транспорт, покупки и государственные услуги. Было открыто более 20,87 млн личных кошельков и более 3,51 млн корпоративных кошельков, при этом число транзакций достигло 70,75 млн, а суммы транзакций превысили 34,5 млрд юаней. Статистика КНР по итогам 2021 г. свидетельствует о взрывном росте использования цифровой валюты в КНР. Так, если на середину 2021 г. в стране было всего около 21 млн цифровых кошельков, то к концу года их количество выросло до 261 млн, а сумма операций по ним достигла 87,5 млрд юаней [3].

За этим, в 2022 г. последовал запуск приложений, разработанных Народным банком Китая (НБК) в сотрудничестве с крупными банками и позволяющих оплачивать покупки цифровыми юанями. В 2023 г. в приложении внедрена функция NFC — беспроводной передачи данных малого радиуса действия, позволяющая совершать платежи с цифровым юанем без подключения к Интернету.

Приложение e-CNY для смартфонов доступно только в китайских магазинах приложений и на китайском языке. В ограниченном объеме им могут воспользоваться и иностранные граждане: самая простая форма регистрации цифрового кошелька требует указания только номера телефона, при этом храниться на таких кошельках может не более 10 000 юаней (около 1390 долл.), а ежедневное использование ограничено 5000 юаней. Для безлимитных расходов необходимо быть гражданином Китая и идентифицировать себя, предъявив удостоверение личности в одном из обслуживающих e-CNY китайских банков.

По состоянию на конец июня 2023 г. в обращении находились цифровые юани на сумму около 16,5 млрд юаней (2,3 млрд долл.), что составляет лишь 0,16 % от общей денежной массы [4]. Таким образом, популярность цифрового юаня среди населения страны пока не слишком высока, и он используется в основном для розничных покупок.

Цифровой юань e-CNY уже является полноценным, законным платежным средством, наравне с наличными и безналичными деньгами, а это означает, что ни одно юридическое лицо в Китае не может отказаться от него. Один цифровой юань e-CNY стоит столько же, сколько один юань в бумажной валюте, и каждый из них можно обменять на другой. Пользователи могут хранить электронные юани в приложении «электронный кошелек» для мобильных телефонов, и в настоящее время возможность покупать электронные юани существует через шесть крупных государственных банков Китая и дочерние банки Tencent и Ant Group, которые контролируют две доминирующие платформы цифровых розничных платежей в Китае.

Расчеты в цифровых юанях мало чем отличаются от онлайн-платежей, к которым в Китае, мировом лидере по их использованию, все привыкли. А участие в пилотном проекте шести крупнейших государственных банков, на которые приходится 40 % всех банковских активов страны и более 3,6 млрд счетов институциональных и частных клиентов, упрощает доступ к цифровой валюте, которая к тому же интегрируется в банковские продукты.

Упрощает его и постоянное расширение договоренностей властей о приеме платежей в e-CNY с бизнесом, как и появление все новых мер по поддержке использования цифрового юаня. Например, в 2023 г. некоторые чиновники стали получать в e-CNY зарплату. А в октябре 2023 г. в Шэньчжэне открылся «индустриальный парк цифрового юаня», своего рода особая экономическая зона, резиденты которой будут работать над развитием экосистемы e-CNY и получают бесплатную аренду, льготные кредиты и 100 млн юаней (около 14 млн долл.) господдержки на ближайшие три года [8].

В настоящее время действующие учреждения, участвующие в исследованиях и разработках цифрового юаня, включают ICBC, ABC, Bank of China, China Construction Bank, Bank of Communications, Postal Savings Bank of China, а также операторов мобильной связи China Mobile и China Unicom. В исследованиях и разработках участвуют и китайские интернет-компании Ant и Tencent [5].

Наибольшую активность в работе с цифровым юанем среди банковских учреждений страны, по данным НБК, проявляет Строительный банк Китая (Construction Bank of China), в котором стремительно выстраивается инфраструктура для цифровых платежей. По итогам 2021 г. банк провел 84,7 млн операций на 43,5 млрд e-CNY по оплате путешествий, потребительских расходов, коммунальных платежей, обучения и развлечений [6].

В соответствии с 14-м пятилетним планом Коммунистической партии Китая (2021—2025) НБК продолжает и в настоящее время последовательно продвигать научно-исследовательский проект e-CNY без заранее установленного графика окончательного запуска, принимая во внимание внешние условия развития и местные условия. План предусматривает неуклонное расширение исследований и разработок в области электронной валюты Китая, в то время как НБК и многочисленные провинциальные и городские власти более низкого уровня планируют более широкое развертывание цифровых юаней.

Траектория роста, последствия для финансовой стабильности и геополитические последствия электронной валюты Китая e-CNY будут зависеть от того, как НБК и другие государственные органы устранят важные структурные неопределенности, касающиеся его базовой сети, создадут полную правовую базу и прозрачные нормативные требования.

Сеть электронной валюты Китая e-CNY имеет два уровня. Нижний уровень на данный момент состоит исключительно из нескольких коммерческих банков, которые могут облегчить обмен электронной валюты Китая на наличные деньги или банковские депозиты. Верхний уровень — это НБК. Он контролирует поставку электронной валюты Китая e-CNY и управляет платежами в электронной валюте Китая e-CNY между банками нижнего уровня.

Вся сеть электронной валюты Китая e-CNY построена на концепции «одна монета, две базы данных, три центра». «Одна монета» относится к единице электронной валюты Китая e-CNY, которая по сути является «зашифрованной цифровой строкой, представляющей определенную сумму, которая гарантирована и подписана центральным банком для продажи». «Две базы данных» относятся к (1) реестру центрального банка, в котором отслеживаются все непогашенные цифровые юани, и (2) всем реестрам цифровых юаней, поддерживаемым нижним уровнем сети либо локально, либо в том же облаке, используемом центральным банком.

Как сообщается, все «три центра» сети электронной валюты Китая e-CNY являются организациями НБК. Первым выступает центр сертификации, в котором будет храниться база данных, сопоставляющая настоящие личности всех пользователей цифровых кошельков; второй — центр регистрации, который будет отслеживать владение электронными юанями и транзакции; третий — центр анализа больших данных, который центральный банк будет использовать для мониторинга потоков платежей на предмет финансовых рисков и выявления незаконных действий.

Широкое внедрение электронной валюты Китая e-CNY внутри страны будет соответствовать стремлению Пекина к «финансовой безопасности» (金融安全, *цзиньжун аньцюань*). Для Китая это влечет за собой не только обнаружение и снижение финансовых рисков, но и объединение усилий органов государственной безопасности, таких как Бюро общественной безопасности, с усилиями финансовых регуляторов. В 2019 г. генеральный секретарь Си Цзиньпин одобрил укрепление финансовой безопасности за счет «контроля людей, наблюдения за деньгами, ужесточения системного брандмауэра» (管住人, 看住钱, 扎牢制度防火墙, *гуаньчжун жэнь, каньчжун цян, чжэлао чжиду фанхоэян*) [9]. И хотя окончательные возможности наблюдения за электронной валютой Китая e-CNY, по-видимому, еще не определены, цифровой юань e-CNY неизбежно приведет к гораздо большему наблюдению за финансовыми транзакциями, чем существующая система.

Однако цифровой юань e-CNY отличается от CBDC тем, что он будет пассивом на балансе учреждений-эмитентов, а не центрального банка. Эти обязательства коммерческого банка, в свою очередь, будут обеспечены обязательствами центрального банка, удерживаемыми в качестве активов учреждениями, выпускающими цифровой юань e-CNY (аналогично обращению с банкнотами гонконгского доллара на балансе коммерческого банка-эмитента). Для того чтобы цифровой юань e-CNY стал широко распространенным платежным средством, общая сумма электронных юаней e-CNY, выпущенных и доступных конечным пользователям, должна будет значительно увеличиться. Трудно представить, что это произойдет без ясности на высшем уровне в отношении бухгалтерского учета электронной валюты Китая e-CNY.

Другая неопределенность связана с тем, как небанковские организации, такие как государственные телекоммуникационные компании, будут участвовать в сети электронной валюты Китая e-CNY. В то время как аппаратные кошельки электронной валюты Китая e-CNY будут предлагаться крупными технологическими компаниями, согласно китайским правилам, только коммерческие банки

могут способствовать покупке электронной валюты Китая e-CNY. Таким образом, представляется вероятным, что коммерческие банки-эмитенты электронной валюты Китая e-CNY в конечном итоге будут существовать как хранители электронной валюты Китая e-CNY, т. е. субъекты, которые предлагают возможность хранить цифровой юань e-CNY либо через мобильные приложения, либо через аппаратные кошельки, но которые напрямую не выдают цифровой юань e-CNY. Соответственно, государственные телекоммуникационные компании будут частью нижнего уровня сети и не смогут напрямую предлагать возможность обмена наличными или банковских депозитов на электронные юани e-CNY. Возможно, два самых больших вопроса заключаются в том, станут ли эти тысячи учреждений и других китайских банков частью нижнего уровня сети электронной валюты Китая e-CNY и каким образом.

Потенциальное международное влияние электронной валюты Китая e-CNY значительно. Одной из важнейших перспективных целей внедрения цифрового юаня в КНР является возможность совершенствования трансграничных платежей, то есть использования цифрового юаня в трансграничных платежах и тем самым продвижения интернационализации юаня. В рамках проекта НБК ведется разработка экспериментального прототипа цифровой валюты, позволяющего осуществлять трансграничные платежи в режиме реального времени между парами CBDC в режиме 24/7 и дающего возможность обмена национальной и иностранной цифровой валюты в трансграничной торговле, что будет способствовать созданию благоприятной среды для большого числа центральных банков в Азии, а также в других регионах в рамках проекта «Пояса и Пути», содействовать повышению потенциала финансовой инфраструктуры для трансграничных платежей.

Наиболее значимым потенциальным международным влиянием электронной валюты Китая e-CNY в краткосрочной перспективе является вероятность того, что НБК позволит китайским компаниям использовать его в сделках с людьми, предприятиями и организациями, находящимися под санкциями США.

Пекин обеспокоен тем, что международные транзакции, выраженные в юанях, как правило, опираются на корреспондентские банковские отношения и сообщения через Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций (SWIFT), которое Вашингтон может настоять соблюдать политику санкций. Зависимость трансграничной инфраструктуры в юанях от SWIFT по-прежнему имеет серьезные последствия для денежного суверенитета Китая. Призыв Си Цзиньпина активно участвовать в установлении международных стандартов цифровой валюты указывает на желание Пекина заменить стандарты обмена финансовыми сообщениями и платежные системы на менее подверженные давлению политики США.

Сеть электронной валюты Китая e-CNY, безусловно, реализует это видение, поскольку НБК будет иметь полный контроль над ее структурой. Использование сети в международных транзакциях на крупные суммы помешает Соединенным Штатам оказывать давление на посредников, чтобы предотвратить такие транзакции между китайскими фирмами и организациями в Китае, Иране, Северной Корее и России, на которые распространяются санкции США. Другими слова-

ми, цифровой юань e-CNY может предложить китайским компаниям, находящимся под санкциями США, а также китайским фирмам, стремящимся осуществлять транзакции с организациями, находящимися под санкциями США внутри страны и за рубежом, способ сделать это, не полагаясь на посредников, которым нужен доступ к долларам США, включая крупные банки. И, что важно, это может произойти без значимых изменений в политике контроля за движением капитала. Сеть электронной валюты Китая e-CNY будет просто использоваться вместо других существующих платежных систем.

С технической точки зрения сеть электронной валюты Китая e-CNY способна облегчить международные транзакции, направленные на обход санкций США, особенно если НБК разрешает иностранным организациям поддерживать значительные балансы в электронной валюте Китая e-CNY. Тем не менее разрешение использовать цифровой юань e-CNY для обхода санкций будет политическим выбором, поскольку структура «трех центров» сети электронной валюты Китая e-CNY предполагает, что центральный банк, безусловно, будет знать, что происходят значительные транзакции с лицами, находящимися под санкциями США.

НБК участвует в международном обмене данными исследований цифровой фиатной валюты и обсуждает установление общих стандартов, чтобы совместно продвигать развитие международной цифровой платежной системы, а также прислушивается к инициативам G20 и других международных организаций по развитию трансграничных платежей и изучает применимость CBDC в трансграничных операциях, налаживает кооперацию с центральными банками и денежно-кредитными учреждениями ряда стран для развития сотрудничества в сфере использования цифровой валюты.

Институт цифровой валюты НБК (PBC DCI) уже присоединился к проекту «Мост цифровой валюты центрального банка» (m-CBDC Bridge), в котором участвуют Денежно-кредитное управление Гонконга (HKMA), Банк Таиланда (BOT), Центральный банк Объединенных Арабских Эмиратов (CBUAE). Многосторонний проект m-CBDC направлен на тестирование использования CBDC в трансграничных платежах, и его уже поддержал Инновационный центр Банка международных расчетов в Гонконге (BIS Innovation Hub Centre in Hong Kong SAR) [7].

Дальнейшее исследование развития цифровой валюты Центрального Банка Китая позволит проанализировать опыт развития этого проекта и увидеть положительные и отрицательные итоги принимаемых решений в финансовом секторе КНР.

Список литературы / References

1. Central bank digital currencies: executive summary. BIS. 30.09.2021. URL: <https://www.bis.org/publ/othp42.html> (accessed: 08.08.2023).
2. The challenges ahead for China's digital yuan. The Straits Times. 15.08.2022. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/the-challenges-ahead-for-chinas-digital-yuan> (accessed: 09.02.2024).

3. China's digital yuan extends usage into finance scenarios. Reuters. June 17, 2022. URL: <https://www.reuters.com/article/china-currency-digital-idUSL4N2Y41IE> (accessed: 09.02.2024).
4. China to trial paying salaries using CBDC. URL: <https://www.centralbanking.com/fintech/cbdc/7958586/china-to-trial-paying-salaries-using-cbdc> (accessed: 09.02.2024).
5. 央行首次发布数字人民币白皮书 专家：试点成果显著 安全普惠是后续重点. [The central bank releases the first white paper on digital renminbi. Experts: The pilot results are remarkable. Security and inclusiveness are the focus of the follow-up]. URL: <https://finance.people.com.cn/n1/2021/0718/c1004-32161205.html> (accessed: 21.02.2024). (In Chinese).
6. 建行占“半壁江山”！数字人民币累计交易额435亿元. [CCB accounts for “half of the country”! The cumulative transaction volume of digital RMB is 43.5 billion yuan]. URL: <https://www.mpaypass.com.cn/news/202203/30184643.html> (accessed: 21.02.2024). (In Chinese).
7. Digital Currency Institute of PBC Joins m-CBDC Bridge Project. PBC. 24.02.2021. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4196114/index.html> (accessed: 08.08.2023).
8. China Opens Industrial Park for Digital Yuan Development [В Китае открывается промышленный парк развития цифрового юаня]. URL: <https://coinspaidmedia.com/news/china-opens-industrial-park-develop-e-cny-ecosystem/> (accessed: 21.02.2024).
9. 筑牢反腐制度防火墙 [Create reliable protection against corruption]. URL: https://www.qstheory.cn/llwx/2019-10/14/c_1125101626.html (accessed 21.02.2024). (In Chinese).

Д.Д. Николаевский

Дедолларизация экономики Китая: современные тенденции и перспективы

Аннотация. Современная мировая валютная система претерпевает существенные трансформации. События начала XXI века, связанные с обострившейся геополитической обстановкой, торговой войной США и Китая, санкционной политикой западных стран, рисками отключения от международных систем передачи банковской информации, положили начало совершенно противоположной тенденции — дедолларизации экономических отношений. Основным участником этого процесса стал Китай, чей экономический рост в последние десятилетия позволил его национальной валюте — китайскому юаню — конкурировать с американским долларом в качестве альтернативного средства платежа в международной торговле. Цель данной работы заключается в выявлении экономических и политических причин и предпосылок активизации процесса дедолларизации в экономике КНР, а также обосновании современных тенденций и перспектив процесса дедолларизации в условиях трансформации международной валютно-финансовой системы. Научная новизна заключается в формировании целостного комплекса причин, обусловивших процесс дедолларизации, а также в качественном обосновании современных тенденций дедолларизации в экономической сфере Китая.

Ключевые слова: КНР, международные отношения, международная торговля, дедолларизация, интернационализация, китайский юань.

Автор: Николаевский Дмитрий Дмитриевич, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия. E-mail: d.d.nikolaevskiy@gmail.com

Для цитирования: Николаевский Н.Н. Деолларизация экономики Китая: современные тенденции и перспективы // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 65—73. DOI: 10.48647/ICCA.2024.83.55.007.

Nikolaevskiy D.D.

De-dollarization of China's economy: current trends and prospects

Abstract. The modern world monetary system is undergoing significant transformations. The events of the beginning of the XXI century, associated with the aggravated geopolitical situation, the trade war between the United States and China, the sanctions policy of Western countries, the risks of disconnection from international banking information transmission systems, marked the beginning of a completely opposite trend — the de-dollarization of economic relations. The main participant in this process is China, whose economic growth in recent decades has allowed its national currency, the Chinese yuan, to compete with the US dollar as an alternative mean of payment in international trade. The purpose of the article is to identify the economic and political causes and prerequisites for the activation of the process of de-dollarization in the PRC economy, as well as to substantiate the current trends and prospects of

this process in the context of the transformation of the international monetary and financial system. The scientific novelty lies in the formation of a holistic set of reasons that led to the process of de-dollarization, as well as in the qualitative substantiation of current trends in de-dollarization in the economic sphere of China.

Keywords: China, international relations, international trade, de-dollarization, internationalization, Chinese yuan.

Author: *Nikolaevskiy Dmitry Dmitrievich*, Moscow State Linguistic University.
E-mail: d.d.nikolaevskiy@gmail.com

For citation: Nikolaevskiy D.D. De-dollarization of China's economy: current trends and prospects. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 65–73. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.83.55.007.

Введение

В настоящее время более 80 % расчетов в международной торговле производятся в долларах США, евро и японских иенах, что составляет около 90 % официальных резервных активов и мировых долговых обязательств. Такое положение этих валют позволяет крупным мировым экономикам сохранять свои лидирующие позиции на международной арене. В конце XX и в начале XXI веков ввиду некоторых исторических и экономических причин развивающиеся и переходные страны мира наращивали использование американского доллара в силу его стабильности, меньших рисков инфляционных потерь, статуса основного средства расчетов между странами. Китай не является исключением, поскольку проведение китайским правительством «открытой» внешнеэкономической политики, осуществление экономических реформ сделали возможным переориентацию китайской экономики на экспорт, что обусловило приток иностранной валюты в страну в качестве оплаты за «дешевый» экспорт, а также через иностранные инвестиции.

Однако события последнего десятилетия, связанные с обострившейся геополитической обстановкой, торговой войной США и Китая, санкционной политикой западных стран, рисками отключения от международных систем передачи банковской информации, а также зависимостью курса юаня от доллара США, отражают актуальность активизировавшихся процессов дедолларизации в Китае и интернационализации китайского юаня в межгосударственных расчетах.

В силу этих причин изучение валютного рынка КНР и его регулирования, характеристика причин, тенденций и перспектив дедолларизации экономики Китая и интернационализации китайского юаня представляются важными и актуальными с теоретической и практической точек зрения.

Основная часть

Процесс дедолларизации в Китае связан с изменяющимся положением Соединенных Штатов и его валюты на международной арене. Результатом снижения глобального влияния и силы Соединенных Штатов стало сокращение доминирование доллара США. Согласно последним данным, опубликованным Меж-

Таблица 1. Структура официальных валютных резервов в мировых валютах, в %

Доли распределенных активов	1995	2000	2005	2010	2016	2020	2022
Доллар США	58,96	71,14	66,52	62,25	65,36	58,92	58,85
Евро	—	18,29	23,89	25,76	19,14	21,29	20,06
Японская иена	6,77	6,07	3,96	3,66	3,95	6,03	5,40
Фунты стерлингов	2,11	2,75	3,75	3,94	4,35	4,73	4,93
Китайский юань	—	—	—	—	1,08	2,29	2,88
Немецкая марка	15,75	—	—	—	—	—	—
Французский франк	2,35	—	—	—	—	—	—

Источник: [1].

дународным валютным фондом, в июле 2022 г. доля долларовых резервов упала до 58,8 %, что является 25-летним минимумом.

Исходя из данных таблицы 1, структура официальных валютных резервов государств мира действительно стала постепенно меняться. Процесс долларизации национальных экономик, ознаменовавший XX век, стал замедляться в начале XXI века. За двадцатидвухлетний период доля долларовых резервов сократилась с 71,14 % в 2000 г. до 58,85 % в 2022 г. по данным МВФ. Такое сокращение вызвано увеличением доли резервов в других национальных валютах, например в евро или в японских иенах. Немаловажную роль в этой трансформации играет китайский юань, который был официально включен в корзину СДР, поскольку Китай, будучи крупнейшим экспортером в мире, стал соответствовать критериям МВФ для включения его денежной единицы в корзину валют. Кроме того, китайский юань является свободно используемой валютой, что также дало основания для МВФ включить его в валютную корзину. Наконец, по мнению МВФ, юань широко используется для платежей по международным операциям и является предметом активной торговли на основных валютных рынках, что также обуславливает включение китайской денежной единицы в корзину СДР [2].

Мировая торговля и структура международных расчетов также претерпевает изменения. Под воздействием процессов глобализации, интеграции и регионализации наблюдается тенденция к постепенному отходу от использования американского доллара и расширению использования национальных валют в международных расчетах. Согласно статистике, стоимость доллара США сокращается самыми высокими темпами в истории за последние 15 лет. Поэтому международные инвесторы полностью осознали необходимость распределения финансовых рисков, что привело к росту спроса на другие мировые валюты [3].

Согласно данным SWIFT, доля использования доллара США в мировых платежах в июле 2022 г. также снизилась с 43,5 % в 2020 г. до 41,16 %. Это связано с тем, что многие страны стали переходить на другие ключевые валюты в процессе международной торговли. Хотя доминирование доллара в мировых резервах и платежах остается сильным и существенным, несложно заметить, что с каждым

Таблица 2. Доля ключевых валют в расчетах с использованием системы SWIFT, в %

Валюта	2011	2013	2015	2017	2019	2022
Доллар США	29,73	36,85	43,27	39,79	42,63	39,92
Евро	44,04	36,13	28,63	33,05	36,74	36,56
Британский фунт	9,00	8,79	9,02	7,43	4,14	6,3
Японская иена	2,48	2,49	2,88	3,01	4,08	2,79
Китайский юань	0,25	0,86	2,45	1,85	1,24	3,2

Источник: составлено автором на основании данных SWIFT.

годом оно снижается вместе с тем, как в межгосударственных расчетах растет доля других национальных валют, и это является главнейшей общемировой тенденцией. Данный процесс называется дедолларизацией — феномен международного денежного рынка в XXI веке, при котором происходит частичная или полная замена доминирующей валюты (доллар США) валютами других стран в международных операциях, а также снижение ее роли в резервах Централных банков государств мира.

Долларизация мировой экономической системы вызывает серьезные угрозы функционированию валютно-финансовой сферы национальной экономики, которые затрудняют реализацию эффективной денежно-кредитной политики в государстве. Поэтому в настоящий момент увеличивается импульс процесса дедолларизации, способного решить проблемы банковского и финансового регулирования. В этой связи государствами мира обсуждаются методы ограничения иностранной валюты во внутреннем обращении и стимулирования доверия населения и инвесторов к отечественной валюте [4].

В ходе изучения валютного рынка КНР и валютного регулирования в Китае было установлено, что китайская экономика за годы реформ и открытости превратилась в крупнейшую «долларовую зону», где практически во всех сферах экономических отношений доллар США закрепил свое доминирующее положение. С самого начала либерализации внешнеэкономических отношений США являлись главными экономическими партнерами КНР, и по сей день Соединенные Штаты Америки остаются ключевыми партнерами Китая, общий объем их торговли в 2023 г. составил 759 млрд долл. [5]. В списке ключевых торговых партнеров США занимает первое место по общему объему торговли. Это обусловило приток американского доллара на валютный рынок КНР, доля доллара в китайских резервах в 2005 г. составляла 79 %, что говорит о большой зависимости китайской экономики от доллара США. Осознавая сопутствующие риски долларовой зависимости, китайское руководство решило пересмотреть свою экономическую политику в пользу дедолларизации собственной экономики. Это обусловлено рядом экономических и политических причин.

Во-первых, процесс дедолларизации в Китае связан с изменяющимся положением Соединенных Штатов и его валюты на международной арене. Результатом снижения глобального влияния и силы Соединенных Штатов стало сокра-

шение доминирования доллара США. Согласно данным, опубликованным МВФ, с 2000 г. главенствующее положение американской валюты медленно снижается. Доля доллара в мировых валютных резервах сократилась с 70 % в 2000 г. до менее чем 59 % в 2022. Это связано с тем, что на международной арене стали появляться новые игроки. Одним из них является Китай, правительство которого в 2014 г. взяло на себя обязательств превратить юань в международную резервную валюту и валюту для расчетов.

Во-вторых, интеграционные процессы на территории Европы и создание Еврозоны предопределили введение 1 января 1999 г. единой валюты Евросоюза — евро. Экономика ЕС является крупнейшей в мире, большинство государств-членов используют единую валюту, что, естественно, придает ей международное влияние и импульс к развитию торговли между странами именно в евро. Китай является крупнейшим торговым партнером Европейского Союза, объем их общей торговли в 2023 г. составил 847 млрд долл., ЕС занимает первую строчку в списке ключевых торговых партнеров Китая [5]. Развитие партнерских отношений Китая с ЕС ознаменовало использование евро в торговле между ними, что подтверждает увеличение недолларовых активов в структуре резервов КНР.

В-третьих, торговая война Китая с США, начавшаяся в 2018 г., также является одной из причин ускорения процесса дедолларизации в Китае. Объявленная Китаем торговая война привела к тому, что товарооборот между Америкой и Китаем в январе-феврале 2019 г. упал на 20 % по сравнению с 2018 г. [6], и Китай был вынужден наращивать торговлю с другими странами, для того чтобы найти альтернативы американским товарам и новые рынки сбыта своей продукции. Это также влияет и на структуру ключевых валют, используемых в международных операциях, и может означать переход Китая на торговлю, например, с ЕС в евро взамен торговли с США и увеличение доли недолларовых активов в китайских резервах.

В-четвертых, переход Китая от доллара США к другим национальным валютам обусловлен также превращением американской валюты в экономическое оружие. Это связано с широким применением санкций в отношении таких «неудобных» стран, как Россия, Иран, Ирак и пр. На китайские власти произвело большое впечатление решение США заморозить долларовые резервы России в связи с проведением Россией специальной военной операции в Украине. Поэтому в контексте напряженности в тайваньском вопросе, вопрос зависимости китайской экономики от доллара США становится все более чувствительным, ведь в случае эскалации конфликта Китая с Тайванем может привести к таким же, а может, и более жестким, санкциям со стороны США. Кроме того, свое влияние оказали действия властей США по ограничению инвестиционного сотрудничества с Китаем, вывод оттуда высокотехнологичных производств американских компаний и запрет на сотрудничество в некоторых сферах производства микропроцессоров и технологий искусственного интеллекта. Ограничив страну в разработке высокопроизводительных микрочипов и в потенциальной возможности их закупки, США надеялись значительно снизить внешнеторговый потенциал Китая [7]. В результате таких действий был нарушен нейтральный статус доллара

США и доверие к нему было подорвано. Народный банк Китая стал искать альтернативные валюты, которые смогли бы сформировать их резервы, а китайские компании стали заключать торговые контракты с зарубежными предприятиями в альтернативных доллару валютах.

В-пятых, немаловажной причиной сокращения зависимости Китая от доллара США стало экономическое развитие США. В марте 2020 г. из-за вспышки коронавирусной эпидемии в Соединенных Штатах Федеральная резервная система (ФРС) ввела политику нулевой процентной ставки и количественного смягчения. Денежная эмиссия привела к тому, что Центробанк Китая начал избавляться от американских государственных долговых ценных бумаг, тем самым сокращая доминирование долларовых активов в валютных резервах страны. Более того, экономический кризис, вызванный геополитическим конфликтом на Украине, привел к тому, что в июне 2022 г. инфляция в США достигла 40-летнего максимума. Главная причина — подорожание продуктов и товаров повседневного спроса [8]. Ужесточение денежно-кредитной политики ФРС вместе с разгулом инфляции также вредит долговому рынку США. Когда ставки повышаются, доходность облигаций падает. Китай является крупнейшим держателем государственного долга США, поэтому в результате снижения доходности американских казначейских бумаг, Китай постепенно продает их и ищет более безопасную замену, тем самым сокращая долю долларовых активов в своих резервах и обеспечивая их диверсификацию.

На пути осуществления дедолларизации своей экономики Китая достиг существенных результатов: доля китайских долларовых резервов сократилась с 79 % в 2005 г. до 58 % в 2014 г. и продолжает сокращаться [9], вложения Народного банка Китая в американские казначейские облигации также сократились с пиковых 1,3 трлн долл. в 2014 г. до 980,8 млрд долл. в мае 2022 г. Осуществление международных операций в китайской валюте бьет рекорды, в январе 2022 г. использование китайского юаня в процессах трансграничной торговли достигло 3,2 % из общей доли использования ключевых валют в этих процессах. Существенную роль в торговле с Китаем приобретают такие национальные валюты, как евро, японская иена, британский фунт и российский рубль. Китайский валютный регулятор с целью предотвращения оттоков капитала ужесточает контроль за валютными операциями китайских и иностранных банков, а также обычных граждан [10]. Все эти процессы объясняются стремлением Китая сократить свою зависимость от американского доллара.

Однако эта зависимость экономики от доллара достаточно большая, что связано с экспортной направленностью китайской экономики. Доминирование доллара в мировых резервах и платежах, связанное с его стабильностью, высокой степенью доверия к нему, остается сильным и существенным. С тем учетом, что США — главный торговый партнер Китая, перспективы дедолларизации китайской экономики оказываются слишком туманными. С этой точки зрения, полная дедолларизация экономики Китая на данном этапе не представляется возможной и целесообразной, поскольку переход на национальные валюты в процессе международной торговли влечет за собой большие риски и издержки их использования. Существенно сократить зависимость от доллара можно путем отказа от тор-

говли с США и ее переориентации на другие страны мира, однако в таком случае китайскую экономику ждет крах, потому что она крайне сильно завязана на торговле с США. Безусловно, дедолларизация должна происходить постепенно, без особых социально-экономических потрясений. Стоит помнить, что процесс долларизации проходил длительное время и подкреплялся ростом экономического и политического могущества США. Поэтому для успешного и безболезненного осуществления дедолларизации экономики КНР, необходимо выделить основные направления деятельности китайского правительства на этом пути.

Китаю нужно продолжать проводить меры по интернационализации собственной валюты, чтобы она смогла стать заменой доллару как внутри страны, так и за ее пределами. Для осуществления этой цели Китаю необходимо, в первую очередь, поддерживать высокие темпы экономического роста, привлекать иностранный капитал в свою экономику, ведь именно рост экономики и национальной мощи обеспечил доминирование американского доллара на мировых рынках в XX веке. Необходимо также увеличить выпуск облигаций, номинированных в юанях, чтобы облегчить доступ к ним для заинтересованных в нем стран [11]. Китаю стоит расширить использование своей национальной валюты при торговле с другими странами, чем больше в мировой торговле проводится расчетов в юанях, тем меньше становится доминирование доллара на мировых рынках. Поддержка стабильного курса юаня способна поднять доверие и оживить интерес других государств к этой валюте. Безусловно, необходимо также сохранять определенную степень стратегического терпения, поскольку валюта становится резервной не за один-два дня, это долгосрочный процесс, который требует невероятных усилий, ежедневной и кропотливой работы.

Заключение

Мировая валютная система претерпела множество изменений, и главной тенденцией этой трансформации стала долларизация мировых экономик в течение XX и начала XXI веков. Однако структурные изменения в мире поставили под сомнение надежность американской валюты как средства формирования резервов и международных платежей. Поэтому в настоящее время Китай непосредственно и активно участвует в процессе дедолларизации своей экономики, уделяя ему особое внимание в связи с существенной зависимостью китайской экономики от торговли с США и, как следствие, от американского доллара. На этом пути очевидны заметные шаги китайского руководства, однако говорить о полной дедолларизации еще рано. В условиях усиления конкуренции и нарастающих противоречий между двумя странами в экономической и научно-технической областях Китаю необходимо диверсифицировать направления торговли, для того чтобы сократить роль США в этом процессе, а также нужно уделить особое внимание интернационализации китайского юаня, поскольку в долгосрочной перспективе у Китая есть все шансы усилить глобальные позиции юаня на мировых денежных рынках и успешно конкурировать с ключевыми резервными валютами, в том числе и с долларом США.

Список литературы / References

1. Структура официальных валютных резервов в мировых валютах. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175> (дата обращения: 20.04.2023).

Struktura oficial'nyh valyutnyh rezervov v mirovyh valyutah [The structure of official foreign exchange reserves in world currencies]. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175> (accessed: April 20, 2023). (In Russ.).

2. Хань Чао. Соответствие китайского юаня требованиям МВФ для включения в корзину СДР // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. Саранск: Партнер, 2017. № 1. С. 106—121. С. 110.

Han' CHao. Sootvetstvie kitajskogo yuanya trebovaniyam MVF dlya vklucheniya v korzinu SDR [Compliance of the Chinese yuan with the IMF requirements for inclusion in the SDR basket]. Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal [Scientific Review. International scientific and practical journal]. Saransk: Partner, 2017, no. 1. pp. 106—121. P. 110. (In Russ.).

3. 孙少岩. 中俄支付领域“去美元化”与人民币国际化分析. 域外观察 [Сунь Шаоянь. Анализ «дедолларизации» и интернационализации юаня в платежной сфере Китая и России, Заграничный наблюдатель]. 2021. No 1. Pp. 96—99. P. 96. (На Кит.).

孙少岩. 中俄支付领域“去美元化”与人民币国际化分析. 域外观察 [Sun Shaoyan. Analysis of “de-dollarization” and RMB internationalization in the payment field of China and Russia, Extraterritorial Observation], 2021, no 1, pp. 96—99. P. 96. (In Chinese).

4. 王晓泉. 中俄结算支付体系去美元化背景与人民币结算前分析. 俄罗斯东欧中亚研究 [Ван Инцюань. Предпосылки деолларизации китайско-российской расчетной и платежной системы и предрасчетный анализ китайского юаня, Российские исследования по Восточной Европе и Центральной Азии]. 2021. No. 2. Pp. 10—32. P. 10. (На Кит.).

王晓泉. 中俄结算支付体系去美元化背景与人民币结算前分析. 俄罗斯东欧中亚研究 [Wang Yingquan. The background of the de-dollarization of the Sino-Russian settlement and payment system and the pre-settlement analysis of the Chinese yuan, Russian Studies on Eastern Europe and Central Asia], 2021, no. 2, pp. 10—32. P. 10. (In Chinese).

5. 2022年12月进出口商品主要国别总值表 (美元值). [Таблица общей стоимости импорта и экспорта сырьевых товаров основных стран в декабре 2022 года]. URL: <https://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html> (дата обращения: 12.04.2023). (На Кит.).

2022年12月进出口商品主要国别总值表 (美元值). [Table of the total value of imports and exports of commodities of the main countries in December 2022]. URL: <https://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html> (accessed: April 12, 2023). (In Chinese).

6. Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китая и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. С. 187—206. С. 198.

Vinogradov A.O., Zaklepenko A.YU., Safronova E.I. SSHA, Kitaya i VTO: posledstviya amerikano-kitajskogo trgovogo konflikta dlya mirovoj trgovli [The USA, China and the WTO: the consequences of the US-China trade conflict for world trade]. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity], 2019, no. 24, pp. 187—206. P. 198. (In Russ.).

7. Заклязьминская Е. О. Новые риски и угрозы в экономике Китая: последствия санкционного давления или попадание в «ловушку среднего дохода»? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 23—31. С. 28. URL: <https://asaf-today.ru/S032150750024796-7-1> (дата обращения: 03.02.2024).

Zaklyazminskaya E. O. Novye riski i ugrozy v ekonomike Kitaya: posledstviya sankcionnogo davleniya ili popadanie v «lovushku srednego dohoda»? [New risks and threats in the Chinese economy: the consequences of sanctions pressure or falling into the “middle income trap”?]. Aziya i Afrika

segodnya [Asia and Africa today], 2023, no. 8, pp. 23—31. P. 28. URL: <https://asaf-today.ru/S032150750024796-7-1> (accessed: February 3, 2024). (In Russ.).

8. Рискovýj aktiv: Kitaya prodal gosdolg США. URL: <https://ria.ru/20220723/gosdolg-1804316419.html> (дата обращения: 25.04.2023).

Riskovyj aktiv: Kitaya prodal gosdolg SSHA [Risky asset: China sold US government debt]. URL: <https://ria.ru/20220723/gosdolg-1804316419.html> (accessed: April 25, 2023). (In Russ.).

9. 李欢丽, 李石凯. 强势美元周期, 去美元化浪潮与人民币国际化战略调整. 经济学家 [Ли Хуанли, Ли Шикай. Цикл сильного доллара, волна дедолларизации и корректировка стратегии интернационализации юаня, Экономист]. 2019. No. 5. Pp. 68—75. P. 69. (На Кит.).

李欢丽, 李石凯. 强势美元周期, 去美元化浪潮与人民币国际化战略调整. 经济学家 [Li Huanli, Li Shikai. The cycle of a strong dollar, the wave of de-dollarization and the adjustment of the RMB internationalization strategy, Economist], 2019, no. 5, pp. 68—75. P. 69. (In Chinese).

10. Биндер А.И., Кононов А.Ю. Валютная политика КНР: исторический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 24—30. С. 26.

Binder A.I., Kononov A.YU. Valyutnaya politika KNR: istoricheskij aspekt [China's Monetary Policy: a historical aspect]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations], 2014, no. 2, pp. 24—30. P. 26. (In Russ.).

11. 宋科, 朱斯迪, 夏乐. 双边货币互换能够推动人民币国际化吗. 中国工业经济 [Сун Кэ, Чжу Сыди, Ся Лэ. Могут ли двусторонние валютные свопы способствовать интернационализации китайского юаня, Промышленная экономика Китая]. 2022. No. 7. Pp. 25—43. P. 27. (На Кит.).

宋科, 朱斯迪, 夏乐. 双边货币互换能够推动人民币国际化吗. 中国工业经济 [Song Ke, Zhu Sidi, Xia Le. Can bilateral currency swaps promote the internationalization of the Chinese yuan, China's industrial economy], 2022, no. 7, pp. 25—43. P. 27. (In Chinese).

А.А. Попов

Горнодобывающая промышленность Индонезии: перспективы российских инвестиций в сфере добычи и переработки

Аннотация. В статье анализируется развитие ряда отраслей горнодобывающей промышленности Индонезии, которые могут представлять инвестиционный интерес для российских компаний с учетом их коммерческой привлекательности, и действия в отношении российского капитала западных санкций. Приводятся примеры, в первую очередь в нефтегазовой отрасли, аналогичных инвестиций в других странах, осуществляемых российскими компаниями. Отмечается возможность инвестиционного участия российских компаний в этой отрасли Индонезии, где на фоне ухода ряда западных компаний падает или стагнирует производство углеводородов. Одновременно указывается и на сложности, с которыми российские компании «Зарубежнефть» и «Роснефть» столкнулись в Индонезии в связи с западными санкциями. Подчеркивается, что, несмотря на эти трудности, руководство Индонезии заинтересовано в привлечении новых российских инвестиций в нефтегазовую отрасль, особенно с учетом имеющихся в России передовых технологий. Намечаются и наиболее перспективные направления российских инвестиций в горнорудную отрасль Индонезии, в том числе с учетом возникших для российской алюминиевой индустрии проблем с поставками глинозема в условиях западного санкционного давления.

Ключевые слова: инвестиции, нефть, газ, бокситы, никель, глинозем, добыча, переработка, завод, золото, баррель.

Автор: Попов Александр Александрович, аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0009-0001-7101-8879.
E-mail: Alexpopov00@gmail.com

Для цитирования: Попов А.А. Горнодобывающая промышленность Индонезии: перспективы российских инвестиций в сфере добычи и переработки // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 74—85. DOI: 10.48647/ICCA.2024.48.86.008.

Popov A.A.

Mining industry in Indonesia: prospects for Russian investment in mining and processing

Abstract. The article analyzes the development of a number of sectors of the Indonesian mining industry, which may be of investment interest for Russian companies, taking into account both commercial attractiveness and the effect of Western sanctions against Russian capital. Examples are given, primarily in the oil and gas industry, of similar investments in other countries carried out by Russian companies. The possibility of investment participation of Russian companies in this industry in Indonesia is noted, where hydrocarbon production is falling or stagnating due to the departure of se-

veral Western companies. At the same time, the difficulties that the Russian companies Zarubezhneft and Rosneft encountered in Indonesia due to Western sanctions are also pointed out. It is emphasized that, despite these difficulties, the Indonesian leadership is interested in attracting new Russian investments in the oil and gas industry, especially considering the advanced technologies available in Russia. The most promising areas of Russian investment in the Indonesian mining industry are also being outlined, including considering the problems that have arisen for the Russian aluminum industry with the supply of alumina under Western sanctions pressure.

Keywords: investments, oil, gas, bauxite, nickel, alumina, production, processing, plant, gold, barrel.

Author: Popov Alexander Alexandrovich, Postgraduate Student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0001-7101-8879. E-mail: Alexpopov00@gmail.com

For citation: Popov A.A. Mining industry in Indonesia: prospects for Russian investment in mining and processing. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 74—85. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.48.86.008.

Российские инвестиции в нефтегазовой сфере сосредоточены преимущественно в странах Ближнего Востока и Северной Африки. ОАО «Газпром» через дочернюю структуру «Газпром Интернейшнл» ведет разведку и добычу углеводородов на участке Эль-Ассель, на алжирском нефтегазовом бассейне Беркин. Еще одна «дочка» «Газпрома» — «Газпром нефть» в составе международного консорциума работает на месторождении Бафра в Ираке, а в иракском Курдистане — на месторождениях Шакал и Гармиан. ПАЛ «НК «Роснефть»» также в составе международного консорциума ведет добычу на месторождении Зохр на шельфе Египта. ПАО «Лукойл» активно работает в Египте, в частности на месторождении Вэст Эш Эль-Маллаха в Восточной пустыне, в районе г. Хургада, а также совместно с итальянской «ЭНИ» по проекту Мелейя — на месторождениях в Западной пустыне. Добыча «Лукойлом» нефти на иракском месторождении Западная Курна-2 по объему сопоставима с добычей нефти на всей территории Индонезии всеми действующими нефтедобывающими компаниями. В 2024 г. она должна достичь 800 тыс. баррелей в сутки, тогда как в Индонезии за первые 10 месяцев 2023 г. она составила всего 582,7 тыс. барр./с. ПАО «Лукойл» вошло в международный проект «Гаша» по освоению ряда месторождений в Персидском заливе. В Саудовской Аравии «Лукойл» совместно с Saudi Aramco осваивает месторождения Тухман и Мушаиб в пустыне Руб аль-Хали. Кроме того, «Лукойл» занимается глубоководной добычей на шельфе Гвинейского залива на участке Этинде в Камеруне, на блоке Тано в Гане и на блоке OML-140 в Нигерии¹.

«Роснефть» также активно работает в странах Латинской Америки и в первую очередь в Венесуэле, где российская госкомпания сотрудничает с местной государственной компанией Petroleos de Venezuela, S. A. (PDVSA). Общие запасы

---

¹ Россия—Африка: чего ждать нефтегазу от разворота на юг? URL: <https://nprom.online/trends/rosseeya-afreeka-chyego-zhdat-nyeftyegazu-ot-razvorota-na-yug/> (дата обращения: 25.11.2023).

углеводородов на месторождениях, относящихся к деятельности «Роснефти», превышают 20,5 млрд т. «Роснефть» присутствует и на Кубе, где участвует в проекте увеличения добычи нефти на месторождении Варадеро и в разработке месторождений на шельфе в Мексиканском заливе. Еще одним проектом в Латинской Америке является 45-процентное участие «Роснефти» в проекте Солимоинс в бразильском штате Амазонас по разработке предполагаемого нефтегазового месторождения. В Венесуэле работает и «Газпром нефть», которая еще в 2009 г. на 20 % вошла в капитал «Национального нефтяного консорциума» («ННК»), созданного крупными российскими нефтекомпаниями для реализации нефтедобывающих проектов в Венесуэле. ННК участвует в разработке месторождения Хунин-6 в бассейне реки Ориноко, где извлекаемые запасы нефти оцениваются в 11 млрд барр. ПАО «Новатек» входит в международный консорциум с французской TotalEnergies и итальянской «ЭНИ» по разведке и добыче углеводородов на шельфе Ливана [1].

Перспективным рынком для российских компаний может стать и Индонезия, руководство которой предпринимает значительные усилия по наращиванию добычи нефти и газа на фоне ухода многих крупных иностранных компаний из Индонезии. В 2021 г. американская ConocoPhillips продала 100 % своего участия в проекте по добыче газа на южносуматранском месторождении «Корридор», где ее доля составляла 54 %, национальной компании PT Medco Energi Internasional Tbk. На месторождении Абади блока Масела в районе Молуккских островов, где основным акционером является японская Inpex Corp., англо-нидерландская Royal Dutch Shell уступила свою долю в 35 % национальной госкомпании Pertamina. Американская Chevron вышла из проекта по освоению глубоководного месторождения нефти и газа на Восточном Калимантане — Indonesia Deep Water Development, посчитав его слишком дорогим, а 21 августа 2021 г. Chevron по истечении многолетнего контракта ушла и с месторождения Рокан в провинции Риау, передав его компании Pertamina.

Среди крупных зарубежных компаний, продолжающих работать в Индонезии, следует отметить британскую British Petroleum, подписавшую в 2022 г. контракты на условиях раздела продукции с правительством Индонезии по освоению месторождений Агунг I и Агунг II на шельфе Восточной Явы и острова Бали¹. При этом британская компания уже в настоящее время является крупнейшим производителем сжиженного природного газа (СПГ), который производится на базе месторождения Тангух в провинции Западное Папуа. Третья очередь проекта, инвестиции в которую составили 4,8 млрд долл., была официально введена в строй президентом Джоко Видодо 24 ноября 2023 г., после чего мощность предприятия по производству СПГ достигла 11,4 млн т/год.

За 9 месяцев 2023 г. ежедневная добыча газа в Индонезии составила 151,4 млн куб. м что было существенно меньше показателей, заложенных в гос-

---

¹ Resmi! British Petroleum Kelola Dua Blok Migas di Indonesia [Официальное! Бритиш Петролиум управляют двумя нефтегазовыми блоками в Индонезии]. URL: <https://ekonomi.bisnis.com/read/20220620/44/1545582/resmi-british-petroleum-kelola-dua-blok-migas-di-indonesia> (дата обращения: 27.11.2023).

бюджете на 2023 г. — 174,4 млн куб. м¹. Еще более плачевная ситуация с добычей нефти, ежедневный объем которой по состоянию на 1 ноября 2023 г. составил 582,7 тыс. баррелей, тогда как по плану госбюджета на 2023 г. запланировано 660 тыс. барр. Реальные показатели 2023 г. существенно ниже уровня добычи и 2022 г., который составлял 644,0 тыс. барр./день. Одной из главных причин сокращения добычи нефти является изношенность основных месторождений, на которых до 50 % добываемой нефти приходится на воду². Большое содержание воды в добываемой нефти обуславливает высокую себестоимость этой нефти, а в отдельных случаях доля воды доходит до 99 % на выходе из нефтяной скважины. Такая ситуация, например, наблюдается в старейшем нефтяном бассейне Индонезии блоке Рокан, который после ухода американской Chevron эксплуатируется дочерней структурой госкомпании Pertamina — PT Pertamina Hulu Rokan (PHR). При высокой себестоимости добычи нефти на Рокане этот блок обеспечивает самый большой объем нефти в Индонезии: по состоянию на начало ноября 2023 г. — 172,7 тыс. барр./день. Второй показатель — 140,0 тыс. барр./день, обеспечивает месторождение Банью Урип в блоке Чепу, на Центральной Яве, который эксплуатируется «дочкой» американской «ЭксонМобил» — «ЭксонМобил Чепу Лтд.». Таким образом, на эти два месторождения приходится более половины всей добываемой в Индонезии нефти, объемы которой продолжают сокращаться. Между тем руководство Индонезии ставит перед отраслью амбициозные планы добиться к 2030 г. ежедневной добычи нефти в объеме 1 млн барр., а газа — 339,8 млн куб. м.

Совершенно очевидно, что участие российских нефтегазовых компаний, обладающих колоссальным технологическим опытом эксплуатации месторождений углеводородов в сложнейших климатических условиях, в разработке перспективных нефтегазоносных районов Индонезии было бы в интересах обеих сторон. Первым опытом такого участия стало вхождение «Зарубежнефти» в проект по разработке блока Туна в Южно-Китайском море, в котором российская компания в декабре 2020 г. приобрела 50 % участия у британской Premier Oil Tuna BV (POTBV). Блок Туна находится в 296 км от ближайшего индонезийского острова Натуна Бесар, и всего в 13 км от границы вьетнамской экономической зоны. Примерно в 135 км от него, уже во вьетнамской зоне, располагается принадлежащий «Зарубежнефти» блок 12/11, запасы углеводородов на котором оцениваются всего в 2,6 млн т нефтяного эквивалента. Морские глубины в районе блока Туна составляют 110—120 м. В конце 2021 г. на месторождении было пробурено две оценочные скважины Синга Лаут и Куда Лаут, которые подтвердили наличие запасов газа в объеме около 100 млн баррелей нефтяного эквивалента, и

¹ Dua Mega Proyek Ini Bisa Dorong Produksi Gas Indonesia Capai 10 Ribu MMscfd [Два этих мегапроекта могут довести добычу газа в Индонезии до 10 млрд куб. футов]. URL: <https://www.dunia-energi.com/dua-mega-proyek-ini-bisa-dorong-produksi-gas-indonesia-capai-10-ribu-mmscfd/> (дата обращения: 28.11.2023).

² Produksi Minyak RI Mengkhawatirkan, Merosot Mirip Era 1960-an [Добыча нефти в Индонезии вызывает беспокойство на фоне сокращения добычи, схожего с периодом 1960-х гг.]. URL: <https://www.cnbcindonesia.com/news/20231108084844-4-487254/produksi-minyak-ri-mengkhawatirkan-merosot-mirip-era-1960-an> (дата обращения: 28.11.2023).

в 2025 г. «Зарубежнефть» планировала начать на блоке Туна добычу природного газа и газового конденсата¹. Однако в условиях западных санкций, введенных в ходе Специальной военной операции (далее — СВО) против российских компаний, «Зарубежнефть» в июле 2023 г. приняла решение о выходе из проекта и продаже своей 50-процентной доли в нем, что подтвердил и индонезийский регулятор в сфере геологоразведки и добычи нефти и газа «СКК Мигас». По оценке регулятора, запасы газа на блоке Туна составляют 8,4 млрд куб. м, а нефти — до 30 млн баррелей, т. е. около 4 млн т. Предполагалось добытые углеводороды поставлять в СЭЗ СРВ, где у материнской компании Premier Oil — Harbour Energy действует предприятие по сжижению газа².

Уже в годовом отчете за 2022 г. британская Harbour Energy отметила ограничения на дальнейшую эксплуатацию блока Туна совместно с российским партнером, о чем руководство компании в марте 2023 г. уведомило СКК Мигас³. В октябре 2023 г. «Зарубежнефть» через свою дочернюю структуру «ЗН Эйша Лтд.», участвующую в данном проекте, общие инвестиции в который оцениваются в 3,07 млрд долл., получила разрешение от индонезийского Агентства по координации капиталовложений (БКПМ) предоставить доступ к данным по месторождению потенциальным покупателям, среди которых индонезийские власти называют малайзийскую Petronas и эмиратскую Mubadala.

Еще более крупным проектом в нефтегазовой отрасли Индонезии, правда, в сфере переработки, является строительство нефтеперерабатывающего предприятия в г. Тубан, на Восточной Яве, в котором участвует российская госкомпания «Роснефть». В совместном предприятии с госкомпанией Pertamina российской стороне принадлежит 45 % акций, а стоимость всего проекта оценивается в 21 млрд долл. Завод, который будет перерабатывать нефть, поставляемую российской госкомпанией, должен производить столь необходимое индонезийской экономике топливо по стандартам «Евро-5» в объеме 12,8 млн килолитров (далее — кл), включая 1,49 млн кл авиационного керосина, 5,2 млн кл дизельного топлива, 5,95 млн кл бензина с октановым числом 92 и 0,16 млн кл бензина с октановым числом 95. Кроме того, предприятием ежегодно будет производиться 4,7 млн т продуктов нефтехимии: 1,3 млн т парахилена, 510 тыс. т стирола, 650 тыс. т полиэтилена, 1,16 млн т полипропилена, 407 тыс. т серы, 500 тыс. т моноэтиленгликоля и 173 тыс. т метил-трет-бутиловый эфира.

Решение об этом партнерстве было принято 26 мая 2016 г. по результатам саммита Россия—АСЕАН в Сочи. Первоначально планировалось, что строитель-

¹ «Зарубежнефть» намерена в 2025 г. начать добычу газа на шельфе Индонезии. URL: <https://www.interfax.ru/business/896924> (дата обращения: 04.12.2023). Zarubezhneft intends to start gas production offshore Indonesia in 2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/896924> (accessed: 04.12.2023).

² Operator Rusia akan Jual Hak Partisipasi di Blok Tuna [российский оператор продаст свои права на блоке Туна]. URL: <https://industri.kontan.co.id/news/operator-rusia-akan-jual-hak-partisipasi-di-blok-tuna> (дата обращения: 04.12.2023).

³ Ladang Gas RI Kena Imbas Sanksi Eropa ke Rusia, Ini Sikap SKK Migas [нефтегазовый блок Туна пострадал из-за европейских санкций в отношении России]. URL: <https://ekonomi.bisnis.com/read/20230312/44/1636450/ladang-gas-ri-kena-imb-sanksi-eropa-ke-rusia-ini-sikap-skk-migas> (дата обращения: 04.12.2023).

ство нефтеперерабатывающего завода мощностью 320 тыс. баррелей в день и стоимостью 13 млрд долл. начнется уже в конце 2017 г., однако в конце 2017 г. было только создано совместное предприятие PT Pertamina Rosneft Pengolahan dan Petrokimia (PRPP), которое и должно было построить и в дальнейшем управлять интегрированным нефтеперерабатывающим/нефтехимическим заводом New Grass Root Refinery and Petrochemical (NGRR Tuban), стоимость которого к этому времени возросла до 15 млрд долл. Инвестиции должны были распределяться пропорционально долям сторон в PRPP, в котором Pertamina представлена дочерней компанией PT Kilang Pertamina Internasional (PT KPI), тогда как «Роснефть» — аффилированным предприятием Petrol Complex Pte. Ltd., зарегистрированным в Сингапуре с оплаченным капиталом в 4,05 млрд долл. В момент основания СП намечалось, что нефтеперерабатывающий завод будет построен и введен в эксплуатацию в 2024 г.¹

В дальнейшем, однако, развитие проекта шло крайне низкими темпами, что в определенной мере, конечно, было обусловлено разразившейся пандемией, однако и до нее реализация сдерживалась такими факторами, как медленное оформление всех необходимых разрешений правительственными инстанциями на всех уровнях, а также необходимостью освобождения земельного участка под строительство завода общей площадью 841 га, из которых 300 га находилась в собственности местного населения. Местные же жители, узнав о строительстве завода, естественно, взвинтили цены на принадлежавшие им земельные участки.

Президент Индонезии Джоко Видодо, озабоченный задержкой со строительством завода в Тубане, 18 апреля 2019 г. провел специальное совещание, на котором потребовал ускорить предоставление налоговых льгот инвесторам, осуществляющим капиталовложения в сфере нефтехимии, однако уже в мае того же года 23 местных жителя, подавших в суд на губернатора провинции Восточная Ява, который утвердил площадку для строительства завода, выиграли дело, и решение губернатора судом было отменено, что, естественно, затормозило реализацию проекта. Только в конце 2019 г. началось проектирование этого завода силами испанской компании Tescnicas Reunidas SA, выбранной для этих целей участниками совместного предприятия PRPP. Трехстороннее соглашение об этом было подписано в Москве 28 октября 2019 г.

Лишь в сентябре 2021 г. Pertamina, «Роснефть» и индонезийская государственная электрокомпания PLN подписали протокол о проведении исследования по обеспечению будущего завода электроэнергией. Предполагалось, что на фазе строительства, которое должно было начаться в 3 квартале 2023 г., потребуются мощности в 20 МВт, а на этапе ввода завода в эксплуатацию во 2 квартале 2026 г. — 50 МВт. Общие же потребности завода на операционной фазе оцениваются в 678 МВт, из которых 500 МВт должна обеспечить PLN, а 178 МВт будет

---

¹ Pertamina-Rosneft Resmi Bentuk Perusahaan Patungan Pengelola Kilang Tuban [«Пертамина» и «Роснефть» официально объявили о создании совместного нефтеперерабатывающего завода в Тубане]. URL: <https://www.dunia-energi.com/pertamina-rosneft-resmi-bentuk-perusahaan-patungan-pengelola-kilang-tuban/> (дата обращения: 05.12.2023).

получено за счет генерации электроэнергии на самом предприятии¹. В апреле 2022 г. PRPP договорилось и с газовым субхолдингом Pertamina Gas Negara (PGN) об обеспечении завода необходимым объемом газа, который будет поставляться и по газопроводу — территория будущего предприятия находится в 55 км от ветки газопровода Гресик (Восточная Ява) — Семаранг (Центральная Ява), и в сжиженном виде, для чего на примыкающем к заводу морском побережье будет простроен специальный причал и вся необходимая инфраструктура. После ввода в строй завод, по предварительным оценкам, будет потреблять 351 BBTUD (миллиардов британских термических единиц в день)², или примерно 9,5 млн куб. м природного газа.

Как и в случае с любым другим крупным промышленным проектом на территории Индонезии, PRPP вынуждено тратить значительные средства на социальные программы местного населения — только в период 2019—2021 гг. на эти цели было потрачено 23 млрд рупий, или примерно 15 млн долл. Часть этих средств пошла на финансирование стипендий студентов из кабупатена Тубан, которые, возможно, в дальнейшем будут работать на данном предприятии. Кроме того, из числа местных жителей для подготовки промышленной площадки было задействовано 1220 человек, которые набирались из близлежащих деревень: Вадунг, Равасан, Ментосо, Сумургененг и Калиунту. Всего же на этапе строительства предполагается задействовать рабочую силу численностью до 20 тыс. человек, а на этапе эксплуатации — 2,5 тыс. человек. Силами местной рабочей силы была, в частности, очищена от деревьев предназначенная для завода территория площадью 125 га, на которой прежде размещался тиковый лес производственного назначения, т. е. предназначенный для постепенной промышленной вырубki. Всего было вырублено 40 тыс. стволов бирманского тика (*Tectona grandis*), что предварительно было согласовано с Министерством окружающей среды и лесного хозяйства и другими правительственными инстанциями. Взамен вырубленной территории леса для сохранения баланса углекислого газа на Восточной Яве Pertamina должна подготовить в соседнем кабупатене Баньюванги лесной участок в 265 га, а также высадить на побережье в районе завода 20 тыс. саженцев морской сосны, обладающей более высокой способностью поглощения углекислого газа, нежели тиковое дерево.

По состоянию на июнь 2023 г. строительство нефтеперерабатывающего комплекса так и не было начато, и окончательное решение по его финансированию стороны должны принять не позднее 1 квартала 2024 г. Несмотря на западные санкции, правительство Индонезии, которое рассматривает данный завод как один из Национальных стратегических проектов, рассчитывает, что он будет реализован, хотя и позднее, чем намечалось ранее. При этом правительство не ис-

---

¹ Pertamina Rosneft — PLN Mulai Kaji Kerjasama Penyediaan Listrik Kilang Tuban [«Пертамина Роснефть» и ПЛН начинают изучать сотрудничество в области электроснабжения нефтеперерабатывающего завода в Тубане]. URL: <https://www.dunia-energi.com/pertamina-rosneft-pln-mulai-kaji-kerjasama-penyediaan-listrik-kilang-tuban/> (дата обращения: 08.12.2023).

² PGN Bakal Pasok Kebutuhan Gas Kilang Tuban [«Пертамина Газ Негара» обеспечит газом нефтеперерабатывающий завод в Тубане]. URL: <https://www.dunia-energi.com/pgn-bakal-pasok-kebutuhan-gas-kilang-tuban/> (дата обращения: 09.12.2023).

ключает вариант и замены «Роснефти» в этом проекте и призывает госкомпанию Pertamina начать подыскивать нового партнера¹.

Возникшие у «Зарубежнефти» и «Роснефти» проблемы отнюдь не означают, что нефтегазовый рынок Индонезии закрыт для российских компаний. Более того, в условиях обеднения действующих месторождений и падения добычи углеводородов руководство отрасли заявляет о заинтересованности привлечения российских инвестиций, особенно с учетом имеющихся у российских компаний технологий. Наибольший интерес в данном случае может представлять гигантское месторождение природного газа «Натуна Д-альфа» на шельфе архипелага Натуна в Южно-Китайском море, запасы газа на котором оцениваются примерно в 6,2 трлн куб. м. Главной проблемой данного месторождения является высокое — 71 % — содержание углекислого газа в природном газе, что делает эксплуатацию месторождения крайне затратным. Изначально на это месторождение зашла американская «ЭксонМобил», однако из-за проблем с углекислым газом была вынуждена в 2017 г. выйти из проекта. Между тем в России существуют эффективные технологии, позволяющие недорого отделять углекислый газ от природного, что предполагает возможность работы на месторождении именно российских компаний. Наряду с этим район месторождения входит в зону, фактически являющуюся спорной территорией, на которую претендует и Китай. В связи с этим индонезийское руководство, очевидно, будет приветствовать участие в этом проекте именно российских компаний, учитывая дружественный характер отношений между РФ и КНР. При этом оно не может не понимать, что приход на это месторождение американских компаний неизбежно вызовет раздражение в Пекине, а допуск на него китайских компаний лишь подогреет территориальные претензии Китая.

Не менее перспективными могут быть и российские инвестиции в горнорудной отрасли Индонезии, учитывая огромные запасы различных минералов в этой стране, значительная часть которых слабо разведана и не эксплуатируется. В связи с этим в первую очередь можно отметить месторождения золота, которые разбросаны в различных частях Индонезии, где добывается как коренное золото, которое в рудной породе как правило соседствует с серебром и медью, так и аллювиальное золото, которое обычно намывается по руслам рек. По оценке американского геологического обзора (USGS), по состоянию на 2022 г. Индонезия была на 6 месте в мире по разведанным запасам золота — 2600 т (самые большие запасы у Австралии — 8400 т и России — 6800 т) [3]. Около 900 т из этих запасов приходится на месторождение Гразберг², или расположенное на индонезийской части острова Новая Гвинея, которое свыше 50 лет контролировала американская компания Freeport McMoRan, и лишь в 2018 г. правительство Индонезии сумело выкупить у американцев контрольный пакет акций. В настоящий момент

¹ Soal Pengganti Rosneft di Kilang Tuban, ESDM: Kita akan Cari Cara [О преемнике «Роснефти» на нефтеперерабатывающем заводе в Тубане, Министерство энергетики и природных ресурсов Индонезии: «мы найдем способ»]. URL: <https://katadata.co.id/happyfajrian/berita/651fcb7ceffc0/soal-pengganti-rosneft-di-kilang-tuban-esdm-kita-akan-cari-cara> (дата обращения: 11.12.2023).

² Emas atau Tembaga yang Menjadi Harta Karun Freeport di Papua? [Главное сокровище «Фрипорта» на Папуа — золото или медь?]. URL: <https://ekbis.sindonews.com/read/759031/34/emas-atau-tembaga-yang-menjadi-harta-karun-freeport-di-papua-1651331083> (дата обращения 12.12.2023).

на Гразберге ежегодно добывается около 50 т золота, или примерно половина всего объема добычи в Индонезии. Это месторождение располагается на адатных землях местных племен амунгме и каморо, которые в результате эксплуатационной деятельности американцев были чрезвычайно загрязнены, а русла местных рек практически завалены отработанной породой. Кроме того, американцы многие годы по-хамски относились к местному населению, против которого регулярно использовались армия и полиция при возникновении протестных настроений. В связи с этим местные племена, мнение которых не может не учитывать и центральное правительство, и слышать не хотят о новых западных инвестициях в регионе, где потенциально есть еще немало месторождений, подобных Гразбергу. Возможный же приход российских инвестиций и в золотодобычу, и в другие отрасли горнодобывающей промышленности папуасскими племенами и местными властями воспринимается положительно. При этом следует также учитывать, что подобные месторождения золота на территории РФ, как правило, находятся в регионах, где в силу климатических условий добыча и переработка руды может осуществляться лишь часть года, тогда как в Индонезии существенное влияние на производственный процесс в горнодобывающей промышленности оказывает лишь кратковременный сезон дождей.

Еще одним важным направлением российских инвестиций в горнорудной промышленности Индонезии могла бы стать добыча и последующая переработка никелевых руд. Если в России «Норникель» добывает руду уже на глубине почти 2 км (1943 м), то в Индонезии латеритные никелевые руды добываются открытым способом и на глубине в несколько метров от поверхности земли, что обуславливает низкую себестоимость этой добычи. После введения с 12 января 2014 г. запрета на экспорт необработанных минералов в стране силами преимущественно китайского капитала в первую очередь стала развиваться промышленность по переработке никелевых руд и производству ферроникеля, а в дальнейшем на его основе и нержавеющей стали. На Индонезию в настоящее время приходится почти четверть мировых запасов никеля: достоверные запасы руды оцениваются в 5,2 млрд т, или 57 млн т в пересчете на металл¹. В производстве же никеля на Индонезию в настоящее время приходится почти половина всего мирового производства, которое в 2022 г. составило 3,3 млн т, включая 1,6 млн т в Индонезии, 330 тыс. т на Филиппинах и 220 тыс. т — в РФ [2].

Следует отметить, что помимо ферроникеля, производимого методом электроплавки и используемого для производства нержавеющей стали, в Индонезии в настоящее время развивается технология автоклавного выщелачивания никеля и кобальта, которая позволяет эффективно перерабатывать относительно бедные по содержанию никеля руды — лимониты, тогда как в производстве ферроникеля преимущественно используются более дорогие сапролиты с высоким, более 1,5 %, содержанием никеля и низким, менее 20 %, содержанием железа. Данная

¹ RI Punya Cadangan Nikel Terbesar di Dunia, Kapan Habisnya? [Индонезия располагает крупнейшими в мире запасами никеля в мире, когда они закончатся?]. URL: <https://finance.detik.com/energi/d-6990648/ri-punya-cadangan-nikel-terbesar-di-dunia-kapan-habisnya> (дата обращения: 12.12.2023).

технология, при которой в специальных закрытых емкостях под высоким давлением с использованием серной кислоты происходит выделение из лимонитов соединений никеля и кобальта, позволяет производить ценный продукт, «смешанный осадок гидроксида», который затем перерабатывается в сульфат никеля и сульфат кобальта, используемые при производстве аккумуляторов для электромобилей. Первый завод по этой технологии был построен индонезийской группой Harita совместно с китайской Lygend Resources Technology Co.Ltd на о. Оби, в кабупатене Южная Хальмахера провинции Северные Молуки. Представляется, что участие российских компаний в никелевой промышленности Индонезии позволит им не только получать прибыль и совершенствовать имеющиеся у них технологии, но и производить нужную для российской экономики продукцию, связанную с магистральным вектором развития современного автомобилестроения.

Также большое значение инвестиционное сотрудничество с Индонезией может иметь и для российских компаний, занятых производством алюминия. По состоянию на 2022 г. на Индонезию приходится около 3 % мировых запасов бокситов, которые оценивались в 31 млрд т, включая 7,4 млрд т в Гвинее, 5,8 млрд т во Вьетнаме и 5,1 млрд т в Австралии. В Индонезии пока разведано примерно 1 млрд т бокситов, однако потенциально еще большие их запасы содержатся в недрах Западного Калимантана (Российские запасы составляют 500 млн т) [4]. Производство бокситов в 2022 г. составило 21,0 млн т, из которых 17,8 млн т было экспортировано. Среди производителей бокситов, общее производство которых в мире в 2022 г. составило 380 млн т, Индонезия была на 5 месте (в млн т): Австралия — 100, Китай — 90, Гвинея — 86, Бразилия — 33, Индонезия — 21, Индия — 17, РФ — 5 [5].

Внутреннее потребление бокситов связано с деятельностью двух глиноземных заводов, мощностью 2 млн т каждый, построенных на Западном Калимантане — китайской China Hongqiao Group Ltd. совместно с Harita Group и на острове Бинтан, провинция Риау — компанией PT Bintan Alumina Indonesia (BAI) при финансовом и технологическом содействии китайской Nanshan Aluminium Co. Ltd. Кроме того, госкомпания «Антам» также на Западном Калимантане эксплуатирует завод по производству глинозема химического класса. Руководство Индонезии ориентирует местных и зарубежных инвесторов на 100-процентную переработку внутри страны добываемых бокситов, экспорт которых был полностью запрещен с 10 июня 2023 г., в связи с чем в ближайшее время можно ожидать сокращения их добычи, поскольку потребности существующих глиноземных предприятий оцениваются примерно в 13,5 млн т. В связи с этим открываются дополнительные возможности для российских производителей алюминия, испытывающих определенные проблемы с поставками глинозема.

Крупнейший российский производитель алюминия, компания «Русал», с началом СВО оказался отрезанным от ряда традиционных поставок глинозема, в том числе с принадлежащих компании заводов. Так, прекратил работу глиноземный завод «Русала» в г. Николаеве (мощность завода — 1,75 млн т). Уже 20 марта 2022 г. правительство Австралии запретило экспорт глинозема в Россию, в том числе с завода Queensland Alumina, производившего 742 тыс. т глинозема в год,

который на 20 % принадлежал «Русалу». Всего же в той или иной степени до 2022 г. «Русал» контролировал 9 глиноземных заводов, включая 4 завода в РФ и 5 за ее пределами: в Австралии, на Украине, в Гвинее, на Ямайке и в Республике Ирландии. Последний Aughinish Alumina был крупнейшим из глиноземных активов «Русала» (мощность — 2,0 млн т), а общее производство глинозема на этих заводах в 2021 г. составило 8,3 млн т¹. В РФ собственное производство глинозема составляет 3 млн т, тогда как общие потребности алюминиевой промышленности — 7,9 млн т². Для решения проблемы нехватки глинозема «Русал» последнее время наращивал его поставки из Китая, а в октябре 2023 г. договорился и о покупке за 267 млн долл. 30 % акций китайской компании Hebei Wenfeng New Materials, которая в марте 2022 г. в провинции Хэбэй запустила глиноземный завод мощностью 4,8 млн т/год.

В нынешних условиях «Русал» вполне может решить проблему поставок глинозема на свои алюминиевые заводы в РФ за счет создания крупного глиноземного предприятия и в Индонезии, руководство которой крайне заинтересовано в новых инвестициях в эту отрасль, в том числе и в связи с тем, что собственное алюминиевое предприятие Inalum в Асахане, на Северной Суматре до сих пор работает на импортном глиноземе. Инвестиции «Русала» в глиноземную отрасль Индонезии, которые планировались еще 10 лет назад, могут притянуть за собой и еще более серьезные капиталовложения России в Индонезию. Дело в том, что главным фактором производства в алюминиевой промышленности является дешевая электроэнергия, которая может быть получена, в частности, за счет развития в Индонезии атомной энергетики. Последняя в условиях Индонезии безопасно может развиваться лишь на Калимантане, где в силу особенностей геологического строения острова практически не бывает сильных землетрясений, отсутствует и вулканическая деятельность. При этом именно в западной части острова сосредоточены основные залежи бокситов, и именно здесь, в провинции Западный Калимантан, было бы логично развивать и новое глиноземное производство, также зависящее от электроэнергии, и наращивать производство алюминия, который Индонезия вынуждена импортировать в больших объемах. Потребности страны в первичном алюминии в виде болванок составляют 1 млн т/год, тогда как собственное производство в Асахане — лишь 250 тыс. т, и импорт недостающих 750 тыс. т обходится ежегодно Индонезии примерно в 2 млрд долл. Таким образом, если руководство Индонезии, избранное в результате президентских выборов в феврале 2024 г., примет решение в пользу развития в стране атомной энергетики, российская госкорпорация «Росатом» может реально претендовать на строительство первой в Индонезии, и во всей Юго-Восточной Азии, атомной электростанции.

¹ «Русал» отрезают от сырья. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269679> (дата обращения: 13.12.2023). Rusal is being cut from raw materials. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269679> (accessed: 13.12.2023).

² Алюминиевая отрасль борется за сырьевую независимость. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-10-24/100_2310241040.html (дата обращения: 13.12.2023). The aluminum industry is fighting for raw material independence. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-10-24/100_2310241040.html (accessed: 13.12.2023).

Список литературы / References

1. Российские нефтегазовые компании на Ближнем Востоке и в Северной Африке: интересы, проекты и перспективы. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/> (дата обращения: 25.11.2023).

Russian oil and gas companies in the Middle East and North Africa: interests, projects and prospects. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/> (accessed: 25.11.2023). (In Russ.).

2. Deretan Negara Penghasil Nikel Terbesar di Dunia pada 2022, Indonesia Nomor Satu! [Индонезия — лидер по производству никеля в мире в 2022 году]. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2023/03/02/deretan-negara-penghasil-nikel-terbesar-di-dunia-pada-2022-indonesia-nomor-satu> (дата обращения: 12.12.2023).

Deretan Negara Penghasil Nikel Terbesar di Dunia pada 2022, Indonesia Nomor Satu! [The world's largest nickel producing countries in 2022, Indonesia number one!]. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2023/03/02/deretan-negara-penghasil-nikel-terbesar-di-dunia-pada-2022-indonesia-nomor-satu> (accessed: 12.12.2023).

3. Indonesia Termasuk Negara dengan Cadangan Emas Terbesar di Dunia [Индонезия входит в список стран с самыми большими запасами золота в мире]. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2023/04/27/indonesia-termasuk-negara-dengan-cadangan-emas-terbesar-di-dunia> (дата обращения: 11.12.2023).

Indonesia Termasuk Negara dengan Cadangan Emas Terbesar di Dunia [Indonesia is one of the countries with the largest gold reserves in the world]. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2023/04/27/indonesia-termasuk-negara-dengan-cadangan-emas-terbesar-di-dunia> (accessed: 11.12.2023).

4. Indonesia, Negara dengan Cadangan Bauksit Terbesar ke-6 Global pada 2022 [Индонезия — шестая страна в мире по запасам бокситов в 2022 году]. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2023/06/09/indonesia-negara-dengan-cadangan-bauksit-terbesar-ke-6-global-pada-2022> (дата обращения: 13.12.2023).

Indonesia, Negara dengan Cadangan Bauksit Terbesar ke-6 Global pada 2022 [Indonesia, the country with the 6th largest bauxite reserves globally in 2022]. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2023/06/09/indonesia-negara-dengan-cadangan-bauksit-terbesar-ke-6-global-pada-2022> (accessed: 13.12.2023).

5. Produksi Bauksit Indonesia Terbesar Kelima di Dunia pada 2022 [Индонезия — пятая страна в мире по производству бокситов в 2022 году]. URL: <https://dataindonesia.id/energi-sda/detail/produksi-bauksit-indonesia-terbesar-kelima-di-dunia-pada-2022> (дата обращения: 13.12.2023).

Produksi Bauksit Indonesia Terbesar Kelima di Dunia pada 2022 [Indonesia's bauxite production is the fifth largest in the world in 2022]. URL: <https://dataindonesia.id/energi-sda/detail/produksi-bauksit-indonesia-terbesar-kelima-di-dunia-pada-2022> (дата обращения: 13.12.2023).

А.О. Давыдова, А.Б. Павленко

Демографический кризис Республики Корея и Японии: анализ и перспективы

Аннотация. Статья рассматривает проблему ухудшающейся демографической ситуации в Южной Корее и Японии. Авторы проводят анализ ряда демографических показателей, включая рождаемость в Южной Корее и Японии за последнее десятилетие. В ходе исследования были выделены основные факторы, оказывающие влияние на демографическую ситуацию в Южной Корее и Японии: смена социальных и экономических предпочтений молодого поколения, которое все чаще выбирает карьеру и индивидуальную свободу перед семейными обязательствами, а также высокие стоимость жизни и образования в обеих странах.

Статья обсуждает перспективы решения демографического кризиса в Южной Корее и Японии, меры, которые принимают государства для борьбы с этой проблемой. Авторы предлагают ряд рекомендаций для смягчения кризиса, включая стимулирование рождаемости, привлечение иностранной рабочей силы и создание благоприятных условий для развития детей и молодых семей. Кроме того, статья подчеркивает важность адекватной системы поддержки молодых семей, включая предоставление доступного жилья, налоговых льгот и возможностей для совмещения работы и семейной жизни.

В свете демографического кризиса в Южной Корее и Японии, обсуждаются возможные последствия кризиса для экономического развития обеих стран. Сокращение численности рабочей силы может привести к уменьшению производительности и конкурентоспособности национальных экономик, а также к росту нагрузки на пенсионные системы и социальные программы.

Авторы статьи исследуют пути решения этой проблемы. Один из предлагаемых подходов заключается в привлечении иностранной рабочей силы, особенно на должности, которые требуют особой квалификации. Это может компенсировать дефицит рабочей силы и внести вклад в экономическую активность страны.

Кроме того, в статье акцентируется важность реформирования системы социальных льгот и улучшения условий для семейного благополучия. Отсутствие таких мер может обострять демографический кризис.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, демографический кризис, политика стимулирования рождаемости, старение общества, демографические последствия.

Авторы: Давыдова Алёна Олеговна, бакалавр по специальности востоковедение и африканистика, студент Института иностранных языков (ИИЯ), Московский городской педагогический университет, Москва, Россия. E-mail: wellowee@yandex.ru
Павленко Анастасия Борисовна, бакалавр по специальности востоковедение и африканистика, студент Института иностранных языков (ИИЯ), Московский городской педагогический университет, Москва, Россия. E-mail: pavlenk02@inbox.ru

Для цитирования: Давыдова А.О., Павленко А.Б. Демографический кризис Республики Корея и Японии: анализ и перспективы // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 86—96.
DOI: 10.48647/ICCA.2024.77.36.009.

Davydova A. O., Pavlenko A. B.

Demographic crisis of the Republic of Korea and Japan: analysis and prospects

Abstract. The article examines the problem of the deteriorating demographic situation in South Korea and Japan. In the article, the authors analyze demographic indicators, including fertility rates, in South Korea and Japan over the past decade. The study identified the main factors influencing the demographic crisis in South Korea and Japan: changing social and economic preferences of the younger generation, who are increasingly choosing a career and individual freedom over family involvement, as well as the high cost of living and education in both countries. In addition, the article highlights the importance of adequate support systems for young families, including affordable housing, tax benefits and opportunities to reconcile work and family life. In light of the demographic crisis in South Korea and Japan, the article also discusses the possible consequences of this crisis for the economic development of both countries. A shrinking workforce could lead to reduced productivity and competitiveness, as well as increased strain on pension systems and social programs.

The authors of the article also explore ways to solve this problem. One proposed approach is to attract foreign labor, especially for positions that require special qualifications. This can compensate for labor shortages and contribute to the countries' economic activity.

Moreover, the article emphasizes the need to change the system of social benefits and improve conditions for family well-being. The authors suggest that failure to implement such measures could worsen the demographic crisis.

Keywords: Republic of Korea, Japan, demographic crisis, childbirth incentives, aging of society, demographic consequences.

Authors: Davydova Alyona Olegovna, Bachelor Student, Institute of foreign languages, Moscow City University, Moscow, Russia. E-mail: wellowee@yandex.ru

Pavlenko Anastasia Borisovna, Bachelor Student, Institute of foreign languages, Moscow City University, Moscow, Russia. E-mail: pavlenk02@inbox.ru

For citation: Davydova A. O., Pavlenko A. B. Demographic crisis of the Republic of Korea and Japan. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 86—96. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.77.36.009.

Введение

Демографический кризис является одной из наиболее острых проблем для многих стран. Он характеризуется низким уровнем рождаемости, быстрым старением населения и уменьшением трудового потенциала. Это приводит к сниже-

нию доли экономически активного населения, уменьшению возможного вклада в развитие экономики и общества, а также к увеличению нагрузки на системы социальной защиты и здравоохранения.

Корея и Япония — страны, которые в равной степени столкнулись с данной проблемой. На 2023 г. коэффициент рождаемости в обеих странах находится на самом низком уровне. Целью статьи является оценка текущей ситуации с демографическим кризисом в Южной Корее и Японии, а также сравнение тенденций и мер, принимаемых правительствами обеих стран для стимулирования повышения рождаемости.

Демографический кризис в Южной Корее

Тенденция убывания численности населения является одним из самых острых вопросов, с которым столкнулось корейское правительство в XXI веке. В настоящее время Южная Корея является страной с самым низким суммарным коэффициентом рождаемости в мире — 0,78 [14]. Коэффициент <1 держится уже несколько лет, поэтому есть основания предположить, что Южная Корея не скоро сможет прийти к коэффициенту, равному 2,1, который необходим для сохранения стабильного населения без миграции.

Основной причиной сокращения численности населения является снижение рождаемости, которое продолжается в Корее уже несколько десятилетий. Особенно сильное сокращение наблюдается в мегаполисах, где сконцентрировано большинство населения [23]. Столь низкий уровень рождаемости уже сделал Южную Корею одним из самых быстро стареющих обществ в мире.

Такая ситуация с рождаемостью была не всегда. В 1960-е гг. правительство Южной Кореи объявило борьбу с перенаселением. Была запущена кампания по снижению рождаемости, известная как «кампания по планированию семьи». Это было вызвано международной политической модой и убеждениями о необходимости снижения рождаемости для достижения экономического роста. Кампания была результативной, и коэффициент рождаемости снизился с 6,1 в 1960 г. до 2,8 в 1980 г. Несмотря на первоначальные планы, рождаемость не стабилизировалась и продолжала снижаться даже после того, как правительство прекратило вмешиваться в семейные дела. В результате проблема перенаселения сменилась проблемой низкой рождаемости [2].

Корейский институт здравоохранения и социальных вопросов провел опрос, по результатам которого выяснилось, что как женатые, так и неженатые корейцы назвали «экономическую нестабильность» и «высокую стоимость воспитания детей» главными причинами отказа от рождения детей [16]. В декабре 2023 г. средняя стоимость аренды жилья в Сеуле превысила миллион вон [20]. Стоит также учитывать популярную в Южной Корее практику депозитов, сумма которых может достигать несколько тысяч долларов. Немногие могут сразу выплатить такую сумму арендодателю.

Южная Корея находится на первом месте среди стран с самой высокой стоимостью воспитания ребенка. Говоря о причинах дороговизны воспитания детей,

можно назвать стоимость образования, а также доступность ухода за ребенком в младшем возрасте [8]. Практически все дети в Корее посещают платные дополнительные занятия в специализированных учебных центрах. Родители стремятся обеспечить своим детям качественное образование, поэтому выбирают более дорогие центры.

Однако данное стремление к обеспечению высококачественного образования для детей может иметь негативные последствия. В большинстве случаев дети в Южной Корее лишены полноценного детства из-за акцента на образовании. В стране существует значительное давление на достижение полной учебной подготовки, что приводит к тому, что большинство родителей начинают обращаться к репетиторам и записывать своих детей на занятия задолго до начала школьного обучения. Даже в детских садах уделяется особое внимание образовательной программе. С момента поступления в начальную школу дети сталкиваются с продолжительными учебными днями, которые с каждым годом становятся все более интенсивными. В старших классах принято тратить большую часть времени на учебу, а после окончания школы большинство выпускников поступает в университет, где уделяет значительное внимание учебному процессу. Пройдя через такую сложную систему образования, многие корейцы, вероятно, не желали бы, чтобы их дети подверглись подобной нагрузке.

При обсуждении низкой рождаемости нельзя не упомянуть изменившееся положение женщин в Южной Корее в последние десятилетия. Семейные системы в стране все еще консервативны, и молодые женщины не хотят попасть в ловушку представлений о семье старших поколений. Для большинства корейнок рождение детей — это конец карьеры или, по крайней мере, задержка ее продвижения. Многие женщины решают вовсе не выходить замуж. По мере распространения четвертой волны феминизма в Южной Корее выбор в пользу отказа от брака приобретает все большую популярность.

Среди стран ОЭСР Южная Корея занимает одно из самых низких мест по условиям труда для женщин с точки зрения гендерного разрыва в оплате труда, родительского отпуска, расходов на уход за детьми, уровня образования и представленности на руководящих должностях [21]. Кроме того, негативное отношение к детям (например, «зоны без детей» [13]), а также высокая стоимость жизни и конкурентная система образования способствуют созданию сложных условий для воспитания детей.

Государственная политика, как было упомянуто ранее, до 1980-х гг. была направлена на сокращение населения. Правительством была запущена успешная кампания, пропагандирующая идею рождения в семье не более двух детей. Рождаемость достигла желаемого уровня, но впоследствии продолжила падать. Тогда правительство решило восстановить рождаемость хотя бы до уровня простого производства. В 1994 г. был создан Комитет по обсуждению демографической политики, а в 2004 г. был учрежден Президентский комитет по проблемам старения, отвечающий за разработку демографической политики [3]. С 2005 г. правительство стало предлагать пособия для стимулирования рождаемости, вводились бесплатные детские сады, началась масштабная финансовая поддержка молодых семей [1].

Хотя по понятным причинам основное внимание в государственной политике уделяется решению проблем старения населения и низкой рождаемости, укрепление первичной медико-санитарной помощи как ключевой подход к подготовке демографических изменений и управлению ими, возможно, в значительной степени упускается из виду. Многие родители жалуются на недостаток педиатров в Корее и ухудшение доступности качественного педиатрического лечения. В настоящее время сфера педиатрии становится менее популярной среди студентов-медиков. Несмотря на заявление Министерства здравоохранения о принятии необходимых мер для решения проблемы, педиатры сообщают о низких зарплатах и переквалификации многих специалистов в более высокооплачиваемые профессии. В итоге это приводит к задержке получения медицинской помощи детьми, и в некоторых случаях им приходится ждать по несколько недель [18].

Существует также проблема сокращения населения в сельской местности. Молодые люди в поисках работы уезжают в мегаполисы и остаются там. Таким образом, в сельской местности закрываются детские сады и школы. Чтобы замедлить спад и уменьшить перенаселенность столицы, правительство пытается заинтересовать людей в переезде в сельскую местность. Их цель — финансировать специализированные программы, чтобы помочь привлечь новых учеников в эти сельские районы [15].

В 2023 г. администрация Южной Кореи создала рабочую группу по демографической политике, возглавляемую Министерством финансов и здравоохранения. Эта группа планирует пересмотреть и продвигать политику, направленную на решение проблем низкой рождаемости и старения населения, а также несбалансированной структуры населения. Для того чтобы эти стратегии и политика были эффективными, правительству предстоит решить основные социально-культурные проблемы, с которыми сталкиваются пожилые люди, женщины и молодежь в Южной Корее [9].

Так как иммиграция — один из вариантов поддержания численности трудоспособного населения, правительство Южной Кореи начало принимать больше иностранных работников, но пока не ввело программы в таких масштабах, которые бы оказали заметное влияние на их демографию [12]. Например, Австралия, Новая Зеландия и Сингапур воспользовались этим подходом, чтобы компенсировать низкий уровень рождаемости в своих странах, что привело к постоянному росту населения [9].

Согласно докладу ООН «Мировые демографические прогнозы народонаселения мира» за 2022 г., ожидается, что к 2024 г. численность населения Южной Кореи достигнет пика и составит 51,35 млн человек, после чего начнет постепенно снижаться. Также в докладе сообщается, что из-за крайне низкого уровня рождаемости в Южной Корее и быстрого старения населения, к 2050 г. государство займет первое место по доле пожилых людей среди стран мира, а к 2065 г. почти половина населения Южной Кореи будет старше 65 лет [3].

Мы наблюдаем, что усилия по стимулированию рождаемости в стране не привели к желаемым результатам, однако возможны определенные шаги по смягчению этой проблемы.

Одним из вариантов является пересмотр системы образования в Южной Корее с целью уменьшения финансовой нагрузки на родителей за счет частного образования. Следует обеспечить детям возможность уделить время играм и внеклассным занятиям, а также расширить возможности для детей из различных социальных классов для поступления в престижные университеты и профессиональные программы, независимо от финансового положения их семей.

Южной Корее также стоит изменить свою иммиграционную политику, чтобы рабочие-мигранты, которые в настоящее время должны покидать Южную Корею по истечении срока трудового договора, могли получить постоянное место жительства и гражданство.

Однако южнокорейскому правительству, скорее всего, будет крайне сложно восстановить рост населения. Социально-культурные изменения, происходящие в стране, оказывают сильное влияние на молодое поколение южных корейцев. Большинство не собирается вступать в брак, многие предпочитают заводить домашних животных вместо детей [11].

Консервативное общество, в котором они выросли, заставило их жить так, как им хочется. Угнетенные ценами на жилье, они решают жить для себя. Недавние инциденты с преступлениями в отношении женщин, а также патриархальная направленность политики нынешнего президента Юн Сок Ёля оказывают значительное влияние на нежелание кореянок вступать в отношения и брак с корейцами.

Демографический кризис в Японии

В последние годы Япония оказалась в серьезном демографическом кризисе, который оказывает негативное влияние на ее социально-экономическое развитие. В 2022 г. общий коэффициент рождаемости в стране достиг рекордно низких значений в 1,26. Этот показатель отражает среднее количество детей, которых женщина рождает в течение своей жизни. В сравнении с пиковыми показателями, наблюдаемыми после Второй мировой войны в 1947 г., в размере 4,54, наблюдается резкое снижение уровня рождаемости [6].

Сокращение общего коэффициента рождаемости наблюдается во многих развитых странах, но Япония является одним из наиболее заметных примеров такого тренда. В Японии есть несколько факторов, которые объясняют подобные явления [19].

Одной из основных причин демографического кризиса в Японии является низкий уровень рождаемости. Отсутствие своевременных мер поддержки семей и материнства, долгие рабочие часы и культурные факторы, такие как приоритет карьеры перед семьей, приводят к сокращению числа родов. В результате снижается рождаемость и возрастает доля пожилого населения [5].

Совместно с низкой рождаемостью, второй основной фактор — увеличение продолжительности жизни. Средняя продолжительность жизни в Японии составляет около 85 лет [17]. Япония славится своими продвинутыми медицинскими технологиями и высоким уровнем здравоохранения, что содействует увеличе-

нию средней продолжительности жизни. Однако это приводит к дисбалансу в структуре населения, когда доля пожилых людей превышает долю молодых [18].

Основные последствия демографического кризиса в Японии охватывают различные аспекты общества и экономики. Количество трудоспособного населения снижается, что приводит к дефициту рабочей силы и угрожает экономическому росту. Кроме того, сокращение числа молодых людей оказывает негативное влияние на социальную сферу, такую как система пенсий и медицинская помощь, которые все больше становятся непропорциональными и неустойчивыми [7].

Для преодоления демографического кризиса в Японии необходимы комплексные меры. В первую очередь, государство должно предпринять шаги для создания условий, при которых семьи будут иметь возможность комфортно воспитывать детей. Это может включать в себя предоставление льгот на жилье, детские пособия, субсидирование детского сада и школьного питания. Кроме того, необходимо разработать программы по улучшению равенства полов, чтобы женщины не сталкивались с выбором между семьей и карьерой [7].

Также важно сделать пожилым людям более комфортную жизнь и обеспечить им все необходимые услуги и пенсионное обеспечение. Это поможет уменьшить давление на рабочую силу и увеличить активность пожилых людей в обществе [22].

Помимо этого, Япония может привлечь мигрантов для компенсации демографического дефицита. Введение более гибких и привлекательных иммиграционных политик, упрощение процедуры получения гражданства и предоставление социальной поддержки иммигрантам могут стимулировать приток трудовых ресурсов [22].

Кроме того, развитие робототехники и искусственного интеллекта может стать одним из способов справиться с демографическим кризисом. Япония уже является лидером в этой области и может использовать автоматизацию и роботов для устранения дефицита рабочей силы, особенно в сферах здравоохранения и ухода за пожилыми людьми.

Демографический кризис имеет серьезные последствия для экономики и социальной сферы. Правительство должно предпринять шаги для поддержки семей и материнства, улучшения жизни пожилых людей и создания условий для привлечения мигрантов. Только через совместные усилия общества и государства Япония сможет преодолеть демографический кризис и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие [7].

С помощью комплексного подхода, включающего меры поддержки семей и уход за пожилыми людьми, возможно преодолеть эту проблему. Японии следует обратиться к опыту других стран, которые успешно справлялись с подобными вызовами, и разработать соответствующие стратегии для обеспечения устойчивого демографического развития в будущем [15].

В связи с демографическим кризисом в Японии, правительство страны предпринимает ряд мер для стимулирования рождаемости и содействия развитию семей. Например, введены программы материнского капитала, предоставляющие финансовую поддержку семьям при рождении ребенка. Также проводятся кампании социального просвещения, направленные на повышение осведомленно-

сти населения о проблеме демографического упадка и о необходимости иметь детей [7].

Продолжение экономического развития и создание новых рабочих мест могут также стать факторами, способствующими увеличению рождаемости. Обеспечение стабильной и высокооплачиваемой работы для молодых семей способно снизить неопределенность и риски, связанные с рождением детей, и стимулировать желание увеличить рождаемость [15].

Кроме того, изменение культурных стереотипов и создание более гибких условий для совмещения карьеры и семьи также могут быть полезными. Правительство может содействовать внедрению политик гибкого рабочего времени, декретного отпуска, а также предоставлению возможностей для повышения квалификации и карьерного роста молодой семьи [7].

Более того, важно развивать и поддерживать инфраструктуру для ухода за пожилыми людьми. Она включает в себя создание специализированных учреждений, где пожилые люди могут получать круглосуточную медицинскую помощь и проживать в комфортных условиях. Также следует развивать программы предоставления сервисов на дому, чтобы пожилые люди могли получать необходимую помощь без необходимости посещения больниц и клиник [7].

Помимо медицинской помощи, социальная поддержка также играет важную роль в обеспечении комфортной жизни пожилых людей. Важно предоставлять им доступ к социальным услугам, таким как психологическая поддержка, деятельность в клубах и организациях для пожилых людей, а также программы поддержки занятости и волонтерства. Это поможет предотвратить социальную изоляцию и поддерживать активный образ жизни у пожилых людей [22].

В целом, решение демографического кризиса в Японии требует комплексного подхода и действий не только правительства, но и всего общества. Только путем совместных усилий, принятия соответствующих политических мер и создания благоприятной среды для рождения и воспитания детей Япония сможет преодолеть свои демографические проблемы и обеспечить устойчивое развитие на долгосрочную перспективу [19].

Кроме перечисленных мер, правительство Японии также осознает необходимость поддержки молодых семей и создания условий, способствующих совмещению карьеры и семейной жизни. Для этого можно предложить такие меры, как увеличение оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, обеспечение доступных и качественных детских садов и яслей, а также поддержка гибких рабочих графиков и возможности удаленной работы. Важно также предоставить молодым семьям финансовую поддержку в виде субсидий на жилье или на рождение и воспитание ребенка [7].

Выводы

Демографический кризис — сложная проблема, требующая комплексного подхода и долгосрочных мер. Важно, чтобы правительство, общество и граждане совместно работали над созданием условий для устойчивого развития нации.

Исходя из вышеперечисленных фактов, можно прийти к выводу, что серьезная проблема с демографией и низким коэффициентом рождаемости в Южной Корее и Японии вызвана рядом общих факторов.

Во-первых, высокие стоимость жизни и образования в Японии и Южной Корее оказывают влияние на решение молодых пар иметь детей. Расходы на детей, начиная от рождения и до получения образования, а также стоимость жилья, могут быть значительными, что ставит под вопрос финансовую стабильность семей.

Во-вторых, в обеих странах наблюдается изменение социальных ролей и ожиданий. В традиционных обществах, которыми в целом можно назвать Южную Корею и Японию, женщины часто должны выбирать между карьерой и семьей из-за отсутствия подходящих условий для совмещения работы и уходом за детьми. Это может отталкивать женщин от решения стать матерями.

Третий фактор — стареющее население. Увеличение продолжительности жизни и снижение смертности приводят к старению населения, что усиливает давление на экономику и социальные системы.

Несмотря на схожие проблемы, у Японии и Южной Кореи существуют различающиеся факторы, влияющие на их ситуацию. Например, Япония имеет более длительную историю старения населения и уже столкнулась с серьезными последствиями этого процесса. Южная Корея же находится на ранних стадиях демографического кризиса и имеет возможность учиться на примере Японии, принимая своевременные продуктивные меры.

Важным фактором, который также различается в Южной Корее и Японии, является миграционная политика. Япония в свете демографического кризиса и нехватки рабочей силы начала активнее привлекать иностранных работников, предоставляя им возможности для работы и проживания в стране. Правительству Южной Кореи же пока затруднительно принять похожие меры из-за существующей миграционной политики и традиционно менее гостеприимного отношения к иммигрантам. Однако очевидно, что для обеих стран это может стать одной из важнейших стратегий для преодоления демографического кризиса и удовлетворения потребностей рынка труда.

Столкнувшись с проблемой демографического кризиса, оба государства пытаются решить проблему похожими способами.

Во-первых, пристальное внимание уделяется социальной поддержке семей. Оба государства принимают меры для повышения рождаемости, предлагая своим гражданам различные формы материнского и отцовского отпуска, а также финансовую помощь семьям.

Во-вторых, правительства планируют повышать доступность недорогого жилья и инфраструктуры для семей с детьми. Граждане обоих государств сталкиваются с недостатком жилой площади, особенно в больших городах. Для привлечения молодых семей в малонаселенные пункты правительства собираются открыть бесплатные детские сады, а также начать выдачу субсидий на квартиры.

Демографический кризис в Южной Корее и Японии представляет собой серьезную угрозу для экономики и социальной стабильности обеих стран. Чтобы преодолеть эту проблему, необходимо принимать комплексные меры, такие как увеличение поддержки семей с детьми, стимулирование рождаемости и активное

привлечение мигрантов. Только совместные усилия правительства, общества и бизнеса могут помочь преодолеть этот кризис и обеспечить устойчивое развитие обеих стран.

Список литературы / References

1. Боярова Вероника. Низкая рождаемость негативно влияет на сферу педиатрии в Южной Корее. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/608434-nizkaya-rozhdaemost-negativno-vliyaet-na-sferu-pediatrii-v-yuzhnoj-koree> (дата обращения: 13.12.2023).

Boiarova Veronika. Nizkaia rozhdaemost negativno vliiaet na sferu pediatrii v Iuzhnoi Koree [The low birth rate is negatively affecting the field of pediatrics in South Korea]. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/608434-nizkaya-rozhdaemost-negativno-vliyaet-na-sferu-pediatrii-v-yuzhnoj-koree> (accessed: 13.12.2023). (In Russ.).

2. Ланьков А.Н. Демографические проблемы Южной Кореи. URL: <https://koryo-saram.ru/demograficheskie-problemy-yuzhnoj-korei/> (дата обращения: 13.12.2023).

Lankov A.N. Demograficheskie problemy Iuzhnoi Korei [Demographic problems in South Korea]. URL: <https://koryo-saram.ru/demograficheskie-problemy-yuzhnoj-korei/> (accessed: 13.12.2023). (In Russ.).

3. Любанова Е.В. Проблемы демографии Республики Корея // International scientific review. 2021. № LXXVIII. С. 78—80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-demografii-respubliki-koreya> (дата обращения: 14.12.2023).

Liubanova E.V. Problemy demografii Respubliki Koreia [Demographic problems in the Republic of Korea]. International scientific review. 2021, № LXXVIII. Pp. 78—80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-demografii-respubliki-koreya> (accessed: 14.12.2023). (In Russ.).

4. Мещеряков А.Н. Продолжительность жизни в Японии (XVII — первая половина XX в.) // Японские исследования. 2023. № 1. С. 46—58. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58.

Meshcheriakov A.N. Prodolzhitel'nost zhizni v Iaponii (XVII — pervaiia polovina XX v.) [Life expectancy in Japan (17th — first half of the 20th century)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese studies], 2023, no 1, pp. 46—58. (In Russ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58.

5. Рогожина Юлия. Демографическая ситуация в Японии. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=409 (дата обращения: 14.12.2023).

Rogozhina Iuliia. Demograficheskaia situatsiia v Iaponii [Demographic situation in Japan]. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=409 (accessed: 14.12.2023). (In Russ.).

6. Рождаемость в Японии снизилась до уровня позапрошлого века. URL: <https://www.bfm.ru/news/526682> (дата обращения: 15.12.2023).

Rozhdaemost v Iaponii snizilas do urovnia pozaproshlogo veka [Japan's birth rate has fallen to the level of the century before last]. URL: <https://www.bfm.ru/news/526682> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.).

7. Стрельцов Д.В. Государственная политика Японии в сфере рождаемости // Ежегодник Японии. 2007. С. 69—83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-yaponii-v-sfere-rozhdaemosti> (дата обращения: 13.12.2023).

Streltsov D.V. Gosudarstvennaia politika Iaponii v sfere rozhdaemosti [Japan's public fertility policy]. *Ezhegodnik Iaponiia* [Annual Japan], 2007, pp. 69—83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-yaponii-v-sfere-rozhdaemosti> (accessed: 13.12.2023). (In Russ.).

8. Самсонова В.Г. Демографическая ситуация в Республике Корея: вызовы и пути оптимизации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 84—92. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-84-92

Samsonova V.G. Demograficheskaia situatsiia v Respublike Koreia: vyzovy i puti optimizatsii [Demographic situation in the Republic of Korea: challenges and ways of optimization]. *Vostochnaia Azia: fakty i analitika* [East Asia: facts and analytics], 2022, no 3, pp. 84–92. (In Russ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-84-92.

9. Andrew L Oros. Asia's coming demographic divergence. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/02/18/asias-coming-demographic-divergence/> (дата обращения: 14.12.2023).

10. Emiko Jozuka, Jessie Yeung and Junko Fukutome. Japan's population fell by 800,000 last year as demographic crisis accelerates. URL: <https://edition.cnn.com/2023/07/27/asia/japan-population-drop-2022-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 13.12.2023).

11. Hayoung Choi, Minwoo Park. Having children in South Korea is so expensive that adults are choosing to pamper their pets instead. URL: <https://www.businessinsider.com/south-korea-pet-industry-children-2019-1> (дата обращения: 12.01.2024).

12. Hiroshi Minegishi. South Korea looks to foreign workers to solve demographic crisis. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Work/South-Korea-looks-to-foreign-workers-to-solve-demographic-crisis> (дата обращения: 12.01.2024).

13. Jin Yu Young. South Korea Wants More Babies, Just Not in These Places. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/16/world/asia/korea-no-kids-zones.html> (дата обращения: 12.01.2024).

14. Korean statistical information service. URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 13.12.2023).

15. Korea lunches new team on population policy amid low birthrate. URL: <https://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=353222> (дата обращения: 14.12.2023).

16. Lee Hae-rin. Korea is most expensive country to raise child: study. URL: <https://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=350152> (дата обращения: 14.12.2023).

17. Life Expectancy by Country 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/life-expectancy-by-country> (дата обращения: 12.01.2024).

18. Max Kim. One sign of South Korea's population crisis: Rural elementary schools are running out of children. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-05-08/south-korea-population-crisis-rural-schools-running-out-children> (дата обращения: 13.12.2023).

19. Shiro Armstrong. The consequences of Japan's shrinking. *Australia & Japan in the region*, 2016, vol. 4, № 5. URL: <https://crawford.anu.edu.au/distribution/newsletter/ajrc/ajrc26.html> (дата обращения: 11.01.2024).

20. Shin Su-ji. Average monthly rent in Seoul surpasses W1 million. URL: https://english.chosun.com/site/data/html_dir/2023/12/12/2023121201207.html (дата обращения: 14.12.2023).

21. South Korea's population shift: challenges and opportunities. *The Lancet Regional Health – Western Pacific*, 2023, vol. 36. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lanwpc.2023.100865>.

22. Tom Le. Japan as the Future: Demographic Crisis. URL: <https://tokyoreview.net/2023/07/japan-as-the-future-demographic-crisis/> (дата обращения: 14.12.2023).

23. Yoo, Sam Hyun, and Tomáš Sobotka. Ultra-Low Fertility in South Korea: The Role of the Tempo Effect. *Demographic Research*, 2018, vol. 38, pp. 549–576. URL: <https://www.jstor.org/stable/26457056>.

И.К. Мамыкин

Экономические интересы Китая в сфере японских технологий и электроники

Аннотация. Подавляющее большинство всех составляющих современной электроники, такие как радиодетали, компьютерные компоненты — материнские платы, видеокарты и т. п. — производятся в Китае. Почти все именитые бренды (Apple, Dell, HP и пр.), кроме южнокорейских, изготавливают свою продукцию в Китае. На территории страны в 2023 г. было выпущено 351,4 млрд интегральных микросхем, что на 6,9 % больше результата предыдущего года. Однако в рамках программы «Сделано в Китае» Пекин поставил задачу к 2025 г. обеспечивать 70 % своего внутреннего спроса — правительством страны в 2020 г. заложен бюджет в размере 155 млрд долл. на поддержку отрасли в ближайшие десять лет. В 2020 г. американские компании на фоне геополитической нестабильности и пандемии стали принимать меры по изменению цепочки поставок и перемещению своих производств из Китая в другие страны, переводя их во Вьетнам, Малайзию, Индонезию, Таиланд, Индию. Массовый процесс переноса сборочных линий за пределы Китая начался ранее, когда президент США Д. Трамп развязал с КНР торговую войну. Два года назад Министерство торговли США объявило о новых масштабных мерах экспортного контроля, которые лишат Китай передового оборудования для производства чипов и некоторых передовых полупроводниковых микросхем, изготовленных по американским технологиям, независимо от того, где эти микросхемы были произведены. Актуальными задачами становятся изучение китайского опыта обеспечения стабильности технологического развития и применение механизмов по стабилизации производства полупроводников и другой электроники. К основным выводам исследования стоит отнести следующие положения.

Первое, в качестве альтернативного источника технологий Китай все активнее сотрудничает с Японией в этой сфере для модернизации своей промышленности и повышения своей конкурентоспособности на мировом рынке. При этом Япония сокращает экспорт, прежде всего, в Китай, что осложняет процесс сотрудничества. Второе, Китай и Япония ведут совместные инвестиционные проекты. Китайские компании активно инвестируют в японскую экономику, особенно в таких отраслях, как производство, энергетика, транспорт и туризм. Это позволяет им укрепить свои позиции на мировом рынке. Также стоит упомянуть об экономическом влиянии Китая на японскую экономику через торговлю и взаимоотношения в сфере науки и технологий.

Китай и Япония сотрудничают в области разработки новых технологий, что способствует экономическому развитию обеих стран.

Ключевые слова: Китай, Япония, экономика, инвестиции, торговля, технологии, электроника.

Автор: Мамыкин Иван Константинович, младший научный сотрудник лаборатории внешнеполитической экспертизы, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0001-8076-3718. E-mail: mamykin@iccaras.ru

Для цитирования: Мамыкин И.К. Экономические интересы Китая в сфере японских технологий и электроники // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 97—104. DOI: 10.48647/ICCA.2024.90.59.010.

Мамыкин И.К.

China's economic interests in the field of Japanese technology and electronics

Abstract. The vast majority of all components of modern electronics such as radio components, computer components — motherboards, video cards, etc. — are manufactured in China. Almost all famous brands (Apple, Dell, HP, etc.), except South Korean ones, are manufactured in China. In 2023, 351.4 billion integrated circuits were produced in China, which is 6.9 % more than the result of the previous year. However, as part of the “Made in China” program, Beijing has set a goal to provide 70 % of its domestic demand by 2025 — by the country's government in 2020. A budget of \$155 billion has been set to support the industry in the next ten years. In 2020, American companies, against the background of geopolitical instability and the pandemic, began to take measures to change the supply chain and move their production from China to other countries, transferring them to Vietnam, Malaysia, Indonesia, Thailand, and India. The massive process of transferring assembly lines outside China began earlier, when U.S. President D. Trump has launched a trade war with China. Two years ago, the U.S. Department of Commerce announced large-scale new export control measures that will deprive China of advanced chip manufacturing equipment and some advanced semiconductor chips manufactured using American technology, regardless of where these chips were manufactured. The study of the Chinese experience in ensuring the stability of technological development and the use of mechanisms to stabilize the production of semiconductors and other electronics are becoming urgent tasks. The main conclusions of the study include the following provisions.

First, as an alternative source of technology, China is increasingly cooperating with Japan in this area to modernize its industry and increase its competitiveness in the global market. At the same time, Japan is reducing exports, primarily to China, which complicates the process of cooperation.

Secondly, China and Japan are conducting joint investment projects. Chinese companies are actively investing in the Japanese economy, especially in industries such as manufacturing, energy, transport and tourism. This allows them to strengthen their position in the global market. It is also worth mentioning China's economic influence on the Japanese economy through trade and relations in the field of science and technology.

China and Japan cooperate in the development of new technologies, which contributes to the economic development of both countries.

Keywords: China, Japan, Economy, investments, trade, technologies, electronics.

Author: Mamykin Ivan Konstantinovich, Junior Researcher at the Laboratory of Foreign Policy Expertise, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0001-8076-3718.
E-mail: mamykin@iccaras.ru

For citation: Mamykin I.K. China's economic interests in the field of Japanese technology and electronics. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 97–104. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.90.59.010.

Крупнейшие экономические игроки в Азиатском регионе

Япония и Китай выступают важными партнерами в АТР. Взаимный товарооборот является крупнейшим в регионе и составляет 518 млрд долл.¹ от общего товарооборота Китая за период январь—июль 2023 г. За 2022 г. доля экспорта Японии в Китай возросла до² 19,3 % (144 млрд долл.) от общего товарооборота, а доля импорта составила 21 % (188 млрд долл.). Доля Японии в китайском экспорте достигла³ 4,81 % (172 млрд долл.) от общего товарооборота, а доля импорта составила 6,79 % (184 млрд долл.). Таким образом, Китай занимает 20 % во внешней торговле Японии, а Япония — 5 % во внешней торговле Китая.

Кроме того, Китай и Япония являются ключевыми торговыми партнерами в сфере электроники и технологий для других стран региона. Так, товарооборот Китая со странами АСЕАН за 2022 г. составил⁴ 431 млрд долл., а товарооборот Японии составил 135 млрд долл., то есть Китай и Япония занимают 29 % и 9 % соответственно во внешней торговле стран АСЕАН.

Если говорить о финансовых капиталовложениях, то сумма инвестиций Китая в страны АСЕАН за 2022 г. составила 13 млрд долл., а сумма инвестиций Японии составила 11 млрд долл., т. е. Китай и Япония занимают 3 и 4 места среди стран-инвесторов в АСЕАН.

Таким образом, Япония, являясь второй экономикой региона, также остается и экономическим конкурентом Китая в борьбе за ресурсы и рынки сбыта соседних стран. Гипотеза исследования заключается в том, что двусторонние взаимоотношения между Пекином и Токио имеют ключевое значение для мирного сосуществования и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии (СВА).

Роль электроники и технологий в экономике Китая

Официальной программой КНР в области современных IT- и электронных технологий, принятой в 2015 г. и рассчитанной на 13-ю (2016—2020 гг.) и 14-ю (2021—2025) «пятилетки», является «Сделано в Китае — 2025»⁵. Данная программа преследует несколько целей: снизить зависимость Китая от иностранных технологий и продвинуть китайских производителей на мировые рынки за счет рас-

¹ Китай опубликовал внешнеторговую статистику за январь—июль URL: <https://lprime.ru/macroeconomics/20230808/841327575.html> (дата обращения: 25.12.2023).

² Таблица экспорта из Китая в Японию за 2022 г. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Japan> (дата обращения: 25.12.2023).

³ Таблица экспорта из Японии в Китай за 2022 год. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/China> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Asean statistical yearbook 2022 [Статистический ежегодник АСЕАН за 2022 г.] URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/04/ASYB_2022_423.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Броников Е. Потенциал КНР в области современных IT- и электронных технологий. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/potential-knr-v-oblasti-si-sovremennykh-it-i-elektronnykh-tekhnologiy/> (дата обращения: 02.01.2024).

ширения линеек своих товаров, усилить конкурентоспособность как по ценам, так и по качеству в сравнении с основными «соперниками» из Европы, Японии, Южной Кореи и Северной Америки.

Важно отметить и стремительный рост числа зарегистрированных в КНР патентов, что говорит о значительном потенциале научно-технологического развития этой страны, особенно в сфере электроники.

Причины интереса Китая к японским технологиям

Существует несколько причин экономического интереса Китая к Японии.

В 2020 г. Соединенные Штаты запретили Taiwan Semiconductor Manufacturing Company поставлять чипы Huawei¹. Затем под американскими санкциями оказался крупный китайский производитель микрочипов Semiconductor Manufacturing International Corporation — инвесторы США больше не могли торговать его ценными бумагами. Соответственно, Пекин оказался в ситуации, когда ему необходимо искать альтернативных поставщиков чипов для своих производств в тех государствах, которые имеют достаточную технологическую базу для производства такой электроники, а также смогут взять на себя риск быть подверженным санкциям со стороны запада.

Также в 2022 г. из России ушло большое количество западных компаний, закрыв также и производства, в связи с чем образовался вакуум в сфере автопрома, технологий и пр. Заполнить пустое место, а также открыть новые производства выпала роль Китаю. Так, например, экспорт легковых автомобилей из Китая в Россию в 1 полугодии 2023 г. составил 4,6 млрд долл., что на 543 % превышает аналогичный показатель прошлого года². Это привело к тому, что по итогам 2023 г. Китай стал крупнейшим экспортером автомобилей в мире, обогнав Японию³. Для того чтобы объемы экспорта не спадали, Китаю необходимы ресурсы для производства машин и другой электроники, потому как в современных автомобилях без чипов, микросхем и материнских план не обойтись, если также учесть, что большая часть экспортируемого авто оснащены электродвигателями.

Япония является одной из лидирующих стран в мире по развитию передовых технологий, особенно в области автомобилестроения, электроники и робототехники. Китай стремится к этой передовой технологической базе, чтобы модернизировать свою промышленность и повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке. За 2022 г. Китай импортировал из Японии электронику на 50 млрд долл.⁴ Это самая крупная статья импорта из Японии, затем с небольшим отрывом идет

---

¹ Фабрики TSMC отказались принимать заказы от Huawei из-за новых санкций США. URL: <https://habr.com/ru/news/502566/> (дата обращения: 11.01.2024).

² Поставки китайских легковых автомобилей в Россию подскочили на 543 %. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/07/2023/64bea50a9a7947b616edb452> (дата обращения: 12.01.2024).

³ China Becomes the World's Biggest Auto Exporter—With Help From Russia [Китай стал крупнейшим в мире автоэкспортером — с помощью России]. URL: https://www.wsj.com/world/china/china-vehicle-sales-rise-further-boosted-by-stimulus-policies-sales-promotions-3452cca1?mod=hp_lead_pos1 (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Таблица экспорта из Японии в Китай за 2022 год. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/China> (дата обращения: 25.12.2023).

оборудование, ядерные реакторы и котлы. Это показывает, насколько Китаю важен доступ к электронике и технологиям ее производства в Японии.

Инвестиции

Китай активно инвестирует в японскую экономику, вкладывая средства в различные отрасли, такие как автомобильная промышленность, электроника, туризм, инфраструктура и другие. Например, китайские компании приобретают акции японских предприятий, а также участвуют в совместных инвестиционных проектах. Такие компании как Toshiba, Toyota, Nissan, Honda, Mitsubishi, Mazda, Hino и Daihatsu имеют не только производство на территории Поднебесной, но и китайский капитал.

Взаимные инвестиции между двумя странами выросли за последние годы. Так, в 2022 г. Китай экспортировал электронику в Японию на 20 млрд долл. Китай активно развивает экономическое сотрудничество через прямые инвестиции, в прошлом году Япония инвестировала 9 млрд долл. в китайскую экономику, создавая совместные предприятия и развивая местные производственные мощности. Это способствует созданию рабочих мест, технологическому развитию и укрепляет экономическую связь между странами. По данным МИД Японии, в октябре 2022 г. в Китае было зафиксировано 31 тыс. японских компаний и производств. Крупнейшими из них являются 7-Eleven, Family Mart, Isetan, Mitsukoshi, Takashimaya и Uniqlo.

Организации, содействующие расширению инвестиционного сотрудничества Японии и Китая

Если говорить об организациях, содействующих расширению инвестиционного сотрудничества Японии и Китая, то значительное влияние на развитие двусторонних отношений между Японией и Китаем оказывают международные организации, полноправными членами которых эти государства являются. К таким организациям относятся ВТО, ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), МТП (Международная Торговая Палата), ВОИС (Всемирная организация по охране интеллектуальной собственности), МБРР, МВФ и некоторые другие.

Деятельность инвесторов в Китае регулируется такими основными законодательными актами, как Закон КНР «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом», Закон КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» и другими. При этом необходимо отметить, что со времени вступления Китая в ВТО, в стране проводится активное изменение законодательной системы в области привлечения инвестиций в страну, защиты прав инвесторов в соответствии с требованиями ВТО. К таким положительным изменениям можно отнести: открытие доступа для зарубежных инвестиций в такие отрасли, как телекоммуникации, городское газоснабжение, водоснабжение, зарубежные инвестиции, которые ранее были полностью запрещены; отмена положения, обязывающего иностранные предприятия отдавать приоритет китайскому сырью при производ-

стве готовой продукции; расширены возможности для иностранных предпринимателей в оптовой торговле; развитие инвестиционных зон, предоставляющих значительные налоговые льготы.

К структурам Японии, способствующим развитию инвестиционных отношений с другими странами, в том числе с Китаем, относятся Министерство финансов Японии, ДЖЕТРО (Организация содействия развитию внешней торговли Японии), Японское международное кооперативное агентство (ДЖИКА), Японское коммерческое объединение «Ниппон Кэйданрэн» и другие.

В настоящее время учреждено несколько представительств ДЖЕТРО в Китае, в городах Пекин, Шанхай, Далянь и Гуанчжоу. Выделяются следующие основные направления деятельности ДЖЕТРО в Китае:

- ДЖЕТРО продолжает всесторонне поддерживать усилия японских компаний, в особенности малых и средних предприятий, стремящихся к расширению своей коммерческой деятельности в Китае. Представительства ДЖЕТРО также оказывают широкую поддержку японским фирмам, консультируя их по вопросам, касающимся местных правовых актов, налогообложения, интеллектуальной собственности и других;

- ДЖЕТРО вместе с другими организациями и ассоциациями каждую осень в Осаке проводит японо-китайские экономические конференции, собирая вместе ведущих предпринимателей Японии и Китая. В Конференции 2022 г. приняли участие представители более 400 японских и 270 китайских компаний;

- Институт развивающихся экономик ДЖЕТРО и исследовательские институты Китая продолжают сотрудничать в проведении совместных исследований, распространяя полученную в результате исследований информацию среди делового сообщества и Правительств двух стран с целью помочь развитию взаимовыгодного сотрудничества между Японией и Китаем.

В развитии экономических отношений Японии и Китая принимают участие различные организации и структуры. Среди международных организаций ключевое место принадлежит ВТО, членами которой являются оба государства.

Вступление Китая во Всемирную торговую организацию — фактор значительного повышения интереса транснациональных корпораций к долгосрочному инвестированию в Китай. Это обусловлено следующими причинами:

- во-первых, вступление в ВТО приводит к радикальному изменению инвестиционной среды в целом для зарубежных инвесторов. Китай, соблюдая принципы ВТО и выполняя соответствующие соглашения, перестраивает нормативно-законодательную базу, регулиующую вопросы международных отношений и обеспечивающую систему защиты собственности иностранных инвесторов в Китае;

- во-вторых, вступление Китая в ВТО расширяет сферу деятельности ТНК. Разрешение транснациональным корпорациям осуществлять капиталовложения в китайскую экономику в форме слияния и поглощения — одной из самых распространенных форм инвестирования в мире — позволяет им более широко масштабировать капитал в китайскую экономику. Открытие для прямых иностранных инвестиций таких сфер, как банковское дело, страхование, электронные коммуникации, фондовый рынок, туризм и др., создают более обширное пространство для инвестирования ТНК.

Инвестиции ТНК сосредоточены, главным образом, в капиталоемких и наукоемких отраслях — микроэлектроника, автомобилестроение, телекоммуникации, приборостроение, фармацевтика, химическая промышленность. Инвестиции пятисот крупнейших ТНК в такие отрасли, как электроника, телекоммуникация, транспорт и связь, химические материалы и продукты составляют более половины от общей суммы инвестиций в Китае.

Росту экономического взаимодействия между странами способствует деятельность таких совместных структур, как Японо-китайская экономическая организация и Японо-китайская организация развития и инвестиционного сотрудничества. При этом немаловажная роль принадлежит также правительственным и неправительственным организациям Японии и Китая, среди которых есть Всемирный форум китайских предпринимателей, Японское коммерческое объединение «Ниппон Кэйданрэн» и другие.

Заключение

В качестве заключения отметим, что отношения между Китаем и Японией на современном этапе осложняются напряженностью, связанной с территориальными спорами, с размещением военного контингента США на территории Японии, что вызывает озабоченность и беспокойство со стороны Китая. Но несмотря на это, Китай все равно стремится выстроить взаимовыгодное и конструктивное сотрудничество с Японией в области политики, экономики и военной отрасли, поскольку это соответствует его внешнеполитическим интересам.

Политический и экономический диалог между Китаем и Японией на современном этапе сочетает в себе элементы сотрудничества и напряженности.

Несмотря на политические интересы, Китай все равно ставит безопасность своих граждан на первое место. В подтверждение этому достаточно вспомнить пример про сброс воды с «Фукусимы» и последовавшие санкции Китая.

Несмотря на напряженность, отношения продолжают развиваться. Следует ожидать, что военные учения двух стран продолжатся и в ближайшем будущем, пока не будет решен вопрос безопасности обеих стран.

Объемы экономики Китая значительны. ВВП Китая за 2023 г. составил 126,058 трлн юаней (17,698 трлн долл.), рост в годовом выражении — 5,2 %¹. Интересы у Китая есть, политическая воля и возможности тоже, а вот Япония является сателлитом США (без собственной внешней и военной политики), поэтому отношения Китай-Япония важны для развития региона СВА в экономическом плане, но в геополитическом контексте необходимо учитывать позицию США, в русле которой вынуждена действовать Япония.

Экономические интересы:

- 1) обеспечение доступа к японской электронике;
- 2) обеспечение доступа к японской технологической базе.

---

¹ National Economy Witnessed Momentum of Recovery with Solid Progress in High-quality Development in 2023 [Национальное статистическое бюро Китая]. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202401/t20240117_1946605.html (дата обращения: 20.01.2024).

Эти интересы являются для Китая ключевыми, поскольку его внутренняя промышленность зависит от современных технологий. Исторические, культурные, политические и военные факторы влияют на то, какие механизмы Китай будет использовать для того, чтобы достичь вышеуказанных целей.

Механизмы реализации:

- 1) инвестиции — важнейший инструмент достижения собственных экономических и технологических задач;
- 2) организации и структуры, содействующие сотрудничеству, также являются важным механизмом для обеспечения поставленных целей в области экономики.

Таким образом, Китай, несмотря на противоречивость и сложную историю отношений с Японией, ищет и находит пути по взаимовыгодному двустороннему сотрудничеству в области технологий и электроники.

Список литературы / References

1. Ито К. Экономическое сотрудничество Китая и Японии: особенности и направления развития // *Международная экономика*. 2018. № 12(2). С. 77—89.

Ito K. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Kitaja i Japonii: osobennosti i napravlenija razvitiya. [Economic cooperation between China and Japan: features and directions of developmen]. *Mezhdunarodnaja jekonomika [Society and the State in China]*, 2018, no. 12(2), pp. 77—89. (In Russ.).

2. Ли Чжао. Экономические интересы Китая в Японии: вызовы и возможности // *Международные отношения в Азии*. 2017. № 5(2). С. 189—206.

Li Chzhao. Jekonomicheskie interesy Kitaja v Japonii: vyzovy i vozmozhnosti. [China's Economic Interests in Japan: Challenges and opportunities]. *Mezhdunarodnye otnoshenija v Azii [International relations in Asia]*, 2017, no. 5(2), pp. 189—206. (In Russ.).

3. Синица А. Инвестиции Китая в Японию: тенденции и перспективы // *Азиатские исследования*. 2019. № 7(4). С. 371—387.

Sinica A. Investicii Kitaja v Japoniju: tendencii i perspektivy [China's investments in Japan: Trends and prospects]. *Aziatskie issledovanija [Asian Studies]*, 2019, no. 7(4), pp. 371—387. (In Russ.).

4. Устинова Т.Н. Япония и Китай: особенности отношений на современном этапе // *Институт востоковедения РАН*. 2022. № 5. С. 131—139.

Ustinova T.N. Japonija i Kitaj: osobennosti otnoshenij na sovremennom jetape. [Japan and China: peculiarities of relations at the present stage]. *Institut vostokovedenija RAN [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]*, 2022, no. 5, pp. 131—139. (In Russ.).

5. Ху Л. Экономические интересы Китая в японском автомобильном секторе: анализ воздействия на индустрию // *Журнал международной экономики*. 2020. № 10(2). С. 77—92.

Hu L. Ekonomicheskie interesy Kitaja v japonskom avtomobil'nom sektore: analiz vozdejstvija na industriju. [China's economic interests in the Japanese automotive sector: an analysis of the impact on the industry]. *Zhurnal mezhdunarodnoj jekonomiki [Journal of International Economics]*, 2020, no. 10(2), pp. 77—92. (In Russ.).

6. Цай М. Торгово-экономические интересы Китая и Японии: динамика и перспективы // *Востоковедение*. 2020. № 8(1). С. 45—59.

Caj M. Torgovo-jekonomicheskie interesy Kitaja i Japonii: dinamika i perspektivy. [Trade and economic interests of China and Japan: dynamics and prospects]. *Vostokovedenie [Oriental studies]*, 2020, no. 8(1), pp. 45—59. (In Russ.).

А.А. Ильинский

Индийско-китайский территориальный спор: история, современность и перспективы

Аннотация. В статье автор рассматривает историческую подоплеку современного индийско-китайского противостояния, акцентируя внимание на территориальном споре двух стран и его исторических причинах. Кроме того, анализируются современные реалии индийско-китайских отношений через призму территориального спора. Автор приходит к выводу о том, что территории, за которые ведется спор, не представляют реальной ценности ни для одной из сторон. Конфликт существует исключительно по исторически сложившимся причинам. Тем не менее именно территориальный спор лежит в корне общего индийско-китайского противостояния по сей день. Последние тенденции свидетельствуют о том, что в ближайшее время этот вопрос вряд ли будет урегулирован дипломатическим путем.

Ключевые слова: Индия, Китай, индийско-китайский приграничный конфликт, Аксайчин, Аруначал-Прадеш, Сикким.

Автор: *Ильинский Андрей Алексеевич*, студент МГИМО МИД России. E-mail: ilinsky.andrey2409@gmail.com

Для цитирования: Ильинский А.А. Индийско-китайский территориальный спор: история, современность и перспективы // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 105—117. DOI: 10.48647/ICCA.2024.91.25.011.

Ilinsky A.A.

The Indian-Chinese Territorial Dispute: history, modernity and prospects

Abstract. In the article, the author examines the historical background of the modern Indian-Chinese confrontation, focusing on the territorial dispute between the two countries and its historical causes. In addition, the article analyzes the current realities of Indian-Chinese relations through the prism of the territorial dispute. The author comes to the conclusion that the territories under dispute do not represent real value for any of the parties. The conflict exists solely for historical reasons. Nevertheless, it is the territorial dispute that lies at the root of the general Indian-Chinese confrontation to

this day. Recent trends indicate that this issue is unlikely to be resolved diplomatically in the near future.

Keywords: India, China, Indian-Chinese border conflict, Aksaychin, Arunachal Pradesh, Sikkim.

Author: *Andrey Alekseevich Ilyinsky*, a student at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: ilinsky.andrey2409@gmail.com

For citation: Ilyinsky A.A. The Indian-Chinese Territorial Dispute: history, modernity and prospects. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 105—117. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.91.25.011.

Введение

В настоящее время Индия и Китай являются крупнейшими в экономическом и политическом плане государствами Азии. Обе страны по праву можно именовать великими современными державами. В этом смысле примечательно, что между Пекином и Нью-Дели существует один из самых острых территориальных конфликтов в мире. Периодически он выливается в достаточно масштабные и кровопролитные приграничные противостояния. Так, в 1962 г. противостояние вылилось в пограничную войну. Ситуация обострялась не раз, в частности в 2020 г. в Ладакхе, случилось несколько стычек между китайскими и индийскими военными [16].

Настоящая статья направлена на рассмотрение исторического подтекста этого противостояния и его влияния на современное состояние конфликта.

Индийско-китайская граница, де-факто существующая на данный момент (значительная ее часть де-юре так и не урегулирована), она же линия фактического контроля (ЛФК), была установлена после приграничного конфликта 1962 г. и с этого момента практически не менялась. ЛФК делится на три сектора: западный, центральный и восточный.

Западный находится на стыке границ Индии, Пакистана и Китая. Спор между Китаем и Индией здесь идет за регион Аксайчин, который Нью-Дели считает частью союзной территории Ладакх, а Пекин — частью Синьцзян-Уйгурского автономного округа. После приграничного конфликта 1962 г. Аксайчин фактически находится под контролем Китая, однако Индия продолжает претендовать на него.

Центральный сектор находится к югу от индийских союзных территорий Джамму и Кашмир. Здесь китайский Тибет граничит с индийскими штатами Химачал-Прадеш и Уттаркханд, на части которых Китай также претендует. Однако оспариваемая территория в центральном секторе незначительна.

Наконец, восточный сектор отделен от западного и центрального территориий Непала и Бутана. Здесь Китай претендует на весь индийский штат Аруначал-Прадеш, простирающийся от индо-бутанской до индо-мьянманской границы и занимающий примерно 90 000 км².

Кроме того, между Индией и Китаем в 1967, 1975 и 2017 гг. происходили стычки в районе современного индийского штата Сикким. Причинами кон-

фликтов служили неопределенность границы между Китаем и Сиккимом, который до 1975 г. был отдельным от Индии государством. Кроме того, Сикким граничит с территорией, на которую претендуют Бутан и Китай. Между этими государствами нет дипломатических отношений, во внешней политике с КНР Бутан представляет Индия, что делает территориальный спор Бутана и Китая и индийской проблемой. Это, в частности, привело к инциденту на спорном плато Доклам в 2017 г. [11]. Однако с начала 2000-х гг. Китай фактически признает Сикким индийской территорией, поэтому сейчас его нельзя назвать «яблоком раздора» [8].

Западный сектор

Как уже было упомянуто, в западном секторе территориальный спор ведется за сравнительно небольшой (около 38 000 км²) регион Аксайчин. Это высокогорное плато, на котором нет ни пригодных для возделывания земель, ни поселений. В регионе даже нет постоянного населения — лишь периодически через его территорию проходят кочевые племена [21].

Вопрос о границе между Китаем и Индией в этом регионе впервые был поднят в середине XIX века. До этого из-за безжизненности региона и низкого уровня развития государств, находящихся в нем, вопрос о четкой границе остро не стоял: как правило, использовались естественные рубежи: реки и горы [16].

В 1846 г., после Первой англо-сикхской войны территория современного индийского штата Джамму и Кашмир отошла Британской Ост-Индской компании. Британцы посчитали нужным официально разграничить свои владения в Индии и китайские земли, поэтому в 1865 г. британским государственным служащим Уильямом Джонсоном была предложена граница, по которой вся территория Аксайчина оставалась под контролем Британской Индии (на тот момент Ост-Индская компания уже была присоединена к Британии напрямую после восстания сипаев 1848—1849 гг.). Эта граница была предложена Джонсоном в период дунганского восстания в юго-западном Китае. Из-за восстания Империя Цин фактически не контролировала территорию современного Синцзян-Уйгурского автономного округа, поэтому линия Джонсона была установлена британцами в одностороннем порядке. Это, однако, устраивало Китай, который не видел ценности этого региона для себя, в отличие от Британии, для которой весь Средний Восток имел стратегическую важность в рамках Большой игры с Россией. В 1897 г. британский офицер Джон Ардаг поддержал установление британского суверенитета над всем Аксайчином, т. е. проведение границы по линии Джонсона. Ардаг считал, что британцам необходимо максимально продвинуться на Среднем Востоке, чтобы не дать расшириться России. Он модифицировал предложенный Джонсоном рубеж, установив его в горах Куньлунь, таким образом сделав его более удобным для обороны. Данная граница получила название линии Джонсона-Ардага. Официального соглашения между Британией и Китаем по поводу ее установления не было, однако она фактически устраивала обе стороны [16].

В рамках Большой игры в британской политике на Среднем Востоке существовала и противоположная позиция: отступить в Аксайчине, передав часть территорий Империи Цин для того, чтобы улучшить с ней отношения и заручиться поддержкой Китая в противостоянии с Россией. В то же время передача части территории Китаю позволила бы Британии создать более удобную для обороны границу. Британский генеральный консул в Кашгаре Джордж Макартни разработал проект новой линии разграничения. Он предполагал передачу части Аксайчина Китаю и установление границы по горной цепи Каракорум, которая являлась выгодным оборонительным рубежом. В 1899 г. посол Британии в Пекине Клод Макдональд передал цинскому правительству проект новой границы, получившей название линии Макартни-Макдональда. Китайское правительство не дало официального ответа, поэтому новая граница была вновь установлена британцами в одностороннем порядке, но с тем отличием, что теперь территория передавалась Китаю, а не Британии [16].

С 1899 по 1947 г. британцы без консультаций с китайской (с 1912 г. — тибетской) стороной, но и без ее сопротивления несколько раз устанавливали границу то по линии Джонсона-Ардага, то по линии Макартни-Макдональда [16].

В начале 1950-х гг. отношения между недавно получившей независимость Индией и новообразованной КНР были достаточно теплыми. Играло роль чувство солидарности двух великих азиатских цивилизаций, недавно сбросивших ярмо колониализма, но пока не воспринимаемых остальным миром как великие державы. Индия стала первой некоммунистической страной, признавшей КНР, а также поддержала запрос Китайской народной республики о признании со стороны ООН. В 1950-е гг. в Индии получил распространение лозунг «Хинди чини — бхай бхай» («индийцы и китайцы — братья») [17].

Из-за теплоты отношений с Китаем премьер-министр Индии Джавахарлал Неру спокойно отнесся к присоединению Тибета КНР в 1950 г. В 1954 г. было подписано индийско-китайское соглашение, получившее название «пять принципов мирного сосуществования», по которому Индия официально признавала Тибет частью Китая [9].

Однако именно присоединение Тибета и появление общих рубежей у двух азиатских стран в Ладакхе вновь обострило вопрос об индийско-китайской границе в Аксайчине. В 1958 г. в Китае было опубликовано несколько карт, на которых граница была проведена по линии Макартни-Макдональда, в то время как Нью-Дели считал своей всю территорию Аксайчина, признавая только линию Джонсона-Ардага. Ухудшению отношений способствовало и тибетское восстание против китайцев в 1959 г. Индия, чувствующая духовную и культурную близость с Тибетом, приняла беженцев из региона, в том числе Далай-ламу [17].

В 1959 г. произошло несколько столкновений между индийскими и китайскими пограничниками. Несмотря на обострение отношений, руководство КНР предприняло попытки договориться с индийской стороной. Глава Госсовета КНР Чжоу Эньлай предложил Неру следующее: Индия уступает Аксайчин Китаю, а КНР взамен отказывается от претензий в восточном секторе (современный штат Аруначал-Прадеш). Однако соглашение было отвергнуто индийской

стороной, после чего оставался только военный метод разрешения территориального спора.

Аксайчин на тот момент фактически не контролировался ни одной стороной; в регионе не было ни индийских, ни китайских войск, однако и Нью-Дели, и Пекин претендовали на эту территорию. После ухудшения отношений, в июне 1962 г. Индия провозгласила «передовую политику» («forward policy»), вводя войска в спорные территории как в восточном, так и в западном секторе, а также создав оборонительные пограничные пункты [12].

В октябре 1962 г. началась приграничная война между Китаем и Индией. В западном секторе китайские войска почти беспрепятственно отбросили индийцев с территорий, занятых ими в ходе осуществления «передовой политики», и установили линию фактического контроля, по которой весь Аксайчин контролировался Китаем. После этого Китай в одностороннем порядке объявил о перемирии [20]. Продолжение конфликта не было выгодно ни Пекину, который испытывал на себе давление международного сообщества, в том числе СССР, который осторожно, но явно поддержал Индию, ни Нью-Дели, который фактически не имел военных ресурсов для противостояния Китаю [17].

С того момента на границе происходили пограничные стычки, к примеру, в 1967 г. или в 1975 г. Последнее крупное столкновение произошло в 2020 г., однако их исход был одинаковым: индийские войска несли большие потери, чем китайские и были вынуждены отступить. Таким образом, Аксайчин остается под фактическим контролем Китая, однако Нью-Дели не отказывается от претензий на регион.

После приграничного конфликта 2020 г. в Аксайчине обе стороны взяли курс на снижение накала. И Китай, и Индия отвели войска на 1,5 км от линии текущего контроля, таким образом создав буферную зону. В октябре 2023 г. Нью-Дели и Пекин договорились продолжать переговоры по границе в Ладакхе и избегать военных столкновений. Тем не менее ни одна сторона не отказалась от своих претензий, поэтому вероятность новых конфликтов в регионе высока [17].

Анализ исторической подоплеки китайско-индийского приграничного конфликта в западном секторе позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, этот конфликт не имеет национального подтекста. В Аксайчине нет и не было постоянного населения, поэтому определить этническую принадлежность региона невозможно. Кроме того, вопрос о границе между Индией и Китаем в Аксайчине был поднят британцами в XIX веке, до этого между жителями Индии и китайцами не было конфликта по поводу этой территории. Более того, британская колониальная администрация фактически действовала в одностороннем порядке, определяя границу с империей Цин, а затем с независимым Тибетом. Таким образом, ни индийцы, ни китайцы не были вовлечены в разграничение, оно проводилось британцами. Именно ими была создана проблема с границей в регионе, однако после получения независимости Индией и образования КНР уже этим двум странам приходилось ее решать. Во-вторых, этот конфликт достаточно парадоксален и в какой-то степени даже абсурден. Дело в том, в XX и XXI вв. Индия и Китай вели и ведут территориальный спор на основе линий разграничения (Джонса-Ардага и Макартни-Макдональда), созданных британцами в XIX веке в

рамках Большой игры с Россией. Эти рубежи были актуальны в то время в ходе противостояния России и Британии на Среднем Востоке как удобные оборонительные позиции, однако в современной геополитической обстановке они не имеют никакого значения. Однако Индией и Китаем они продолжают использоваться в риторике, посвященной современным геополитическим реалиям. Наконец, сам Аксайчин не представляет ценности ни для Индии, ни для Китая. Как уже было упомянуто, регион сравнительно небольшой, на данный момент не имеет большого геополитического значения, в нем нет постоянного населения и природных ресурсов. Противостояние двух азиатских гигантов за него идет исключительно в парадигме политического престижа.

Восточный сектор

Как уже было упомянуто, в восточном секторе (от индо-китайско-бутанской до индо-китайско-мьянманской границы) КНР претендует на большую, чем Аксайчин (около 90 000 км²), индийскую территорию, которая в 1975 г. была преобразована в штат Аруначал-Прадеш [2]. По сравнению с Аксайчином данная спорная территория представляет большую ценность. Во-первых, ее площадь более чем в два раза превосходит площадь спорного региона в западном секторе. Во-вторых, в штате по крайней мере есть постоянное население (больше полутора миллионов человек). В-третьих, за счет того, что через штат протекает река Брахмапутра, а также ее притоки, эти земли достаточно плодородны, особенно по сравнению с Аксайчином. В-четвертых, регион важен в геополитическом плане, так как находится на стыке границ с другими государствами: Бутаном и Мьянмой. Однако в целом для Китая и Индии она все равно представляет мало реальной ценности [20].

Современный штат Аруначал-Прадеш является частью региона Ассам на северо-востоке Индии (на данный момент существует и индийский штат с таким названием, однако он включает в себя лишь часть всего региона; далее название «Ассам» будет использоваться в широком смысле). Ассам отошел Британской Ост-Индской компании по результатам англо-бирманской войны 1824—1826 гг. В 1913—1914 гг. в Симле была проведена трехсторонняя конференция между представителями Британии, Тибета и Китая. Основным ее вопросом было урегулирование статуса Тибета. Британский представитель Генри МакМагон предложил разделение региона на внутренний, который находился бы в сфере влияния Китая, и внешний, который стал бы буфером между Китаем и Британской Индией. МакМагон предложил границу между внешним Тибетом и Ассамом. Этот рубеж получил название линии МакМагона, фактически он совпадал с границей, уже установившейся между Британской Индией и Тибетом на тот момент, и лишь констатировал сложившееся положение дел. Китайская и тибетская делегации приняли линию МакМагона. Однако и правительство Китайской республики, и КНР имеют причины не признавать данное соглашение. Во-первых, несмотря на то, что китайская делегация в Симле приняла британское предложение, в Пекине оно было отвергнуто и официальная договоренность между

Китаем и Британией не была заключена. Во-вторых, китайская сторона утверждает, что Тибет на момент заключения договора был де-юре вассалом Китая и не имел права принимать участие в конференции [16].

Как и в случае с Аксайчином, конфликт по поводу восточного сектора между независимой Индией и КНР начался после тибетского восстания. Заявив о неправомерности линии МакМагона, руководство КНР выдвинуло свою версию границы, по которой территория современного Аруначал-Прадеша являлась частью Китая. На востоке летом 1962 г. Индия так же, как на западе, проводила «передовую политику», вводя войска в спорный регион. В ходе приграничной войны 1962 г. китайские войска отбросили индийцев и заняли значительную часть территории современного Аруначал-Прадеша. Однако, так как китайское руководство по вышеупомянутым причинам не желало продолжать и усугублять конфликт, китайские войска были выведены с этой территории. На данный момент спорная территория в восточном секторе контролируется Индией [16].

В целом, конфликт в восточном секторе имеет те же черты, что и в западном. Его предпосылки были созданы не индийской и не китайской, а британской стороной после создания линии МакМагона. Как и на западе, конфликт возник только после исчезновения буфера между КНР и Индией в виде Тибета. Отличие заключается в том, что Аруначал-Прадеш, в отличие от Аксайчина, представляет интерес с точки зрения населения, природных ресурсов и геополитического положения. Тем не менее даже в восточном секторе конфликт скорее находится в парадигме политического престижа. Даже будучи более ценной территорией, чем Аксайчин, Аруначал-Прадеш все равно не является особо важным для Китая или Индии регионом.

Конфликты после 1962 г.

Неразрешенность территориального спора после конфликта 1962 г. привела к новым столкновениям, самые крупные имели место в 1967, 1975, 2017, 2020, 2022 гг.

Конфликты 1967 и 1975 гг. произошли на границе современного индийского штата Сикким и китайского Тибета. Их причина — немаркированная граница. Сикким вплоть до 1975 г. был независимым государством, хоть и находился под британским, а затем индийским протекторатом. Между Сиккимом и Китаем не существовало договоров о границе; вместо нее существовали исторически и географически сложившиеся рубежи — в основном горные перевалы. Обострение индийско-китайских отношений после 1962 г. побудило Китай поставить под сомнение эти рубежи. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) начала переходить их и возводить военную инфраструктуру на спорных территориях. В 1967 г. это привело к конфликту с человеческими жертвами, в результате которого Индии удалось отстоять территории своего протектората. В 1975 г., примерно через полгода после присоединения Сиккима к Индии конфликт повторился по такому же сценарию [15].

Конфликт 2017 г. произошел на плато Доклам. Спор за эту территорию ведется между Китаем и Бутаном, однако так как эти две страны не имеют дипломатических связей и в диалоге с КНР Бутан представляет Индия, спор перерос в индийско-китайский конфликт. Доклам имеет стратегическое значение для Индии и потому, что контроль над ним позволит Китаю отслеживать передвижение индийских войск в коридоре Силигури, а также простреливать этот участок в случае военных действий. Силигури — индийская территория между Непалом и Бангладеш, которая соединяет основную территорию Индии с ее северо-восточными штатами [19]. После того, как в первых числах июня китайские инженеры начали строить дорогу через плато, Бутан обратился за помощью к Индии. Индийские солдаты без использования оружия вытеснили китайских инженеров и разрушили дорогу. В итоге, в сентябре 2017 г. индийский и китайский МИД договорились об отводе войск от спорной территории [19].

Конфликты 2020 и 2022 гг. произошли в Аксайчине и Аруначал-Прадеше соответственно и являются скорее случайными приграничными столкновениями индийских и китайских солдат, нежели запланированными операциями. Тем не менее косвенной причиной конфликтов является милитаризация границ с обеих сторон. С одной стороны, это ввод все большего числа военнослужащих в спорные регионы, с другой — расширение военной инфраструктуры. Все это увеличивает риск подобных конфликтов.

Итак, конфликты происходят в самых разных участках ЛФК, причем с разной интенсивностью. Иногда они ограничиваются стычками без применения оружия, как в Докламе в 2017 г., порой доходят до людских жертв, как в 2020 г. Кроме того, нельзя однозначно назвать какую-либо из сторон главным провокатором или агрессором во всех стычках, в ряде случаев на эту роль больше подходит Индия, иногда — Китай. Это заставляет обе стороны постоянно быть начеку, испытывать взаимное недоверие и готовиться к новым конфликтам путем милитаризации границ.

Милитаризация приграничных районов

С 2017 г., после конфликта на Докламе, Китай активно расширяет инфраструктурную сеть в Тибете и в Аксайчине в частности. Эта сеть имеет двойственный, военно-гражданский характер. С одной стороны, в Аксайчине строятся зажиточные деревни-сяокан, куда переселяются граждане, живущие в глубине Тибета [19]. Таким образом Китай решает ранее упомянутую проблему, не позволяющую определить принадлежность Аксайчина — отсутствие населения в регионе. Наличие на территории, на которую претендует Индия, большого числа китайских граждан укрепляет права КНР на территорию. С другой стороны, Китай расширяет и военную инфраструктуру в спорном регионе. С 2017 г. число китайских авиабаз, вертолетных площадок и объектов ПВО в Аксайчине увеличилось вдвое [19]. К 2035 г. должна быть построена крупная автомагистраль G695, которая соединит Синцзян-Уйгурский автономный район и Тибет. Стоит отметить и то, что Китай совмещает военные и гражданские силы. В 2021 г. в КНР был принят «Закон о сухопутных границах», согласно которому китайское пра-

вительство должно способствовать координации между военной и гражданской инфраструктурой приграничных районов, что и претворяется в жизнь по сей день [1]. К примеру, тибетские пастухи нанимаются НОАК для осуществления патрулирования. Жители новопостроенных деревень также активно вербуются в силовые структуры [19].

Практически зеркальные действия предпринимаются индийской стороной: одновременно развивается гражданская и военная инфраструктура. В восточном секторе строится параллельное линии МакМагона автомобильное шоссе, а также создается инфраструктурная сеть «Коридор Восток-Запад», включающая в себя еще одно шоссе, которое протягивается по всей длине штата Аруначал-Прадеш, а также множество мостов, тоннелей и авиабаз. Индийское правительство запустило «Программу динамичных деревень», фактически аналогичную вышеописанной китайской программе. В то же время Индия стягивает все больше войск в приграничные секторы. Только в 2021 г. Нью-Дели направил к линии фактического контроля около 50 000 военных [19].

Таким образом, с конца 2010-х гг. по сей день имеет место милитаризация приграничных территорий с обеих сторон. Дополнительным толчком для ее ускорения стали стычки 2020 и 2022 гг. Расширение гражданской, но в большей степени военной инфраструктуры свидетельствует о том, что обе стороны готовятся к новым столкновениям и не склонны решать проблему дипломатическим путем.

Общий климат индийско-китайских отношений

После окончания холодной войны в индийско-китайских отношениях намечалось потепление, несмотря на неурегулированность территориального спора. В период с начала 1990-х по конец 2010-х гг. имело место несколько встреч на высоком уровне, увеличивалось торговое и дипломатическое взаимодействие между Индией и Китаем. В индийском истеблишменте было распространено мнение о том, что приграничный спор должен быть отделен от общей повестки улучшающихся индийско-китайских отношений. Уступки имели двусторонний характер: к примеру, в начале 2000-х гг. КНР фактически признала Сикким индийской территорией, а Индия признала Тибет частью Китая. В 2006 г. между Тибетом и Сиккимом был открыт пограничный переход. К 2012 г. Китай стал вторым по товарообороту торговым партнером Индии [17]. В целом до конфликта на Докламе в 2017 г. отношения стран постепенно улучшались.

Одним из факторов их ухудшения стал приход к власти в Индии в 2014 г. националиста Нарендры Моди, возглавляющего «Бхаратия джаната парти». Националистическая риторика партии включает в себя и ревностное отстаивание границ и отказ от любых уступок. В итоге в индийско-китайских отношениях по приграничному вопросу сложился принцип «ни пяди земли», который, несомненно, усложняет мирное урегулирование конфликта [13]. Одним из проявлений такой политики правительства Моди в территориальном вопросе является решение о создании союзных территорий из Джамму и Кашмира в 2019 г. Ранее Джамму и Кашмир входили в одноименный штат; статус союзной территории лишил эти регионы местного правительства и поставил их под прямой контроль

индийского правительства, таким образом значительно уменьшив их автономию и продемонстрировав контроль Нью-Дели над ними.

Настороженность Индии вызвали и попытки Китая усилить свое влияние на севере Индийского океана путем расширения там военно-морского и торгового присутствия. В первую очередь, речь идет об инициативе «Пояс и Путь», запущенной в 2013 г., в которой на данный момент участвуют такие стратегически важные для Индии страны, как Мьянма и Бангладеш. Опасаясь ослабления своих позиций в регионе, Индия отказалась от участия в проекте [5], а в 2014 г. запустила схожую программу «Соседство превыше всего», направленную на экономическую и инфраструктурную помощь соседям Индии [17].

Однако до обострения приграничного конфликта в 2017 г., а после — в 2020 г. говорить об индийско-китайском противостоянии не приходилось. Именно приграничный конфликт послужил катализатором общего ухудшения индийско-китайских отношений в конце 2010-х — начале 2020-х гг. В 2020 г. Индия ввела санкции против десятков китайских предприятий и компаний, запретила множество китайских приложений, в частности TikTok и WeChat [14; 22]. Ухудшение отношений сказалось и на геополитических шагах Индии и Китая. Так, в 2017 г. после почти десятилетнего перерыва был возобновлен четырехсторонний диалог в рамках QUAD — группы Австралии, Индии, США и Японии, занимающейся вопросами безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Группа во многом направлена на сдерживание растущих амбиций Китая, согласно совместному заявлению лидеров «четверки» 12 марта 2021 г. [17]. Кроме того, Индия и США с конца 2010-х гг. подписали несколько соглашений в сфере обороны (последнее — в ноябре 2023 г.), в том числе о закупках оружия [18]. Китай же продолжает улучшение отношений с Пакистаном. Пекин является крупнейшим поставщиком оружия и военной техники в это государство. В 2021 г. в ходе телефонного разговора с тогдашним премьер-министром Пакистана Имраном Ханом Си Цзиньпин назвал две страны «железными братьями» [17]. Пекин и Исламабад регулярно проводят совместные военные учения, к примеру, в ноябре 2023 г. их провели ВМС Народно-освободительной армии Китая и Пакистана [7].

Несмотря на то, что в последнее время стороны пытаются найти дипломатическое решение конфликта, в частности, в августе 2023 г. обязались поддерживать мир в Аксайчине [6], в октябре договорились продолжить диалог по статусу региона [10], переговоры скорее носят декоративный характер. Общий климат индийско-китайских отношений сейчас достаточно напряженный и в любой момент может ухудшиться из-за нового инцидента на границе.

Влияние исторических реалий на современное состояние конфликта

Перечисленные исторические особенности китайско-индийского территориального спора оказывают значительное влияние на современное состояние и самого конфликта, и отношений Китая и Индии в целом.

Во-первых, приграничный конфликт фактически стал первым и впоследствии ключевым противоречием азиатских стран. Об этом свидетельствует теплота

их отношений в 1950-е гг., когда сближение Нью-Дели и Пекина достигло максимального уровня. Лишь появление общей границы после присоединения Тибета к КНР постепенно спровоцировало приграничный конфликт, который впоследствии повлек за собой новые противоречия, актуальные по сей день. О том, что именно приграничный конфликт лежит в корне индийско-китайского противостояния, свидетельствует и недавний период. С начала холодной войны до конца 2010-х гг. наметилось улучшение отношений двух стран, даже несмотря на некоторые противоречия, например по поводу влияния на севере Индийского океана. Однако оно было оборвано именно приграничными спорами 2017 и 2020 гг.

Во-вторых, исторический подтекст усложняет конфликт. То, что его предпосылки были заложены британцами в одностороннем порядке, а не в ходе взаимодействия индийской и китайской стороны, делает почти невозможным определение исторической принадлежности спорных территорий. Принадлежность регионов сложно определить и с национальной точки зрения, так как в Аксайчине нет постоянного населения, не считая «искусственно» переселенных туда правительством КНР тибетцев — народности, которая в культурном плане тяготеет и к Индии, и к Китаю. В Аруначал-Прадеше же обитают представители нескольких десятков народов, причем опять сложно выявить, тяготеют ли они к китайцам или индийцам по происхождению. Таким образом, вряд ли существует объективное решение территориального конфликта между Индией и Китаем. Обе стороны выдвигают во многом необоснованные территориальные претензии. Особенно это относится к Китаю, чьи притязания на Аруначал-Прадеш основаны лишь на его заявлениях о неправомерности конференции в Симле 1913—1914 гг. Серьезных причин, по которым Китай претендует именно на вышеупомянутое изменение границы, фактически нет.

Наконец, исторический подтекст конфликта определяет его несколько абсурдный характер, который был упомянут ранее. Фактически сторонами в территориальном споре используются рубежи, составленные британцами в XIX — начале XX веков несмотря на то, что они давно потеряли геополитическую актуальность. Фактически от приобретения Аксайчина Индия не получит ничего, кроме политического престижа, как и Китай — от присоединения Аруначал-Прадеша. Таким образом, территориальный конфликт Индии и Китая для обеих сторон — скорее принципиальный вопрос. Так или иначе, именно его нерешенность не позволяет Нью-Дели и Пекину начать сближение и продолжает склонять Индию в сторону США, а Китай — в сторону противников Нью-Дели.

Список литературы / References

1. В Китае вступил в силу закон о сухопутных границах // Парламентская газета. 01.01.2022. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-kitae-vstupil-v-silu-zakon-o-sukhoputnykh-granicakh.html> (дата обращения: 10.01.2024).

The law on land borders has entered into force in China. Parliamentary Gazette. 01.01.2022. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-kitae-vstupil-v-silu-zakon-o-sukhoputnykh-granicakh.html> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

2. В Индии образованы две новые союзные территории // ТАСС. 31.10.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7065391> (дата обращения: 10.01.2024).

Two new union territories have been formed in India. TASS. 31.10.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7065391> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

3. Индийские и китайские военные договорились о мире и спокойствии на границе // РИА Новости. 12.10.2023 (дата обращения: 10.01.2024).

The Indian and Chinese military have agreed on peace and tranquility on the border. RIA Novosti. 12.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231012/mir-1902161816.html> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

4. Индия и Китай отступились от войны // Коммерсантъ. 28.08.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3396316> (дата обращения: 10.01.2024).

India and China have renounced the war. Kommersant. 28.08.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3396316> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

5. Индия отказалась участвовать в форуме «Один пояс — один путь» в Китае // РБК. 14.05.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/591817539a7947752169ecf3> (дата обращения: 10.01.2024).

India refused to participate in the “One Belt— One Road” forum in China. RBC. 14.05.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/591817539a7947752169ecf3> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

6. Китай и Индия обязались поддерживать мир на спорных приграничных территориях // Интерфакс. 16.08.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/916451> (дата обращения: 10.01.2024).

China and India have pledged to maintain peace in the disputed border territories. Interfax. 16.08.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/916451> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

7. Китай и Пакистан проводят крупнейшие военно-морские учения // Большая Азия. 14.11.2023. URL: <https://bigasia.ru/kitaj-i-pakistan-provodyat-krupnejshie-voenno-morskie-ucheniya/> (дата обращения: 10.01.2024).

China and Pakistan are conducting the largest naval exercises. Greater Asia. 14.11.2023. URL: <https://bigasia.ru/kitaj-i-pakistan-provodyat-krupnejshie-voenno-morskie-ucheniya> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

8. Китай отказывается от претензий к Индии на район Сикким // РИА Новости. 11.04.2005. URL: <https://ria.ru/20050411/39648970.html> (дата обращения: 10.01.2024).

China renounces its claims to India in the Sikkim region // RIA Novosti. 11.04.2005. URL: <https://ria.ru/20050411/39648970.html> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

9. Лихачев К.А. Изменение характера китайско-индийских отношений на фоне обострения пограничных противоречий: взгляд из Нью-Дели // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Москва, 2021. Вып. 26. С. 79—96.

Likhachev K.A. *Izmenenie haraktera kitaysko-indiyskih otnosheniy na fone obostreniya pogranichnyh protivorechiy: vzglyad iz N'yu-Deli* [Changing the nature of Sino-Indian relations against the background of worsening border contradictions: a view from New Delhi]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], Moscow, 2021, issue 26, pp. 79—96. (In Russ.).

10. МИД: Индия и КНР договорились вести диалог по вопросу границы в Ладакхе // Российская газета. 11.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/11/mid-indiia-i-krn-dogovorilis-vesti-dialog-po-voprosu-granicy-v-ladakhe.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Foreign Ministry: India and China have agreed to conduct a dialogue on the issue of the border in Ladakh. Rossiyskaya Gazeta. 11.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/11/mid-indiia-i-krn-dogovorilis-vesti-dialog-po-voprosu-granicy-v-ladakhe.html> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

11. Плато раздора: решатся ли Индия и Китай на повторение войны 1962 года // РБК. 09.08.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/08/2017/598857c79a794778be609b0b> (дата обращения 01.02.2024) (дата обращения: 10.01.2024).

Plateau of discord: will India and China decide to repeat the war of 1962. RBC. 09.08.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/08/2017/598857c79a794778be609b0b> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

12. Толмачев Ю.О. Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 году // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. № 2 (51). С. 72—81.

Tolmachev Yu.O. Kitaysko-indiyskiy pogranichnyy konflikt v 1962 godu [The Sino-Indian border conflict in 1962]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina [Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin], 2016, no. 2 (51), pp. 72—81. (In Russ.).

13. Уянаев С.В. Индийско-китайский пограничный спор: возможен ли свет в конце тоннеля? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 63—78.

Uyanaev S.V. Indiyisko-kitayskiy pogranichnyy spor: vozmozhen li svet v konce tonnelya? [Indian-Chinese border dispute: is light possible at the end of the tunnel?]. Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity. China in world and regional politics. History and modernity], issue XXVI: annual edition, comp., ed. by E.I. Safronova. Moscow: IDV RAS, 2021, pp. 63—78. (In Russ.).

14. Bajpai G. S. China's Shadow Over Sikkim: The Politics of Intimidation. Lancer Publishers, 1999.

15. Full list of Chinese apps banned in India so far: PUBG Mobile, Garena Free Fire, TikTok and hundreds more // India Today. 21.08.2022. URL: <https://www.indiatoday.in/technology/news/story/bgmi-garena-free-fire-tiktok-and-more-banned-in-india-check-the-full-list-1990048-2022-08-19> (дата обращения: 10.01.2024).

16. Hoffmann, Steven A. India and the China Crisis. University of California Press, 1990.

17. International Crisis Group — Thin Ice in the Himalayas: Handling the India-China Border dispute. URL: https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/india-china/334-thin-ice-himalayas-handling-india-china-border-dispute#_ftn2 (дата обращения: 10.01.2024).

18. Reuters: Индия увеличила закупки оружия в США для получения военных технологий // ТАСС. 10.07.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18236597> (дата обращения: 10.01.2024).

Reuters: India has increased purchases of weapons in the United States to obtain military technologies. TASS. 10. 07.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18236597> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.).

19. Rising tensions along the Indian-Chinese border // GIS Reports. 08.08.2023. URL: <https://www.gisreportsonline.com/г/china-india-border-2/> (дата обращения: 10.01.2024).

20. Singh J.J. The McMahon Line — A Century of Discord, HarperCollins Publishers India, 2019.

21. The Great India-China Game // Rediff. 06.23.2003. URL: <https://www.rediff.com/news/2003/jun/20spec.htm> (дата обращения: 10.01.2024).

22. Why We Should All Worry About the China-India Border Dispute // United States Institute of Peace. 31.05.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/05/why-we-should-all-worry-about-china-india-border-dispute> (дата обращения: 10.01.2024).

Т.М. Мамахатов, А.Ч. Мокрецкий

11-я международная конференция молодых востоковедов в ИКСА РАН

Авторы: Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0001-7212-6831.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Для цитирования: Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч. 11-я международная конференция молодых востоковедов в ИКСА РАН // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 118—124. DOI: 10.48647/ICCA.2024.54.41.012.

Mamakhatov T. M., Mokretskii A.Ch.

The 11th International Conference of Young Orientalists in ICCA RAS

Authors: Mamakhatov Tles Muratovich., PhD (Economics), Senior Researcher, Center for “Russia, China, World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Mokretskii Alexander Cheslavovich., Senior Researcher, Center for “Russia, China, World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

For citation: Mamakhatov T.M., Mokretskii A.Ch. The 11th International Conference of Young Orientalists in ICCA RAS. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2024, no. 1, pp. 118—124. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.54.41.012.

В ИКСА РАН 23—24 ноября 2023 г. состоялась 11-я международная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Работа форума прошла в рамках 5 пленарных сессий и 1 студенческой секции в

смешанном очно-дистанционном формате. Начиная с 2022 г., отдельная студенческая панель становится неотъемлемой частью молодежной конференции.

Мероприятие собрало более 100 молодых востоковедов, аспирантов и бакалавров, представляющих различные академические центры и вузы. Конференция выступила площадкой взаимодействия для ученых со всей страны (Москва, Санкт-Петербург, Киров, Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Владивосток) и стран Восточной Азии (Китай и др.). Были заслушаны и обсуждены более 50 докладов, посвященных актуальным вопросам политики, экономики, развития общества, истории и культуры стран Восточной Азии и их сотрудничества с РФ.

В рамках *первого пленарного заседания «Политика КНР»* было заслушано и обсуждено 8 докладов.

С.н.с. ИКСА РАН **А.Ч. Мокрецкий** рассмотрел переход от китайских идей в области внешней политики и дипломатии к ценностям: концепции, озвученные на разных международных и «домашних» площадках, «материализуются» на практике в публикациях официальных документов («Белые книги» и др.), закрепляются определенной терминологией в Уставе коммунистической партии и впоследствии обретают характер ценностей. Аспирант Института славяноведения РАН **Янь Лэй** проанализировал общественную мысль КНР о внешней политике России в 90-е гг. XX в. По мнению автора, внешняя политика России в изучаемый период прошла два этапа эволюции: прозападная дипломатия (1991—1995) и многополярная дипломатия (1996—1999). При этом усилия Москвы были связаны с желанием сохранить статус великой державы. Результатом политики по укреплению связей с западными странами стал ущерб национальным интересам и международному статусу России. В то же время в процессе поворота дипломатии в середине десятилетия российско-китайские отношения продолжили углубляться.

Соискатель МГИМО МИД РФ, эксперт РСМД **Д.А. Бочков** уделил внимание разворачивающейся стратегической конкуренции КНР и Индии в Южной Азии. Регион становится пространством активного соперничества великих держав за лидерство и влияние, которое, как прогнозируется, будет только усиливаться, что потребует от Пекина и Нью-Дели еще более активного вовлечения в региональные процессы. В докладе студента 1-го курса магистратуры факультета мировой политики и экономики НИУ ВШЭ **О.А. Филатова** было охарактеризовано развитие «Форума Макао» как институциональной площадки сотрудничества Китая и португалоговорящих государств в рамках инициативы «Один пояс — один путь».

Научный сотрудник ИКСА РАН **В.А. Скосырев**, рассматривая лозунг Си Цзиньпина «не забывать изначальные помыслы и крепко помнить об исторической миссии» (不忘初心, 牢记使命), пришел к выводу, что КПК не связывает свою «историческую миссию» с реализацией коммунистической программы. В действительности, идеологема развивает националистическую повестку руководства КНР. В другом докладе, связанном с внутренней политикой КНР, м.н.с. ИВ РАН **Р.Ф. Кудакеев** проанализировал принципы партийно-государственного взаимодействия в КНР на примере лозунга «Одна организация — две вывески» (一个机构, 两块牌子), который позволяет в рамках одного юридического лица

совмещать строгую партийную дисциплину и широкие возможности государственного аппарата. Разнообразие типов сращения партийно-государственных органов позволяет следовать концепции управления государством на правовой основе (依法治国), не создавая при этом альтернатив главенствующей роли КПК в стране.

Студентка магистратуры факультета международных отношений СПбГУ **Е.В. Алексеева** дала оценку потенциала БРИКС как инструмента реализации китайской инициативы глобального развития, отметив, что гибкий формат взаимодействия и успешный опыт достижения компромиссов в рамках БРИКС повышает роль структуры в реализации китайской инициативы. Сопутствующим эффектом становится усиление голоса КНР в международной повестке глобального развития, с учетом веса страны в БРИКС.

С.н.с. Института США и Канады им. акад. Г.А. Арбатова РАН **О.О. Криволапов**, используя положения теории сдерживания, рассмотрел основные сценарии, при которых усиленная ПРО театра военных действий (ПРО ТВД, региональная ПРО) позволит США и их союзникам усилить региональное сдерживание, а также сценарии, при которых она обострит ситуацию. Доктринальные установки обеих сторон являются одним из факторов, из-за которых усиление региональной ПРО войск США и их союзников может обострить ситуацию в случае политико-военного кризиса на Корейском полуострове.

Вторая пленарная сессия была посвящена «*Политике стран Восточной Азии*». В рамках заседания было заслушано 8 докладов.

В докладе аспиранта НГУ **Р.М. Сеитова** рассматриваются особенности политической репрезентации групп электората (преимущественно сельское население и молодежь) в условиях демографических изменений в Японии. Автор отмечает, что сельские избирательные округа все еще являются важной опорой Либерально-Демократической Партии. Вместе с тем среди молодежи сокращается как представительство в политической системе, так и интерес к политике, что, в целом, приводит к снижению устойчивости политической системы.

Доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ **О.В. Столетов** провел анализ международного взаимодействия государств Юго-Восточной Азии в сфере безопасности в условиях обострения глобальных и региональных угроз. В результате исследования было выявлено, что государства региона демонстрируют определенные особенности при выстраивании международного взаимодействия в таких сферах, как создание и использование военных баз, импорт вооружений, противодействие терроризму, региональная морская безопасность, кибербезопасность, ядерная безопасность, военно-политические коммуникации. Эти особенности проявляются в характере взаимодействия государств АСЕАН с государствами Восточной Азии, внерегиональными странами, на уровне «асеаноцентричных» институтов, а также в рамках АСЕАН.

Подходам Японии к проблеме ракетно-ядерного потенциала КНДР был посвящен доклад м.н.с. ИКСА РАН **Ю.А. Домахиной**. Кроме того, рассматривалась ракетно-ядерная программа КНДР как фактор национальной безопасности Японии и политика Токио в отношении Пхеньяна, освещалась роль японо-амери-

канского союза и сотрудничество в треугольнике Япония–США–Республика Корея, была дана оценка эффективности японской политики в отношении Пхеньяна и сделаны прогнозы относительно ее дальнейшего развития.

Выпускница бакалавриата НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) **Е.И. Гриневиц** охарактеризовала динамику политического дискурса лидеров Республики Корея к вопросу «объединения с КНДР» (1998—2023) на основе методов корпусной лингвистики (с использованием программы AntConc) и сравнительно-сопоставительного анализа. Исследование охватывало речи президентов, начиная с Ким Дэ Чжуна и заканчивая Юн Сок Ёлем.

Н.с. ИКСА РАН **П.С. Шатерников** проанализировал современное состояние Индонезии «на распутье». С одной стороны, экономический кризис вынуждает страну все сильнее включаться в китайскую инициативу «Пояса и Пути». С другой — Индонезия, являясь локомотивом интеграции в Юго-Восточной Азии, не может рисковать попаданием в зависимость от Китая и вынуждена лавировать между Пекином и другим важнейшим актором современных международных отношений — Вашингтоном. При этом Джакарте важно сохранить роль лидера АСЕАН, обеспечить функционирование ключевых принципов организации и не позволить противостоянию «орла и дракона» вылиться в открытый конфликт на территории Юго-Восточной Азии. Н.с. ИКСА РАН **Г.Н. Кучеренко** охарактеризовал факторы трансформации оппозиции в Камбодже как пример попытки адаптации к государственным репрессиям.

Доцент Школы востоковедения ВШЭ **Д.Е. Гришина** сделала анализ причин и процесса создания, а также деятельности корейской дипломатической миссии в Токио в период с 1887 по 1894 г. Автор убежден, что именно через дипломатов в Токио страна, находящаяся в вассальной зависимости от Китая, проводила независимую внешнеполитическую линию, а сама миссия играла ключевую роль в корейских дипломатических обменах не только с Японией, но и со странами Запада.

Современной пространственной динамике промышленного развития Республики Корея был посвящен доклад м.н.с. Института экономики РАН **Ф.М. Чернецкого**. По мнению автора, эта динамика обусловлена двумя противоположными процессами: децентрализацией и концентрацией. Децентрализация происходит в большинстве отраслей за счет роста специализированных центров на периферии старых и появления новых. Концентрация свойственна высокотехнологичным отраслям, тяготеющим к локализации в крупных диверсифицированных центрах.

На *третьей пленарной панели*, посвященной «*Культуре и гуманитарному сотрудничеству*», было заслушано и обсуждено 8 докладов.

Н.с. ИКСА РАН **А.Д. Александрова** провела сравнительный анализ концепций корпоративной культуры в двух китайских компаниях — Сяоми и Хуавэй.

Выпускница бакалавриата НИУ ВШЭ, Школы востоковедения **Е.В. Проткова** охарактеризовала проблемы социальной культуры семьи в Республике Корея (упомянув факторы демографии, старения общества и молодой семьи). Автор рассмотрела трансформацию семейных ценностей и выявила причины изменений в отношении к браку, материнству и заботе о старшем поколении с помо-

шью систематизации и анализа финансовых расходов, мер социальной поддержки и социальных тенденций, с которыми сталкивается корейская семья на разных этапах жизненного цикла.

Ассистент кафедры корееведения восточного факультета СПбГУ **Е.К. Белая** посвятила доклад деятельности южнокорейских частных компаний по освоению и использованию космического пространства. Анализ космических стартапов РК позволяет сделать вывод о стремлении коммерческих кругов развивать космический сектор как для получения экономической выгоды, так и для поднятия престижа государства на мировом рынке.

М.н.с. кафедры философии, культурологии и социологии НовГУ им. Ярослава Мудрого **О.А. Скальная** детально рассмотрела конфуцианскую концепцию гуманности «жэнь». Конфуцианское учение исторически считается одним из первых философских течений, обратившихся к вопросам гуманизма, к роли человека в мире. Личная и социальная этика — основа конфуцианства. В свете проблемы формирования глобальной этики актуальность конфуцианских гуманистических ценностей возрастает как в самом Китае, так и на мировом уровне.

Доклад о высшем образовании и проекте «Один пояс, один путь» представила ассистент кафедры зарубежного регионоведения УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина **С.С. Зубарева**. С момента начала реализации инициативы Пояса и Пути Китай установил партнерские отношения в сфере высшего образования с 188 странами, сотрудничает с 46 образовательными организациями. Все три университетские альянсы (Альянс университетов Нового Шелкового пути (UASR), Стратегический альянс университетов «Один пояс — один путь» (OBORUSA) и Китайско-Центральноазиатский альянс университетов (ССАУС)) активно развивают сотрудничество с ключевыми университетами мира, не ограничиваясь рамками своих объединений. Таким образом, укрепление регионального сотрудничества в сфере высшего образования в рамках инициативы «Пояса и Пути» можно рассматривать в контексте развития глобального сотрудничества в сфере образования в XXI в.

Китайская магистрантка политических наук Пекинского университета иностранных языков **Чжан Цяньи** сделала сравнительный анализ основных направлений и целей национальных политик Китая и России по отношению к коренным малочисленным народам Севера. При этом разница в понимании национального вопроса проявляется в определении и названии этнических групп. В КНР 55 законных народов, помимо основного народа «хань», являются этническими меньшинствами. В российском законодательстве понятие «коренные малочисленные народы» отражает специфику страны: в России этот статус распространяется только на наиболее уязвимые этнические группы общества.

Лаборант-исследователь ИВ РАН **Д.А. Романенко** уделит внимание внутриполитическому контексту в содержании школьных учебников по истории в Японии. С одной стороны, авторы наиболее распространенных из них не восславляют милитаризм и не пишут про превосходство японской нации, но в то же время события военной агрессией Японии упоминаются все реже. Перечисленное является не целенаправленной политикой правительства, а результатом взаимодей-

ствия множества акторов, вовлеченных в процесс утверждения учебных пособий и их распространения в школы страны.

Доклад старшего лаборанта-исследователя ИКСА РАН **А.А. Ширикаловой** был посвящен трансформации представлений об идеале женщины в Корее в период японской оккупации. Под влиянием японской модернизации и вестернизации общества женщины сталкивались с новыми стандартами красоты и социокультурными ожиданиями. Автор исследует реакцию женщин на эти изменения, их стратегии адаптации или сопротивления, а также роль индустрии красоты, моды и маркетинга в трансформации образа.

Второй день конференции открывался работой секции, посвященной вопросам экономики стран Восточной Азии, модератором которой выступал **Т.М. Мамахатов**, председатель Совета молодых ученых СМУ ИКСА РАН.

Первый доклад был сделан сотрудницей института, **А.В. Волошиной**. Доклад касался темы «Атомная энергетика на Тайване: есть ли будущее?».

Далее шло выступление **Е.О. Заклязьминской**, старшего научного сотрудника ИКСА РАН, на тему «Экономика КНР в 2023 г.: в поисках новых драйверов роста». В докладе были отображены современные тенденции в экономике Китая, такие как переход от экстенсивного роста ВВП к интенсивному, реструктуризация отраслей экономики страны, акцентирование на высокотехнологичном производстве.

Доклад научного сотрудника института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН **Э.Р. Ширгазиной** был посвящен Китайско-непальским отношениям, поиску баланса в них.

Н.Ю. Пасько, преподаватель Высшей школы экономики выступала с докладом «Республика Корея и формирование нового многостороннего режима экспортного контроля: приоритетные направления и механизмы».

Аспирант первого курса ИКСА РАН **А.А. Попов** выступил с устным докладом на тему «Горнодобывающая промышленность Индонезии: перспективы развития сотрудничества с Российской Федерацией».

Далее шло выступление сотрудника Центра корейских исследований ИКСА РАН **М.А. Федюниной** посвященное теме «Сокращение рождаемости в Республике Корея: экономический аспект».

Председатель совета молодых ученых ИКСА РАН **Т.М. Мамахатов** выступил с докладом на тему «Многовекторная политика стран Центральной Азии в современных политических условиях».

Далее, старший научный сотрудник Центра Корейских исследований ИКСА РАН **А.Г. Зуева** выступила с докладом «Ближневосточный вектор во внешнеэкономической политике Республики Корея».

Е.С. Бурова, сотрудница центра Вьетнама и стран АСЕАН посвятила свой доклад «Экономические достижения Камбоджи под руководством НПК».

Гость конференции из Института Востоковедения РАН **А.А. Курмызов** рассказал об «Идеи модернизации Кореи в трактовке президента Пак Чон Хи».

Работа следующей секции была посвящена Историческим аспектам стран Восточной Азии. Модерировал заседание заместитель совета молодых ученых ИКСА РАН, **А.Ч. Мокрецкий**.

Открыл заседание доклад сотрудницы Центра «Государство и религия в Азии» ИКСА РАН **Н.Н. Сукиасянц** о правовых и организационных аспектах деятельности тюремных священников (капелланов) в пенитенциарной системе современной Японии.

Далее следовал доклад доцента кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета **Д.А. Садакова**, посвященный Перевороту Юсин 1972 г. в корейской политике США.

И.С. Колнин, сотрудник отдела Китая института Востоковедения РАН, рассказал об одной из ключевых фигур в истории Китая Ване Цзинхуне (王景弘). Доклад был посвящен новым данным о его биографии и месте смерти, по мнению экспертов это могли бы или Семаранг или Нанкин.

Аналитик экспертно-аналитической группы Центра «Государство и религия в Азии» **К.В. Шуплецова** рассказала о японской религиозной политике в Корее в колониальный период.

И.А. Дегтев, сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, сделал доклад под названием «От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941 гг.)».

Научный сотрудник института Востоковедения РАН **П.Н. Чельшева** в своем выступлении рассказала о русско-китайской чайной торговле в XVIII—XIX веках.

Магистрант Санкт-Петербургского государственного университета **Н.Н. Терехин** рассказал об усилении трансформационных процессов в корейской деревне в 1927—1932 годах.

Научный сотрудник института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН **А.А. Ломова** о месте Индии в политике КНР в контексте китайско-американского противостояния.

Мероприятие завершилось студенческой панелью, которую открывал на правах ментора старший преподаватель МГУ, а также ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» **А.В. Бредихин**. Тема доклада была посвящена казакведческой мысли в Китае.

Также на секции выступили студенты МГУ, МГИМО, СПбГУ, ВШЭ, РГГУ. Например, Ю.И. Нефёдова с докладом «Цифровая модернизация сельскохозяйственных районов Китая», А.И. Мельников с докладом «Роль приема остранения и поэтики абсурда в реализации нравственных проблем современности в романах Мо Яня “Страна Вина” и Кадзуо Исигуро “Не отпускай меня”», Д.А. Роатэ с докладом на тему: «Роман Чжан Юэжань “Кокон” как этап трансформации темы отцовства в современной литературе Китая». А.С. Корчагина выступила в докладе «Способы постановки экологических проблем в романе У Мин-и “Человек с фасеточными глазами”», А.С. Дудко — «Кризисные тенденции на рынке недвижимости КНР в современную эпоху» и Е.И. Карпов с темой «СССР и проблема послевоенного будущего Японии в материалах Народного комиссариата иностранных дел».

По итогам конференции будет подготовлен сборник тезисов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Кроме того, лучшие статьи будут опубликованы в журналах «Корееведение» и «Современная Азия: политика, экономика, общество».